

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

СОЗДАНИЕ КУЛЬТУРЫ СОБЛЮДЕНИЯ МГП ДЛЯ ЗАЩИТЫ ГУМАННОСТИ
В КОНФЛИКТАХ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

**СОЗДАНИЕ КУЛЬТУРЫ СОБЛЮДЕНИЯ МГП ДЛЯ ЗАЩИТЫ ГУМАННОСТИ
В КОНФЛИКТАХ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО**

СОДЕРЖАНИЕ

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	6
I. ЗАПРЕТИТЬ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ — ЗАЩИТИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОТ НЕИМОВЕРНЫХ СТРАДАНИЙ	10
1. Ядерное оружие и МГП	12
2. Договор о запрещении ядерного оружия	12
II. ПРОЯСНЕНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ: «СЕРЫЕ ЗОНЫ», «КОНКУРЕНЦИЯ», «ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» ИЛИ «ОПОСРЕДОВАННАЯ ВОЙНА»	14
III. НА ПУТИ К БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В РУКАХ СТОРОН В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ	18
1. Лица, лишённые свободы во время вооруженного конфликта	19
А. Содержание под стражей государствами	19
В. Негосударственные вооруженные группы и запрет на произвольное содержание под стражей	23
2. Разлученные члены семьи, пропавшие без вести и умершие люди и их родственники	25
А. Уважение семейной жизни	26
В. «Право знать» согласно МГП	26
С. Регистрация и предоставление информации о разлученных членах семьи, пропавших без вести и умерших	27
D. Уважение к умершим	28
3. Дети, разлученные с семьей	29
А. Ключевые правовые положения, применимые в международных и немеждународных вооруженных конфликтах	30
В. Правовые основания и гарантии	31
4. Защита, предоставляемая различным категориям лиц	32
А. Применение МГП с учетом разного воздействия вооруженных конфликтов на мужчин и женщин	32
В. Толкование и соблюдение МГП с учетом потребностей инвалидов	35
IV. ДОБРОСОВЕСТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА МЕЖДУ ПРИНЦИПАМИ ГУМАННОСТИ И ВОЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ ПРИ ВЕДЕНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	38
1. Урбанизация вооруженных конфликтов	39
А. Оружие взрывного действия большой мощности в населенных пунктах: необходимо немедленно изменить образ мышления	40
В. Защита инфраструктуры жизнеобеспечения, позволяющей предоставлять основные услуги гражданскому населению	42
2. Защита медицинских учреждений	45
А. Действия, наносящие ущерб неприятелю, и их последствия	46
В. Требование о предупреждении	47
С. Другие ограничения на нападения на медицинские учреждения, утратившие защиту	47
3. Продовольственная безопасность	49
А. Запрет на использование голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны	49
В. Объекты, необходимые для выживания гражданского населения	50
С. Другие нормы, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу	51
D. Препятствия для обеспечения эффективной защиты на практике	52
4. Защита природной среды	53
А. Соблюдение МГП для защиты природной среды во время вооруженных конфликтов	53
В. Защита природной среды: общие нормы, касающиеся ведения военных действий	54
С. Запрет на причинение «обширного, долговременного и серьезного» ущерба природной среде: что это значит	55
D. Защита природоохранных зон во время вооруженного конфликта	56

5. Дальнейшая стигматизация противопехотных мин и кассетных боеприпасов	57
А. Добросовестное выполнение КЗПМ и ККБ	57
В. Усиление действия гуманитарных норм, лежащих в основе КЗПМ и ККБ.....	58
V. ПРИМЕНИМОСТЬ НОРМ МГП К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ...60	
1. Кибероперации, информационные операции и другие цифровые угрозы	61
А. Ограничения, которые МГП налагает на кибероперации.....	61
В. Ограничения, которые МГП налагает на информационные операции.....	62
С. Риски и правовые ограничения, связанные с вовлечением гражданского населения в военные действия с помощью цифровых технологий.....	63
2. Автономные системы вооружений	65
А. Определять законность нападения должен человек.....	65
В. Сложности определения законности нападений, совершаемых с применением АСВ.....	66
С. Необходимость разработки новых норм международного права, касающихся АСВ.....	68
3. Искусственный интеллект: планирование и принятие решений в вооруженных силах... 69	
А. В соответствии с МГП правовые решения должен принимать человек.....	70
В. ИИ подходит не для всех задач.....	70
С. Потенциал ИСППР: содействие соблюдению МГП и уменьшение ущерба для гражданского населения и гражданских объектов	71
D. У человека должно быть время и возможность, чтобы обдумать решение	72
4. Смягчение гуманитарных последствий при ведении военных действий в космическом пространстве.....	72
А. Налагаемые МГП ограничения на ведение военных действий в космическом пространстве или в связи с ним.....	73
В. Сотрудничество для предотвращения и устранения риска причинения ущерба гражданскому населению и гражданским объектам в ходе военно-космических операций.....	74
VI. ЗАЩИТА БЕСПРИСТРАСТНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩИХСЯ КОНФЛИКТОВ И СОДЕЙСТВИЕ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ	76
1. Сохранение возможностей для гуманитарной деятельности при применении санкций и мер по борьбе с терроризмом	77
А. Применение санкций и мер по борьбе с терроризмом с учетом требований МГП.....	78
В. Проблемы, остающиеся актуальными в рамках применения санкционных режимов	79
С. Соблюдение МГП в рамках применения мер по борьбе с терроризмом.....	79
2. Защита гуманитарных организаций от цифровых угроз	80
А. Кибероперации, направленные на взлом и нарушение работы информационных систем гуманитарных организаций	80
В. Дезинформация, подрывающая репутацию и деятельность гуманитарных организаций.....	81
VII. СОЗДАНИЕ КУЛЬТУРЫ СОБЛЮДЕНИЯ МГП	82
1. Претворение МГП в жизнь: роль государств в имплементации МГП и пресечении его нарушений.....	84
А. Ратификация основных договоров по МГП	84
В. Имплементация на национальном уровне.....	84
С. Расследование и пресечение нарушений МГП	85
D. Обучение и подготовка в области МГП.....	85
E. Обмен опытом практической работы	86
2. Поиск точек соприкосновений между МГП и различными культурными и правовыми системами	87
3. Обеспечение соблюдения МГП при передаче оружия.....	88
А. Международно-правовое обязательство соблюдать МГП при принятии решений о передаче оружия.....	88
В. Преодоление разрыва между обязательством и практикой: как обеспечить соблюдение МГП при принятии решений о передаче оружия.....	89
4. Соблюдение МГП и облегчение пути к миру	90
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	92

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

Перед вами шестой доклад, посвященный международному гуманитарному праву (МГП) и вызовам современных вооруженных конфликтов, который подготовлен Международным Комитетом Красного Креста (МККК) для Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца (Международная конференция). Аналогичные доклады были представлены на Международных конференциях, проходивших в 2003, 2007, 2011, 2015 и 2019 гг. Цель всех этих докладов состоит в том, чтобы дать общее представление о трудностях, с которыми сталкивается МГП в результате современных вооруженных конфликтов; побудить общество задуматься об этих трудностях и обрисовать действия, которые МККК предпринимает в настоящее время и предполагает предпринять в будущем, его позиции по разным вопросам и области, представляющие для него интерес, а также довести их до сведения участников Международной конференции.

Как и в предыдущих докладах, в этом докладе говорится лишь о некоторых вызовах, с которыми в настоящее время сталкивается МГП. В докладе представлен ряд тем, к которым государства, МККК и другие акторы проявляют все больший интерес: ядерное оружие, защита лиц, находящихся во власти сторон в конфликте, ведение боевых действий; новые технологии ведения военных действий; беспристрастная гуманитарная деятельность и имплементация МГП. Кроме того, рассматриваются проблемы, которые не были включены в предыдущие доклады, например связанные с безвестными исчезновениями людей, разлучением членов семьи, обязательствами по обращению с телами умерших, продовольственной безопасностью, ведением военных действий в космосе, а также с тем, каким образом МГП вносит вклад, хотя бы скромный, в достижение мира. Доклад возвращается и к вопросам, которые уже затрагивались в предыдущих докладах и остаются приоритетными в международной повестке дня (урбанизация боевых действий, автономные системы вооружений и другие новые технологии ведения военных действий, защита лишенных свободы лиц)..

***

Во вступлении к настоящему докладу представлен краткий обзор современных вооруженных конфликтов и их последствий гуманитарного характера, а также существующих реалий, которые порождают трудности с соблюдением МГП. Кроме того, в нем рассматриваются вызывающие обеспокоенность вопросы, связанные с негативными тенденциями в толковании и применении МГП, которые могут ослабить его способность спасать жизни. Более чем за 75 лет, прошедших с момента их принятия, Женевские конвенции 1949 г., дополненные всем сводом норм МГП, спасли бесчисленное количество жизней, несмотря на разрушительные последствия военных действий, и обеспечили уважение и защиту тысячам лиц, лишенных свободы, раненых и больных. Но стороны в вооруженных конфликтах также часто не соблюдают МГП. Как и на каждой Международной конференции, МККК призывает государства и стороны в конфликтах делать больше для защиты жертв войны.

Глава I настоящего доклада посвящена ядерному оружию. Недавние события в очередной раз заставили человечество задуматься об огромном разрушительном потенциале этого оружия и той угрозе, которую оно представляет. В этой главе МККК напоминает о том, каким образом МГП регулирует вопросы, связанные с ядерным оружием. В ней подчеркивается, насколько важную роль играет договор о запрещении ядерного оружия, предлагающий единственное решение, которое позволит спасти человечество от угрозы ядерного оружия, — его ликвидацию. Если ядерное оружие не уничтожить, человечество обречено.

В главе II представлен правовой анализ политического и военного дискурса о конкуренции между государствами, гибридной войне, опосредованной войне и потенциальных правовых серых зонах.

В главе III разбирается проблема защиты лиц, находящихся во власти сторон в вооруженных конфликтах. Вооруженные конфликты неизбежно приводят к страданиям. Даже в тех конфликтах, в которых стороны соблюдают МГП, есть и лишенные свободы, и убитые. Тысячи людей пропадают без вести во время военных действий, и многие из них никогда не вернутся: их близкие годами испы-

тывают боль потери и преодолевают связанные с их отсутствием трудности. Дети разлучаются с родными, и это тоже оборачивается страданиями и лишениями. В этой главе рассматривается широкий круг норм, обеспечивающих защиту тех, кто был затронут вооруженным конфликтом. Кроме того, в ней говорится о необходимости признания того, что у людей возникает множество разных потребностей, и о необходимости соблюдать МГП, не проводя каких-либо неблагоприятных различий.

В главе IV говорится о нормах МГП, касающихся ведения военных действий. В ней содержится призыв к тщательному соблюдению баланса между принципами гуманности и военной необходимости. Современные вооруженные конфликты приводят к разрушениям огромного масштаба. Целые города оказываются стерты с лица земли, множество больниц превращены в руины. Мирное население пытается выжить в условиях нехватки продовольствия, воды и медицинской помощи, перебоев с электричеством. Вооруженные конфликты еще больше усугубляют глобальный экологический и климатический кризис, быстро набирающий обороты. Регресс в работе по запрещению противопехотных мин и кассетных боеприпасов порождает высокий риск того, что договоры, которые спасли бесчисленное количество жизней, потеряют эффективность. В этих обстоятельствах МККК представляет свой взгляд на то, как добросовестное соблюдение норм МГП, касающихся ведения военных действий, может предотвратить или смягчить некоторые из этих последствий.

Несколько лет назад перспектива применения цифровых технологий ведения военных действий, в том числе использования искусственного интеллекта для принятия решений в военной сфере, могла показаться отдаленной, но сейчас многие из этих технологий стали реальностью. Вот почему в главе V представлена точка зрения МККК на основные проблемы применения норм и принципов МГП к новым технологиям ведения военных действий. В первую очередь описывается участвовавшее применение систем вооружений с разной степенью автономности и систем, применяющих искусственный интеллект для принятия решений о том, кто или что станет объектом нападения и как такое нападение осуществить. Далее описываются ограничения, которые МГП устанавливает в отношении растущего числа киберопераций, проводимых государственными и негосударственными акторами во время вооруженных конфликтов, и приводятся нормы МГП, касающиеся информационных операций. Поскольку работа служб жизнеобеспечения все больше зависит от систем, размещенных в космосе, в этой главе также подчеркивается важность потенциальных гуманитарных последствий военных действий в космическом пространстве и правовых норм, которым эти действия должны соответствовать.

Огромное количество людей, затронутых вооруженными конфликтами, нуждаются в помощи и защите. Именно поэтому в главе VI приводятся нормы МГП, предоставляющие защиту от старых и новых угроз тем, кто осуществляет беспристрастную гуманитарную деятельность. В этой главе показано, что сложная система санкций и контртеррористических мер создает серьезные препятствия для деятельности беспристрастных гуманитарных организаций и, следовательно, для людей, которые больше всего в ней нуждаются. Также в этой главе говорится о необходимости ввести, в соответствии с МГП, четко определенные, постоянные исключения для гуманитарной деятельности, осуществляемой беспристрастными гуманитарными организациями, из сферы действия санкций и контртеррористических мер. Кроме того, в этой главе описано, какую защиту от цифровых угроз предоставляет МГП гуманитарным организациям.

В последней, VII главе, поднимается вопрос о том, как выстроить культуру соблюдения МГП. Несоблюдение МГП по-прежнему представляет собой самую большую проблему для защиты людей во время вооруженных конфликтов. Именно поэтому в первую очередь в этой главе рассматриваются самые простые и необходимые меры, которые государства должны принять для содействия имплементации МГП и пресечения нарушений. Далее в этой главе даются отсылки к работе МККК, направленной на то, чтобы подчеркнуть сходство между положениями МГП и нормами различных культур, религий и правовых систем и их общую цель: наложить ограничения на поведение воюющих сторон. Таким образом МККК содействует пониманию того, что МГП — это общее наследие человечества. Государства, не являющиеся сторонами в вооруженном конфликте, также должны содействовать соблюдению МГП, например при передаче вооружений. В заключение в этой главе показано, что соблюдение МГП может быть первым шагом на пути к миру через укрепление доверия между противоборствующими сторонами

ВВЕДЕНИЕ

Публикация данного доклада приурочена к 75-летию четырех Женевских конвенций 1949 г. Эти конвенции — основополагающие договоры международного гуманитарного права (МГП) и во многих отношениях огромное достижение: и эти четыре конвенции, и МГП в целом доказали свою непреходящую актуальность и были приняты всеми государствами. Государства постоянно подчеркивают важность МГП, а вооруженные силы всех стран мира считают его соблюдение одним из своих приоритетов.

Тем не менее проблемы все еще есть. Нарушения основополагающих норм по-прежнему происходят. И даже если стороны утверждают, что они действуют согласно нормам МГП, различия в толкованиях буквы и духа МГП создают серьезные препятствия для достижения его целей. На сегодняшний день в мире насчитывается более 120 вооруженных конфликтов, а проблемы в области МГП настолько же многочисленны, насколько и сложны.

Пока внимание правительств различных стран и СМИ приковано к кровопролитию и разрушениям на территории Украины и Газы, насилие в Африке и других регионах уносит не меньше жизней. Сотни тысяч людей погибли в результате вооруженного насилия в Эфиопии. В Судане по меньшей мере 10,5 млн человек бежали в более безопасные районы, а больше 2 млн ищут убежища в других странах. Эскалация насилия в Демократической Республике Конго привела к тому, что 2 млн человек были вынуждены оставить свой дом, в том числе из-за обстрелов густонаселенных районов. Таким образом, сейчас в стране более 7 млн перемещенных лиц. В то же время затяжные конфликты в Йемене, Колумбии, Мозамбике, Мьянме, Сирии, Центральноафриканской Республике (ЦАР) и других странах по-прежнему уносят множество человеческих жизней.

Вероятность распространения и эскалации конфликтов стала особенно насущной проблемой с момента публикации последнего доклада о вызовах современных вооруженных конфликтов в 2019 г. После нескольких месяцев интенсивных боевых действий в Газе растет угроза дальнейшего распространения конфликта на весь регион. Насилие в Сахеле распространяется на юг и в направлении западного побережья Африки. В конфликты вокруг Великих озер втянуты многочисленные государственные и негосударственные акторы региона.

В то же время мировые и региональные державы продолжают преследовать свои интересы в локальных конфликтах, не затрагивающих их напрямую. Снабжая своих партнеров оружием, предоставляя личный состав и оказывая оперативную поддержку, они рискуют поспособствовать дальнейшему ухудшению гуманитарной обстановки. Правительства этих стран утверждают, что их приоритет — сдерживание таких конфликтов и предотвращение эскалации. Тем не менее насилие легко может распространиться и принести разрушения и бедствия еще большему числу стран и сообществ.

На фоне этой ситуации неослабевающая напряженность в отношениях между могущественными державами вызвала бурную реакцию правительств, военных и средств массовой информации из-за высокой вероятности более масштабного международного вооруженного конфликта. Вооруженные силы расширяют свои возможности и разрабатывают планы крупномасштабных операций на случай чрезвычайной ситуации. Политики корректируют свои приоритеты в области национальной безопасности и обдумывают действия в ответ на угрозы соперников, а СМИ наполняют общественный дискурс разговорами о будущих войнах. Все эти события меняют риторику в сфере международных отношений: некогда преобладавшие темы глобализации и многополярности сменяются идеей того, что конкуренция довлеет над сотрудничеством, а подготовиться к конфликту важнее, чем стремиться к миру. Независимо от того, какие факты может отражать такое изменение в дискурсе, оно рискует породить опасное представление о неизбежности войны.

Еще большую обеспокоенность вызывает тот факт, что катастрофический уровень разрушений и количество человеческих жертв, к которым, вне всякого сомнения, приведет конфликт между наи-

более могущественными армиями мира, явно недооценивают. Мировые лидеры по-прежнему заявляют, что предотвращение ядерной войны остается для них одной из насущных задач, — и в то же время модернизируют свои арсеналы. Мало кто говорит о том, к каким разрушениям приведет даже неядерный конфликт между великими державами.

В этой ситуации МГП не теряет своей уникальности и остается мощным инструментом, позволяющим сократить количество человеческих жертв в вооруженных конфликтах. Даже в самых серьезных кризисных ситуациях отсылки к МГП — со стороны государств, гуманитарных организаций, участников судебных процессов или СМИ — заставляют стороны в конфликте щадить гражданское население и не терять гуманности во время военных операций. Также вместе с активизацией дебатов вокруг этики и морали различных государственных и негосударственных сторон в текущих конфликтах растет и уверенность в МГП как наборе правил, лучше других способных определить, что допустимо, а что нет. Другого беспристрастного и универсального свода норм, требующего ото всех сторон сдержанности, просто не существует.

Однако недавние события продемонстрировали не только важность МГП, но и настоятельную необходимость его укрепления. Из-за конфликтов по всему миру больницы превращаются в руины, на машины скорой помощи совершаются нападения. Медицинский персонал погибает при исполнении служебных обязанностей. Гражданских лиц убивают намеренно или случайно, относясь к их гибели как к сопутствующему ущербу. Участники боевых действий смешиваются с гражданским населением. Лагерь для перемещенных лиц подвергают авиаударам. Гибнет множество журналистов. Люди и места, которые призвано защищать МГП, слишком часто оказываются под огнем.

Вне всякого сомнения, отчасти причиной этого становится несоблюдение норм. Их слишком часто нарушают преднамеренно. Слишком мало делается для того, чтобы предотвратить нарушения и привлечь к ответственности государственных и негосударственных акторов, нарушающих эти нормы. Государства должны больше вкладываться в обучение личного состава и поддержание дисциплины, требовать от других соблюдения норм, наделять судебную систему полномочиями для судебного преследования и наказания тех, кто совершает военные преступления, и сотрудничать с международными институтами, чтобы нарушения не оставались безнаказанными. Негосударственные стороны в вооруженном конфликте должны принимать аналогичные меры, где это уместно, и отказываться от представления о том, что асимметричный баланс сил и средств или предполагаемое западное происхождение МГП можно считать уважительными причинами несоблюдения. Нормы МГП уходят корнями в правовые, социальные, религиозные и этические традиции, близкие всему миру, и демонстрация этого может повысить эффективность законов войны. Вооруженные группы должны делать больше, чтобы взять на себя ответственность за соблюдение правовых норм.

Еще одна частая проблема — неосторожность. Слишком часто стороны допускают ошибки при выборе целей. Это приводит к ужасающим жертвам среди гражданского населения. Какими бы искренними ни были извинения и выражения сожаления, их нельзя приравнять к соблюдению требований МГП. Стороны должны прилагать усилия — не только путем подготовки личного состава и совершенствования методов выбора цели, но и принимая все возможные меры предосторожности при нападении, — чтобы не допускать таких фатальных ошибок.

Кроме того, есть одна еще более разрушительная тенденция, снижающая эффективность МГП в спасении жизней. На протяжении уже нескольких десятилетий ситуацию усугубляют удобные трактовки МГП, часто предлагаемые на пике вооруженного конфликта для того, чтобы развязать государствам руки в отношении убийств и задержаний. Все это подрывает защитную силу МГП. В одном конфликте за другим некоторые государства стремятся все больше расширять рамки допустимого и сужать область запрещенного. Когда от них требуют усилить защиту гражданских лиц и тех, кто лишен свободы, такие государства, как правило, утверждают, что МГП не содержит настолько строгих предписаний. Тогда как в ответ на высокую оценку принимаемых ими мер по защите населения эти государства обычно отмечают, что это их собственная добрая воля, намекая, что соблюдение норм МГП требует от них гораздо меньшего.

На способность МГП оказывать защиту влияют и другие, менее очевидные факторы. Основной среди них — это то, что дающие большую свободу исключения становятся сильнее запретительных норм. Доверие к МГП строится за счет его прагматизма: из многих его запретов есть ограниченные исключения, необходимые для того, чтобы право учитывало военную необходимость и не предоставляло гуманитарной защиты, которую противник может использовать для получения военного преимущества. Но некоторые толкуют эти исключения чересчур широко, что приводит к опасным последствиям. Гражданским лицам слишком легко отказывают в защите от нападений на том основании, что они принимают непосредственное участие в боевых действиях. Неприкосновенностью больниц слишком легко пренебрегают на том основании, что противник пользуется их защищенным статусом. Школы, офисы и инфраструктуру жизнеобеспечения слишком легко лишают статуса гражданских объектов на том основании, что они приносят определенную пользу противнику. Гуманитарным организациям слишком легко отказывают в доступе к населению на том основании, что передаваемые ему предметы первой необходимости могут быть использованы для негуманитарных целей. И так далее, пока ограниченные исключения не превращаются в юридические лазейки для обхода положений, предоставляющих жизненно важную защиту.

Эффективность предоставляемой правом защиты страдает и из-за того, как некоторые государства интерпретируют его основные понятия и используют его менее четкие положения. Такие интерпретации расширяют понятие того, кто или что является законной целью, тем самым расширяя определение военного объекта и сужая определение гражданского объекта соответственно. Они делают жертвы среди гражданского населения более приемлемыми за счет толкования принципа соразмерности, который все более широко определяет военное преимущество, одновременно исключая долгосрочные, косвенные последствия из понятия «случайный ущерб». Они выхолащивают принцип принятия мер предосторожности, либо прямо оспаривая обязательство принимать все возможные меры предосторожности для предотвращения жертв среди гражданского населения, либо рассматривая этот принцип скорее как вариант действий, чем как правовое обязательство.

Применение новых технологий ведения военных действий чревато усилением этих опасных тенденций. Если алгоритмы обучить чрезмерно свободным правилам наведения, результатом будут более быстрые и масштабные разрушения гражданских объектов и большее число погибших среди гражданского населения. В крайних случаях, если не будут согласованы новые законодательные ограничения, автономные системы вооружений будут применять силу беспрепятственно, принимая решения, от которых зависит чья-то жизнь, без контроля со стороны человека. Кроме того, цифровые средства могут применяться для того, чтобы причинить крупномасштабный ущерб, нарушить нормальное течение жизни гражданского населения и привести к перебоям в оказании основных услуг в обществе, где идет цифровизация. Утверждение о том, что эти средства не подпадают под действие правовых норм, или толкование применимых норм МГП таким образом, что это подрывает способность МГП предоставлять защиту в цифровизирующемся мире, принесет хаос и ущерб невиданного масштаба.

Есть еще одна тенденция, вызывающая беспокойство: некоторые акторы начали ставить под сомнение самые основные принципы и идеи МГП. Одно из их заблуждений — считать, что обязательства в сфере МГП основаны на принципе взаимности, который предполагает, что сторона должна соблюдать нормы, только если их соблюдает неприятель. Если опираться на этот принцип, возникнет порочный круг пренебрежения правовыми нормами, что приведет к разрушению системы МГП. Точно так же невозможно согласиться с предположением, что *jus ad bellum* — отрасль права, регулирующая обращение к силовым методам в отношениях между двумя государствами, — как-то влияет на применение МГП. Воюющие стороны вряд ли когда-то придут к единому мнению относительно того, кто из них агрессор, а кто жертва в международном вооруженном конфликте. Если *jus ad bellum* будет отведена роль в определении обязательств сторон в сфере МГП, это лишь ослабит гуманитарную защиту.

Усугубляет эту проблему одна из наиболее опасных черт недавних конфликтов: дегуманизация не только неприятельских комбатантов, но и гражданского населения противной стороны. В основе МГП — шаткое равновесие между военной необходимостью и гуманностью — реалистичный компромисс между двумя непримиримыми ценностями. Сохраняя возможность некоторой жестоко-

сти, невысказанной в других обстоятельствах, например позволяя совершать нападения на комбатантов или допуская некоторый сопутствующий ущерб среди гражданского населения, право вооруженных конфликтов уже признает определенную важность принципа военной необходимости. Если государства будут равнодушно смотреть на обесценивание человеческих жизней на основании национальной принадлежности, расы, религии или политических убеждений, это равновесие будет необратимо нарушено, и легитимность норм МГП будет подорвана.

Взгляды МККК на правовые аспекты некоторых из этих тенденций описаны далее в этом докладе. Более масштабные последствия приведенных здесь тенденций станут серьезным испытанием для МГП. Если стороны продолжат настаивать на снижении защитных требований МГП и будут довольствоваться минимальным соблюдением его норм, то правовые нормы окажутся перевернуты с ног на голову: они станут инструментом для оправдания насилия, а не для защиты гуманности. Государства будут все больше апеллировать к тому факту, что они не нарушали нормы права, чтобы узаконить свои военные операции, и МГП превратится в аргумент в защиту действий, которые в противном случае считались бы неэтичными.

Если эта тенденция сохранится, правительства, негосударственные вооруженные группы и, что самое главное, люди, которых МГП призвано защищать, перестанут считать его легитимным. Государства должны принять меры, чтобы положить конец этой все усугубляющейся тенденции. Ни одна страна не застрахована от нападения, ни в одном государстве ни военные, ни гражданское население не застрахованы от насилия со стороны сил противника. Мир нуждается в надежном и предоставляющем эффективную защиту праве вооруженных конфликтов — таком, на которое можно положиться в деле спасения жизни, а не оправдания смерти.

**I. ЗАПРЕТИТЬ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ —
ЗАЩИТИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
ОТ НЕИМОВЕРНЫХ СТРАДАНИЙ**

Начиная с 1945 г. Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца (Движение) неоднократно выражало обеспокоенность в связи с катастрофическими гуманитарными последствиями применения ядерного оружия и призывало государства запретить его. МККК впервые призвал к ликвидации ядерных вооружений после атомной бомбардировки Хиросимы, где сотрудники организации, которые вместе с Красным Крестом Японии помогали тысячам раненых и умирающих мирных жителей, своими глазами увидели чудовищные последствия ядерного взрыва. Это событие значительно повлияло на МККК и на Движение в целом.

В последующие десятилетия Движение продолжало регулярно призывать к запрещению и ликвидации ядерного оружия. К тому же появлялось все больше доказательств того, что в случае применения ядерного оружия оказать сколько-нибудь значимую гуманитарную помощь невозможно¹. Если ядерный боеприпас будет взорван в населенном районе или поблизости от него, это приведет к непомерно огромному числу жертв, при этом большинство местных лечебных учреждений будет разрушено, и множество пострадавших останется без медицинской помощи. В то же время те, кто будет оказывать помощь, подвергнутся серьезной опасности облучения.

Со времени разработки и первого применения в 1945 г. ядерное оружие из-за своей невероятной и ужасающей разрушительной мощи было и остается предметом пристального внимания политиков и юристов². Последние события придали этой проблеме особую остроту и продемонстрировали важность МГП для ее решения.

Сегодня риск применения ядерного оружия выше, чем когда-либо, с самых мрачных времен холодной войны. Рост международной и региональной напряженности сопровождается тревожным всплеском ядерной риторики, звучат как завуалированные, так и откровенные угрозы применить ядерное оружие. Снова получают популярность теории ядерного сдерживания, тогда как роль ядерного оружия в военных доктринах и стратегиях безопасности только растет, а не уменьшается. Модернизация ядерных арсеналов идет неослабевающими темпами: разрабатываются ядерные боеприпасы меньшей мощности, их называют более «пригодными для использования», предназначая для тактического применения. Существуют также опасения, что в системы боевого управления ядерным оружием может быть внедрен искусственный интеллект.

Наряду с этим правовая база ядерного разоружения и нераспространения постепенно разрушается. Несколько договоров и соглашений прекратили свое действие или не были ратифицированы, выполнение других находится под угрозой. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) пока что широко рассматривается как краеугольный камень проводимой в мировом масштабе деятельности в сфере нераспространения ядерного оружия и ядерного разоружения, но успехов в выполнении его положений о разоружении давно уже не было, уже согласованные на конференциях по рассмотрению действия договора меры по разоружению и снижению рисков не принимаются, а о дальнейших шагах государства-участники не смогли договориться.

В таких непростых условиях МГП призвано играть важную роль в сохранении идеи недопустимости применения ядерного оружия и в обеспечении основы для новых правовых мер, способствующих его ликвидации, таких как Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО).

---

1 См., например: International assistance for victims of use of nuclear, radiological, biological and chemical weapons: Time for a reality check? / D. Loye, R. Coupland // International Review of the Red Cross. – Vol. 91, No. 874, June 2009, pp. 329–340. Borrie, John and Caughley, Tim. An Illusion of Safety: Challenges of Nuclear Weapon Detonations for United Nations Humanitarian Coordination and Response (UNIDIR/2014/6) / United Nations Institute for Disarmament Research. – UNIDIR, Geneva, 2014. – URL: <https://unidir.org/publication/an-illusion-of-safety-challenges-of-nuclear-weapon-detonations-for-united-nations-humanitarian-coordination-and-response>.

2 В соответствии с резолюцией 1(I) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН) «Учреждение комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии» (24 января 1946 г.) была создана Комиссия ООН по атомной энергии, мандат которой предусматривал в частности, что Комиссия должна «сделать определенные предложения... относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения».

1. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И МГП

Ядерный взрыв высвобождает огромное количество тепла и кинетической энергии и вызывает продолжительное радиоактивное излучение. Ядерное оружие обладает громадной разрушительной силой, которую невозможно ограничить во времени и пространстве. Его применение — особенно в населенных районах или поблизости от них — принесло бы неимоверные страдания людям. Оказать необходимую гуманитарную помощь в этой ситуации было бы невозможно. Ядерный конфликт имел бы катастрофические последствия для людей и целых сообществ во всем мире, для здоровья человека, для окружающей среды, климата, производства продовольствия и социально-экономического развития. Он причинил бы невосполнимый ущерб будущим поколениям и поставил бы под угрозу само существование человечества.

Принципы и нормы МГП, применимые ко всем методам и средствам ведения войны, применимы и к ядерному оружию, даже в случае самообороны. По мнению МККК и Движения в целом³, крайне сомнительно, что ядерное оружие вообще может быть когда-либо применено в соответствии с принципами и нормами МГП.

В частности, применение ядерного оружия для нанесения ударов по гражданскому населению или гражданским объектам, в том числе по целым городам или другим местам сосредоточения гражданского населения, или иное его применение не против конкретного военного объекта явилось бы нарушением принципа проведения различия. Применение ядерного оружия по военным объектам, расположенным в населенных районах или поблизости от них, было бы нарушением запрета неизбирательных или несоразмерных нападений. Даже в случае его применения вдали от населенных районов страдания комбатантов, вызванные воздействием проникающей радиации, радиоактивное загрязнение окружающей среды и риск его распространения на населенные районы делает в высшей степени сомнительной вероятность того, что при использовании ядерного оружия вообще может быть соблюден запрет на применение оружия, способного нанести чрезмерные повреждения или причинить излишние страдания, а также что могут быть соблюдены нормы, защищающие природную среду и гражданское население.

По мнению МККК, применение и угрозы применения ядерного оружия несовместимы с принципами гуманности и требованиями общественного сознания.

Ввиду катастрофических гуманитарных последствий любого применения ядерного оружия и опасности эскалации, которую может вызвать такое применение, для государств является гуманитарным императивом принятие мер к тому, чтобы оно никогда больше не было применено, а также к тому, чтобы запретить и ликвидировать его, независимо от их мнения о законности применения ядерного оружия согласно МГП.

2. ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В июле 2017 г. 122 государства приняли ДЗЯО, который вступил в силу 22 января 2021 г. Как следует из преамбулы договора, ДЗЯО основан на принципах и нормах МГП. Преамбула гласит: «Любое применение ядерного оружия противоречило бы нормам международного права, применимым в период вооруженного конфликта, и в частности принципам и нормам международного гуманитарного права»⁴.

ДЗЯО предусматривает полное запрещение ядерного оружия, что является важным шагом на пути к его ликвидации. Он также способствует все более негативному отношению общества к распространению и применению такого оружия. ДЗЯО вновь подтверждает фундаментально важную связь между гуманитарными императивами и безопасностью, заявляя, что риски, связанные с ядерным

3 Council of Delegates 2022, Resolution 7: Working towards the elimination of nuclear weapons: 2022–2027 action plan: https://rcrcconference.org/app/uploads/2022/06/CD22-R07-Nuclear-weapons_22-June-2022_EN_FINAL.pdf.

4 ООН, Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г., преамбула (п. 10): <https://undocs.org/A/CONF.229/2017/8>.

оружием, «затрагивают безопасность всего человечества», что предотвращение любого использования ядерного оружия является обязанностью всех государств и что ядерное разоружение отвечает «национальным и коллективным интересам безопасности»⁵. Открывая пути к ликвидации ядерных арсеналов, договор прямо способствует выполнению существующих обязательств в сфере ядерного разоружения, в частности предусмотренных статьей 6 ДНЯО. Вместе с Конвенцией о биологическом оружии и Конвенцией о химическом оружии ДЗЯО создает многосторонний правовой режим, запрещающий оружие массового поражения. Поэтому ДЗЯО представляет собой важную веху на пути к миру, свободному от ядерного оружия.

В свете этого и в контексте проблем, описанных в начале данной главы, в настоящее время приоритетами МККК являются увеличение числа участников и поддержка имплементации ДЗЯО, содействие полной имплементации ДНЯО и выполнению обязательств, принятых на конференциях по рассмотрению его действия, и убеждение государств в необходимости немедленного принятия конкретных мер для снижения риска применения ядерного оружия. Такие меры включают в себя понижение уровня боеготовности ядерного оружия, обязательство не применять ядерное оружие первым, исключение ядерного оружия из числа приоритетных средств поражения в военных доктринах и стратегиях безопасности, воздержание от риторики, предполагающей возможность применения ядерного оружия, включающей в себя рассуждения о его применении или игнорирующей либо занижающей гуманитарные последствия его использования, и осуждение любых угроз применить ядерное оружие, как завуалированных, так и явных, вне зависимости от обстоятельств.

---

5 ООН, Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г., преамбула (пп. 3 и 5).

II. ПРОЯСНЕНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ: «СЕРЫЕ ЗОНЫ», «КОНКУРЕНЦИЯ», «ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» ИЛИ «ОПОСРЕДОВАННАЯ ВОЙНА»

Сегодня геополитическая обстановка характеризуется напряженностью между государствами, нестабильностью внутри стран, демонстрацией силы с помощью широкого спектра негласных и принудительных мер и ростом числа вооруженных конфликтов. В политическом и военном дискурсе эту сложную реальность иногда называют «конкуренцией» между государствами, враждебные меры характеризуются как «гибридная война», а политическую, финансовую или материальную поддержку тем или иным государством какой-либо стороны в конфликте называют «опосредованной войной».

Термин «конкуренция» часто употребляется для того, чтобы описать соперничество между государствами на политическом, экономическом и военном уровнях.

«Гибридные угрозы» («гибридная война») — термин, который широко используют для обозначения сочетания различных технологий или других средств, применяемых государствами или негосударственными акторами для демонстрации силы и дестабилизации противника. Действия, описываемые как «гибридные», могут иметь военный и невоенный характер, к ним относятся операции, проводимые открыто или скрытно, с применением кинетических или некинетических средств (например, дезинформация или кибероперации), смертоносные и несмертоносные. Этот термин может относиться к операциям, воздействующим на правительство государства, на гражданское население или инфраструктуру, и используется для обозначения операций, проводимых совместно государственными и негосударственными акторами.

«Опосредованная война» (прокси-война) — термин, употребляемый в отношении вооруженных столкновений с участием субъектов (государств и негосударственных акторов), которым другие государства или негосударственные акторы могут оказывать как прямо, так и косвенно поддержку — политическую, материальную, финансовую, военную или иную — в соответствии с собственными стратегическими интересами для борьбы с другим государством или негосударственным актором.

Термин «серая зона» указывает на то, что граница между войной и миром размывается или что в определенных случаях трудно определить, какие нормы права применимы, либо такие нормы отсутствуют вовсе. Однако, если некоторые из подобных ситуаций уже стали привычными, а другие представляют собой нечто новое, международное право применяется ко всем из них. Чтобы определить, применимо ли в каком-то случае МГП, надо установить, является ли конкретная ситуация вооруженным конфликтом.

Определение того, что такое вооруженный конфликт, в ходе которого применяется МГП, не изменилось. Государства и прочие акторы должны оценивать каждую ситуацию вооруженного насилия с правовой точки зрения, чтобы определить, являются ли их операции вооруженным конфликтом или частью вооруженного конфликта.

МККК систематически оценивает, какие ситуации представляют собой вооруженные конфликты⁶. Ему это необходимо для ведения гуманитарной деятельности и поддержания диалога со сторонами в конфликте. Опираясь на широко признанные правовые критерии, МККК оценил, что в 2024 г. во всем мире идет более 120 вооруженных конфликтов, в которых участвуют более 60 государств и 120 негосударственных групп.

Согласно МГП, вооруженные конфликты бывают либо международными, либо немеждународными. Международными вооруженными конфликтами называются те, в которых друг другу противостоят два или более государств. В статье 2, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 г., указывается, что Конвенции будут «применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися

---

6 В 2024 г. МККК опубликовал свое второе экспертное заключение о понятии вооруженного конфликта: «Как в международном гуманитарном праве определяется термин “вооруженный конфликт”», <https://shop.icrc.org/how-is-the-term-armed-conflict-defined-in-international-humanitarian-law-international-committee-of-the-red-cross-opinion-paper-2024-pdf-en.html> (готовится к изданию на русском языке).

Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны»⁷. Соответственно, любой конфликт между двумя и более государствами, приводящий к использованию вооруженной силы, является вооруженным конфликтом согласно общей статье 2. Поэтому, когда в какой-либо ситуации очевидно, что, например, государство участвует в военных или иных враждебных действиях против другого государства (нападает, захватывает личный состав или собственность противника, препятствует ведению им военных действий или использует либо контролирует его территорию без его согласия), такая ситуация представляет собой международный вооруженный конфликт. При этом не имеет значения, как долго он продолжается, сколько гибнет людей или какова численность участвующих сил⁸. Это означает, что наличие международного (в отличие от немеждународного) вооруженного конфликта определяется независимо от конкретного уровня интенсивности военных действий⁹.

Немеждународные вооруженные конфликты — это вооруженные конфликты между государством и негосударственной вооруженной группой или между такими группами. Для того чтобы к ним применялось МГП, необходимы два условия: организованный характер негосударственной стороны (сторон) и достаточно высокая интенсивность насилия между сторонами.

При квалификации вооруженных конфликтов любые оценки должны делаться объективно и исключительно на основе реальной обстановки на местах, согласно критериям, установленным в соответствии с МГП. В этом смысле новые фактические сценарии или нарративы не требуют выработки новых, ситуативных или особых правовых критериев для установления того, является ли такая ситуация вооруженным конфликтом. Следовательно, согласно МГП такие понятия, как «конкуренция», «гибридные угрозы», «гибридная война» или «опосредованная война», должны оцениваться на основе существующих критериев. Например, отношения между государствами, характеризующиеся как «конкуренция», могут являться, а могут и не являться вооруженным конфликтом в зависимости от того, привела ли эскалация конфликта к применению вооруженной силы между этими государствами.

Подобным же образом действие, характеризующееся как «гибридная угроза», регулируется МГП, только если оно либо привело к возникновению вооруженного конфликта, либо имеет место в контексте уже существующего вооруженного конфликта (и в связи с ним). Последнее верно даже в отношении тех действий, которые сами по себе не предполагают применения МГП. Например, хотя кибероперации в ходе вооруженного конфликта должны осуществляться с соблюдением МГП и, следовательно, не должны быть направлены против медицинских учреждений, не всякая кибероперация против медицинского учреждения в мирное время приводит к вооруженному конфликту. Подобным же образом запрет прибегать к насильственным действиям или угрозам насилия, главная цель которых состоит в терроризировании гражданского населения, применим к информационным операциям, которые проводятся в ходе вооруженного конфликта, даже если эти информационные операции сами по себе не подпадали бы под действие МГП в мирное время. Если действия, характеризующиеся как «гибридные угрозы», не приводят к вооруженному конфликту и не производятся в контексте вооруженного конфликта, эти действия регулируются правовыми нормами мирного времени, а не МГП.

Использование государствами третьих сторон может и должно анализироваться на основе существующих правовых критериев. Например, квалификация вооруженного конфликта между государством А, контролирующим такую третью сторону, и государством Б, воюющим против этой

7 Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женева, 12 августа 1949 г. (ЖК I), ст. 2 (общая для всех четырех Женевских конвенций).

8 Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field / Jean S. Pictet (ed.) // The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary, Vol. I. – ICRC, Geneva, 1952, Art. 2.

9 Это мнение было подтверждено международными трибуналами. См., например: International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY), *Prosecutor v. Delalić*, Judgment (Trial Chamber), IT-96-21-T, 16 November 1998, para. 184 (см. также: para. 208); ICTY, *Prosecutor v. Tadić*, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction (Appeals Chamber), IT-94-1, 10 August 1995, para. 70; International Criminal Court (ICC), *Prosecutor v. Lubanga*, Decision on the Confirmation of Charges (Pre-Trial Chamber I), 29 January 2007, para. 207; Special Court for Sierra Leone, *Prosecutor v. Taylor*, Judgment (Trial Chamber II), 18 May 2012, paras 563–566.

третьей стороны, будет зависеть от степени контроля, осуществляемого государством А в отношении данной третьей стороны. Чтобы такой конфликт квалифицировался как международный вооруженный конфликт между государствами А и Б, должны существовать правовые основания, чтобы приписать действия третьей стороны государству А. Если говорить о негосударственных группах, действующих в качестве третьих сторон, когда одно государство осуществляет «общий контроль» над вооруженной группой, воюющей против другого государства, то такая ситуация квалифицируется как международный вооруженный конфликт между этими двумя государствами¹⁰. Независимо от политической характеристики ситуации как «опосредованной войны» в этом случае правовым критерием, позволяющим определить, имеет ли место международный вооруженный конфликт, будет критерий «общего контроля» (который, строго говоря, позволяет установить, является ли негосударственная вооруженная группа фактически органом государства).

Если МГП применимо к какой-либо ситуации, то диапазон применимых норм МГП зависит исключительно от квалификации ситуации как вооруженного конфликта и применимых норм договорного и обычного права. Обязательства по МГП не меняются в зависимости от масштаба или интенсивности военных действий.

Политические нарративы вокруг «конкуренции», «гибридной войны», «опосредованной войны» и других терминов «серой зоны» не должны мешать четкой квалификации вооруженных конфликтов и применению МГП. Правовая квалификация таких ситуаций требует выяснения фактов на местах и применения к ним права. Хотя иногда это может быть нелегко, поскольку трудно получить четкие сведения, это затруднение имеет практический, а не юридический характер. Важно, что такие действия, как применение экономических мер, информационные операции и шпионаж, сами по себе не предполагают применения МГП.

---

10 Commentary on the Third Geneva Convention: Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War / ICRC – ICRC, Geneva, 2020 (далее – Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020), paras 298–306.

III. НА ПУТИ К БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В РУКАХ СТОРОН В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ

Вооруженные конфликты неизбежно приводят к страданиям. Даже в тех конфликтах, в которых стороны соблюдают МГП, есть и лишённые свободы, и убитые. Часто во время военных действий люди разлучаются с родными или пропадают без вести. Многие тысячи пропавших без вести никогда не вернутся. Это очень болезненно для их близких, которые к тому же сталкиваются с постоянными трудностями. Дети разлучаются с родными, и это тоже оборачивается страданиями и лишениями.

Широкий круг норм, обеспечивающих защиту тем, кто был затронут вооруженным конфликтом, был разработан именно для того, чтобы не допустить или уменьшить, насколько это возможно, причиняемый конфликтом вред. Как показало время, эти нормы играют важнейшую роль в уменьшении страданий, защите людей от дурного обращения или предотвращении безвестных исчезновений во время конфликтов. Даже несмотря на это их до сих пор проверяют на прочность и ставят под сомнение. Некоторые проблемы связаны с попытками сторон в конфликте ограничить действие правовых норм, исключив из сферы их защиты определенные группы населения или отдельных лиц. Иногда людей заключают под стражу неправомерно или на неопределенный срок; зачастую в подобных случаях они могут также содержаться в плохих условиях и подвергаться серьезной опасности дурного обращения. Другие проблемы возникают, когда после начала конфликтов не принимаются необходимые меры для соблюдения МГП и предотвращения его нарушений. Для разработки законов, создания систем и процессов, необходимых для того, чтобы МГП наиболее эффективно обеспечивало людям защиту, прилагается недостаточно усилий.

Совершенно необходимо прилагать больше усилий к тому, чтобы обязательства по МГП добросовестно толковались и чтобы имплементация и выполнение этих обязательств стали приоритетной задачей внутригосударственной политики. Это два ключевых требования для восстановления защитной силы МГП.

Наконец, необходимы два условия для эффективной имплементации МГП и обеспечения защиты людей от вреда: признание особых опасностей, которым подвергаются люди, и их реальных потребностей, а также принятие конкретных мер по соблюдению МГП без дискриминации на основании гендера, ограниченных способностей, расы или любых других аналогичных критериев.

В настоящей главе МККК рассматривает с точки зрения права некоторые из этих современных проблем, связанных с предоставлением защиты самым разным людям, затронутым вооруженным конфликтом.

1. ЛИЦА, ЛИШЕННЫЕ СВОБОДЫ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

В настоящем разделе рассматриваются два вида проблем, связанных с лишением свободы во время вооруженных конфликтов: вопросы, касающиеся лишения свободы государствами (как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах); вопросы, касающиеся содержания под стражей негосударственными вооруженными группами (в немеждународных вооруженных конфликтах).

А. СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ ГОСУДАРСТВАМИ

Содержание под стражей государствами в ходе как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов вызывает целый ряд причин для беспокойства. Насилие в отношении лиц, содержащихся под стражей, — от убийств и пыток, сексуального насилия и других форм дурного обращения — остается причиной крайне серьезной озабоченности. Несоблюдение процессуальных и судебных гарантий, необходимых для предотвращения произвола, также является непреходящей проблемой, как и пренебрежение нормами, касающимися особой защиты, которая должна предоставляться военнопленным и гражданским интернированным лицам, и отказ в доступе к ним сотрудникам МККК, несмотря на правовые обязательства содействовать ему. Как было сказано ранее в этом докладе, существует острая необходимость в более эффективной имплементации и обеспечении соблюдения МГП государствами.

Настоящий раздел концентрирует внимание на двух конкретных проблемах, которые частично объясняют несоблюдение норм права: исключение отдельных лиц или групп лиц из сферы защиты МГП; недостаточная материальная подготовка для должного соблюдения права, регулирующего содержание под стражей.

i. Исключение из сферы защиты

Исключение некоторых лиц, содержащихся под стражей, из сферы защиты — явление, вызывающее наибольшую озабоченность на сегодняшний день. МГП предоставляет государствам большую свободу в принятии решения о том, кого содержать под стражей — для судебного преследования за прошлые деяния или предотвращения угрозы безопасности в будущем. Нормы МГП направлены в основном на обеспечение гуманного обращения с лицами, содержащимися под стражей, и предотвращение произвольного задержания. Тем не менее иногда власти продолжают утверждать, что эти базовые нормы не применяются к тем или иным содержащимся под стражей лицам.

Такие заявления чаще всего делают во время немеждународных вооруженных конфликтов, когда противник государства в конфликте — негосударственная вооруженная группа. Государства часто определяют эти группы и их членов в качестве «террористов» — ярлык, который с юридической точки зрения не влияет на применение МГП — и утверждают, что участники таких групп не заслуживают защиты, которая предоставлялась бы им в обычной ситуации. Но эта аргументация явным образом противоречит МГП.

Защита, которая предоставляется МГП во время немеждународных вооруженных конфликтов, не зависит от личности задержанного или обстоятельств его задержания. Статья 3, общая для четырех Женевских конвенций 1949 г. (общая статья 3), — основной источник договорного МГП, применимого к немеждународным вооруженным конфликтам, — излагает нормы защиты, применимые к лицам, содержащимся под стражей в таких конфликтах. Согласно этой статье лица, которые не принимают активного участия в военных действиях или перестали принимать участие в них, «должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев». Дополнительный протокол II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (Дополнительный протокол II) также распространяет защиту на «всех лиц, затрагиваемых вооруженным конфликтом», и тоже предусматривает запрет на любое неблагоприятное различие. Нормы обычного МГП также распространяются на каждого содержащегося под стражей в связи с вооруженным конфликтом.

Такое ограничительное толкование МГП становится проблемой не только в немеждународных вооруженных конфликтах, но и в международных. Тот факт, что сторонами в международных вооруженных конфликтах являются государства, не обязательно означает, что каждый захваченный в плен на поле боя будет военнослужащим регулярных вооруженных сил. Поэтому сохраняются аргументы в пользу того, что некоторые лица остаются за пределами сферы действия договоров, которые должны предоставлять им защиту; или, что еще хуже, эти люди остаются вообще вне сферы действия МГП в целом. Приводятся разные доводы в пользу такой позиции — от аргументов из истории обсуждения принимаемых договоров до внутреннего ощущения, что нетипичные акторы никак не могут пользоваться той же правовой защитой, что и военнослужащие. В этих аргументах не принимается во внимание тот факт, что Женевские конвенции и другие договоры по МГП очень хорошо подходят, даже предназначены для того, чтобы государства руководствовались ими при обращении с такими акторами. На самом деле нормы МГП, применимые во время международных вооруженных конфликтов, весьма четко сформулированы и устанавливают общие требования для обращения с содержащимися под стражей лицами, независимо от того, входят ли они в состав вооруженных сил, военизированных группировок, являются ли наемниками, сотрудниками частных военных или охранных компаний или кем-то еще.

Такое четкое предназначение лучше всего иллюстрируется корреляцией между договорами. Женевская конвенция III предоставляет защиту военнопленным — то есть, среди прочего, лицам из состава вооруженных сил неприятеля, лицам из состава некоторых других вооруженных сил, формирований или групп противника и некоторым гражданским лицам, которые обычно следуют

за вооруженными силами¹¹. В основе режима содержания военнопленных лежит уважение к чести и достоинству военнослужащих (и связанных с ними лиц) и понимание того, что с ними нельзя обращаться как с преступниками, потому что они выполняют свой долг.

К лицам, лишенным свободы, которые не соответствуют критериям для предоставления статуса военнопленного, применяется Женевская конвенция IV. Кроме защиты от последствий вооруженного конфликта гражданского населения в целом, большая часть Женевской конвенции IV регулирует применение мер безопасности к отдельным лицам, которые не квалифицируются в качестве военнопленных, но рассматриваются как представляющие угрозу для государства. Женевская конвенция IV не является договором, применимым лишь к гражданским лицам, не принимающим непосредственного участия в военных действиях: ее положения четко указывают на всеобъемлющий характер ее сферы действия. Статья 4 Женевской конвенции IV определяет, что ее защитой пользуются лица, «которые в какой-либо момент и каким-либо образом находятся в случае конфликта или оккупации во власти стороны, находящейся в конфликте, или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются» и которые не находятся под защитой какой-либо другой из трех Женевских конвенций¹². Чтобы устранить любые сомнения относительно того, включает ли это определение лиц, которые принимали непосредственное участие в военных действиях, в статье 5 Женевской конвенции IV явным образом упоминаются лица, участвующие «в деятельности, враждебной для безопасности... Государства»; также значительное число положений договора посвящено интернированию таких лиц по настоятельным соображениям безопасности, а не для их судебного преследования за уголовные преступления.

В отличие от Женевской конвенции III, Женевская конвенция IV содержит ограничения, основанные на гражданстве. Лицо не может быть исключено из сферы действия договора из-за его поведения в прошлом или принадлежности к группе, которая считается враждебной, но может быть исключено, если не соответствует требованиям гражданства, содержащимся в статье 4 Конвенции, и особенно если имеет гражданство держащей под стражей державы. Кроме того, статья 4 содержит исключения для граждан нейтральных и совоющих государств, если эти государства имеют «нормальное дипломатическое представительство при Государстве, во власти которого [эти лица] находятся». МККК считает, что для того, чтобы имело место «нормальное дипломатическое представительство», лицо должно на деле пользоваться нормальной дипломатической защитой своего государства. Лица, не находящиеся под защитой Женевской конвенции IV по причинам, связанным с гражданством, находятся под защитой статьи 75 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (Дополнительный протокол I), которая приравнивается к обычному МГП.

Поэтому любое предположение о том, что лицо не пользуется защитой ни Женевской конвенции III, ни Женевской конвенции IV, должно очень тщательно изучаться, и, что важно, предложение о том, что любой человек, пострадавший от вооруженного конфликта, полностью выходит из сферы действия МГП, должно быть категорически отвергнуто. Для обеспечения надлежащего толкования МГП в этом отношении государства должны добиваться должного понимания на всех уровнях гражданского и военного руководства в отношении сферы применения МГП, подчеркивая его характер как свода норм права, предназначенного конкретно для решения вопросов, связанных с любого рода угрозами безопасности во время вооруженных конфликтов.

ii. Недостаточная материальная подготовка к содержанию под стражей

Вторая проблема заключается в том, что стороны плохо подготовлены к соблюдению МГП. Многие проблемы, которые возникали у государств, осуществляющих содержание под стражей во время немеждународных вооруженных конфликтов в последние десятилетия, возникали из-за того, что государства не уделяли должного внимания инфраструктуре, персоналу, деятельности по осуществлению контроля и наличию соответствующих учреждений (таких, как независимые и беспристрастные контрольные органы), нужных для обеспечения соблюдения МГП. Недостаток материальной подготовки к соблюдению права значительно усложняет законное содержание лиц под стражей, когда возникает такая необходимость.

11 Конвенция об обращении с военнопленными, Женева, 12 августа 1949 г. (ЖК III), ст. 4.

12 Конвенция о защите гражданского населения во время войны, Женева, 12 августа 1949 г. (ЖК IV), ст. 4.

Продуманность и материальная подготовка также необходимы для содержания под стражей во время международных вооруженных конфликтов. Очень хорошо разработаны нормы МГП, которые касаются содержания под стражей во время международных вооруженных конфликтов. Женевские конвенции III и IV вместе с Дополнительным протоколом I, когда он применим, а также обычное МГП содержат конкретные подробные нормы, регулирующие лишение свободы во время международных вооруженных конфликтов. Однако, если государства не примут заблаговременно необходимых мер для выполнения своих обязательств, они будут не в состоянии соблюдать данные нормы, несмотря на четкость и возрастающую актуальность этих обязательств.

Риск несоблюдения норм права отчасти возникает из-за того, что государства — участники Женевских конвенций взяли на себя обязательства, которые требуют большего, чем просто воздерживаться от неправомерных действий. Кроме требований, касающихся гуманного обращения, которые лежат в основе защиты, предоставляемой МГП содержащимся под стражей лицам, в Женевских конвенциях III и IV есть положения, которые учитывают особые риски для жизни и достоинства представителей каждой категории лиц, содержащихся под стражей сторонами в конфликте. Соблюдение этих положений — и обеспечение благополучия как гражданских лиц, так и военнослужащих, содержащихся под стражей, — требует специальной инфраструктуры и должной подготовки персонала, а также наличия ведомств, которые готовы и способны выполнять свои задачи.

На военнопленных, например, распространяется действие целого ряда защитных норм, направленных на то, чтобы с ними не обращались как с преступниками только из-за их участия в военных действиях. Это очень важный комплекс норм, разработанных для предотвращения различных правонарушений, от внесудебных казней и до жестокого обращения в плену. Помимо предоставления комбатантам иммунитета в отношении участия в военных действиях нормы, регулирующие обращение с военнопленными и условия их интернирования, ориентированы на то, чтобы предотвратить использование содержания под стражей в качестве наказания: военнопленные не должны содержаться в условиях строгой изоляции или в пенитенциарных учреждениях, а условия их содержания в плену должны быть близкими к условиям жизни на военной базе. Без серьезных вложений и заблаговременного планирования государство, в котором оказывается большое количество военнопленных, может стать нарушителем МГП. В то же время ему необходимо будет выполнить сложную задачу — быстро спроектировать и создать инфраструктуру, необходимую для предоставления военнопленным свободы передвижения, которая им полагается наряду с многими другими привилегиями согласно МГП, такими как содержание под стражей вместе с военнослужащими из своего подразделения и дополнительное питание.

Соблюдение Женевской конвенции III требует также соответствующего изменения институциональной и процессуальной политики. Государства должны обеспечить наличие военных судов, компетентных выносить решения, касающиеся статуса военнопленного, в соответствии со статьей 5 Женевской конвенции III. Также они должны обеспечить способность военных дисциплинарных учреждений осуществлять надзор над большим числом военнопленных, как того требует Женевская конвенция III. Аналогичные соображения относятся к подготовке к интернированию лиц, находящихся под защитой Женевской конвенции IV. Условия интернирования не должны носить характера наказания, и некоторые дополнительные требования — например, запрет на перемещение покровительствуемых лиц с оккупированной территории — обуславливают необходимость дальнейшей проработки и планирования. Нужно также учредить независимые и беспристрастные контрольные органы, которые будут рассматривать просьбы об обжаловании решений об интернировании и проводить периодические проверки.

Персонал, контактирующий с интернированными лицами, удерживаемыми согласно Женевским конвенциям III и IV, также должен пройти подготовку и знать о применимых нормах, касающихся особой защиты. Лица, проводящие допросы и имеющие опыт работы только в системах уголовного правосудия или борьбы с терроризмом, могут не знать о содержащемся в обоих договорах запрете на допрос с применением насилия и даже еще более строгих ограничений, касающихся допроса военнопленных. Также, конечно, необходимо уважать мандат МККК и способствовать его выполнению, когда МККК посещает места содержания под стражей.

Установленные в Конвенциях стандарты разрабатывались самими государствами в то время, когда у них был недавний опыт содержания под стражей очень большого числа интернированных лиц. Помимо того что эти нормы обеспечивают благополучие лиц, содержащихся под стражей, они вполне реалистичны, и условия интернирования, которые они предписывают, абсолютно достижимы. Но все должно планироваться заранее. Если государства не уделяют должного внимания соблюдению норм МГП, регулирующих содержание под стражей во время международных вооруженных конфликтов, и не проводят никаких подготовительных мероприятий для этого, они почти наверняка не смогут выполнить соответствующие требования, когда начнется конфликт. А государства, имеющие обширный опыт содержания под стражей в связи с немеждународными вооруженными конфликтами, даже наиболее тщательно применяющие стандарты и процедуры гуманного обращения, установленные для находящихся под защитой Женевских конвенций лиц, скорее всего, не смогут выполнить требования по защите этих лиц во время международных вооруженных конфликтов.

iii. Использование искусственного интеллекта и робототехники во время содержания под стражей

Государства все чаще обращаются к искусственному интеллекту и робототехнике, чтобы передать им выполнение задач, которые традиционно выполнялись людьми, и содержание под стражей не является исключением. Например, в будущем в связи с содержанием под стражей, скорее всего, в той или иной степени будет использоваться искусственный интеллект (например, при принятии решений о том, кто должен быть задержан), а для управления местами содержания под стражей будут использоваться роботы. Нет никаких сомнений в том, что в некоторых обстоятельствах технологии, применяемые ответственно и строго контролируемые человеком, могут способствовать соблюдению МГП. Но алгоритмы также могут проявлять предвзятость, возможны ошибки при программировании и анализе, а их принципы принятия решений могут быть непонятны пользователю: все это может отрицательно сказываться на соблюдении права. Кроме того, когда власти отказываются от непосредственного контакта персонала с содержащимися под стражей лицами, они утрачивают и возможность критической оценки, которая требуется для принятия обоснованных и своевременных решений. В результате непосредственного контакта возникает доверие и понимание ситуации, что, в свою очередь, может способствовать раннему выявлению проблем, поддержанию порядка без применения силы и, в конечном итоге, обеспечению соответствия условий содержания нормам МГП. Если содержащиеся под стражей власти хотят быть уверены в том, что применяемые технологии способствуют соблюдению норм права, они должны в значительной степени сохранять непосредственный контроль над вопросами содержания под стражей.

V. НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ГРУППЫ И ЗАПРЕТ НА ПРОИЗВОЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ

Что касается содержания под стражей негосударственными вооруженными группами во время немеждународных вооруженных конфликтов, то, по оценкам МККК, около 70 таких групп удерживают кого-либо под стражей. К этим задержанным относятся военнослужащие и другие участники боевых действий; гражданские лица, удерживаемые в связи с вооруженными конфликтами или за обычные уголовные правонарушения; лица, взятые в заложники по финансовым или политическим причинам; члены группы, которые содержатся под стражей за дисциплинарные проступки.

i. Правовые гарантии для предотвращения произвольного содержания под стражей

Любое лишение свободы имеет серьезные последствия для задержанного и его семьи. Задержанные лица могут пропасть без вести, подвергаться внесудебным казням и дурному обращению, содержаться в крайне неблагоприятных условиях, например получать недостаточное питание, не иметь доступа к медицинским и другим основным услугам. Также МККК довольно часто замечал, что содержащиеся под стражей лица испытывают еще больший стресс и беспокойство, если они не знают, почему и как долго они будут содержаться под стражей и как опротестовать решение об их задержании.

Ни одна норма МГП не запрещает содержание под стражей негосударственными группами как таковое. Фактически МГП строится на предположении, что все стороны в вооруженном конфликте будут проводить задержание, и поэтому устанавливает ограничения в отношении подобных задер-

жаний. Например, согласно МГП, некоторые формы содержания под стражей, в частности взятие заложников, всегда незаконны¹³. Другие виды содержания под стражей, например в соответствии с уголовным правом, регулируются в какой-то мере нормами МГП¹⁴. МГП запрещает произвольное содержание под стражей¹⁵. Этот запрет имеет целью не допускать задержаний, которые не регулируются никакой правовой системой и оставляют задержанного исключительно в руках захватившего, зависящим от его решений. По мнению МККК, когда негосударственные вооруженные группы содержат людей под стражей для обеспечения безопасности и не в рамках уголовного судопроизводства, им необходимы основания для такого интернирования и наличие соответствующих процедур, чтобы не допустить произвола. Однако основания и процедуры для интернирования не определены в МГП, применимом к немеждународным вооруженным конфликтам. После 2005 г. МККК опирается на институциональные руководящие принципы в решении как правовых, так и политических вопросов в рамках рабочего диалога¹⁶.

Чтобы не допускать произвольного содержания под стражей, МККК рекомендует негосударственным вооруженным группам, которые прибегают к интернированию, создать систему, регулиующую интернирование, систему, которая определяет основания (т.е. причины), на которых человек может подвергнуться интернированию, и процедуру пересмотра решения. Чтобы быть эффективными, основания и процедуры интернирования должны быть закреплены в своде норм, которые соблюдаются стороной, осуществляющей задержание: эти нормы могут иметь форму «закона», кодекса поведения, общего распоряжения или чего-то подобного.

Согласно МГП интернирование считается исключительной мерой, которая должна быть обоснованной в отношении каждого интернированного лица. На практике негосударственные вооруженные группы часто приходили к выводу, что существуют настоятельные соображения безопасности для задержания «солдат» или «бойцов» противника; людей, выступивших против этой группы с оружием в руках; «шпионов» или «коллорабационистов», работающих в интересах неприятеля или вместе с ним, и лиц, планирующих совершить или совершающих акты саботажа или причиняющих серьезный вред группе. Однако в других случаях настоятельных соображений безопасности, которые могли бы оправдать интернирование, не существует. По мнению МККК, нельзя считать, что люди представляют серьезную угрозу безопасности исключительно потому, что они принадлежат к той же семье, что и солдаты или бойцы противника; работают в интересах противника в сфере, не имеющей отношения к военной деятельности; поддерживают противника с политической точки зрения; разделяют идеологию или религию противника; проживают на территории, контролируемой противником; предоставляют противнику продукты или медицинские услуги¹⁷. Интернирование по таким причинам незаконно.

В случае интернирования нужна контрольная процедура, чтобы не допустить произвола. Она должна включать информирование лица о причинах интернирования, разрешение лицу обжаловать это решение, независимое и беспристрастное рассмотрение такого оспаривания и необходимости интернирования¹⁸. МГП не определяет, кто должен рассматривать жалобу, и МККК известны лишь очень

13 См. общую ст. 3 Женевских конвенций; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 г. (ДП II), ст. 4(2)(с); Хенкертс, Ж.-М. и Досвальд-Бек, Л. Обычное международное гуманитарное право. Том I: Нормы. Норма 96. – МККК, 2006. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/customary-international-humanitarian-law-0> (далее – Обычное МГП).

14 См. общую ст. 3; ДП II, ст. 6; Обычное МГП, нормы 100–102, которые применяются к негосударственным вооруженным группам. См.: Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, paras 725–731.

15 Обычное МГП, норма 99.

16 Annex 1. Procedural principles and safeguards for internment/administrative detention in armed conflict and other situations of violence // International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflict / ICRC. – ICRC, Geneva, 2007. Хотя не все руководящие принципы представляют правовые обязательства и предполагается, что при их выполнении будут учитываться особые обстоятельства на местах, соблюдение этих руководящих принципов является одним из способов не допустить произвольного задержания.

17 См.: Detention by Non-State Armed Groups: Obligations under International Humanitarian Law and Examples of How to Implement Them / ICRC – ICRC, Geneva, 2023 (далее — Detention by Non-State Armed Groups, ICRC), p. 56.

18 См.: Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, paras 761–762. Подробнее см.: Detention by Non-State Armed Groups, ICRC, pp. 54–57.

немногочисленные случаи, когда негосударственные вооруженные группы пересматривали решения об интернировании. МККК отмечал, что в некоторых случаях негосударственные вооруженные группы использовали суд, комиссию, какой-то коллегиальный орган, религиозные структуры или аналогичный механизм для такого пересмотра. К нему привлекались (военные) судьи, командиры, гражданские лица из вооруженных групп, юристы или религиозные лидеры¹⁹. Интернированное лицо должно быть освобождено, как только перестанут существовать причины его интернирования²⁰.

ii. Процедура пересмотра решения об интернировании

МККК признает, что предоставление процедурных гарантий интернированным может быть особенно трудным для групп с ограниченными ресурсами и возможностями невоенного характера. Однако пересмотры решений об интернировании крайне важны для предотвращения или уменьшения страданий, причиняемых произвольным содержанием под стражей, и для скорейшего освобождения того, кто не должен содержаться под стражей. На практике должно пересматриваться интернирование в первую очередь наиболее уязвимых лиц (раненых и больных, инвалидов, детей, беременных женщин), обычных гражданских лиц, а также гражданских лиц, связанных с противником, но не в качестве участников боевых действий. Часто может быть не вполне понятно, представляют ли эти люди серьезную угрозу безопасности. Поэтому любому решению об их интернировании должно предшествовать тщательное рассмотрение дела, при этом интернированному следует по возможности предоставить юридическую помощь. Тот факт, что вооруженный солдат в военной форме или боец неприятеля представляют угрозу безопасности, вызывает меньше сомнений, однако все может измениться: например, когда динамика конфликта меняется или конфликт заканчивается, а также если интернирующая сторона получает надежные заверения в том, что лицо больше не будет участвовать в боевых действиях.

Многие негосударственные вооруженные группы получают поддержку от государств. Государства, которые предоставляют такую поддержку или сотрудничают с вооруженными группами во время военных операций, обязаны с точки зрения права и часто имеют возможность помогать властям, осуществляющим содержание под стражей, в выполнении их правовых обязанностей и предотвращать или пресекать произвольное содержание под стражей²¹.

2. РАЗЛУЧЕННЫЕ ЧЛЕНЫ СЕМЬИ, ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ И УМЕРШИЕ ЛЮДИ И ИХ РОДСТВЕННИКИ

В 2023 г. Сеть семейных связей Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца зарегистрировала более 65 000 новых сообщений о пропавших без вести по всему миру (таким образом общее число таких случаев достигло 240 000). Это самое большое число, зарегистрированное за один год.

Каждый случай — это страдания, неопределенность и тревожное ожидание. Разлука с близкими, невозможность связаться с ними и узнать об их участии и местонахождении, невозможность оплакать умершего — одни из самых глубоких ран, которые наносят вооруженные конфликты.

Несколько факторов поспособствовали тревожному росту числа безвестных исчезновений. Слишком

19 См.: Detention by Non-State Armed Groups, ICRC, p. 57.

20 Обычное МПП, норма 128.

21 Основанные на практике рекомендации, касающиеся мер, которые должны приниматься оказывающими помощь государствами, чтобы обеспечить обращение с содержащимися под стражей лицами в соответствии с правом, см.: Альянсы, союзы и другие партнерства : Управление «отношениями поддержки» в вооруженных конфликтах для смягчения гуманитарных последствий войны / МККК. – МККК, 2022, с. 75–76. – URL: <https://shop.icrc.org/allies-partners-and-proxies-managing-support-relationships-in-armed-conflict-to-reduce-the-human-cost-of-war-pdf-ru.html>.

часто воюющие стороны не собирают информацию о захваченных в плен или убитых или не передают ее родственникам и в Центральное агентство по розыску (ЦАР) МККК. В некоторых конфликтах с телами или останками умерших не обращаются достойным образом, они становятся предметом торговли между воюющими сторонами, и это мешает работе по установлению личности и возвращению тел или останков родственникам. Более того, если во время военных действий средства связи повреждены или уничтожены, люди не могут связаться со своими близкими. О людях, пропавших десятилетия назад, до сих пор нет информации. Их родственники годами живут в мучительном состоянии неизвестности.

МГП определяет обязанности государственных и негосударственных сторон в вооруженных конфликтах в отношении предотвращения разлучения членов семьи, гибели и безвестного исчезновения людей, а также в отношении решения проблем, связанных с такими ситуациями. Право изложено четко, но требуется гораздо более эффективная имплементация и соблюдение его норм воюющими сторонами, чтобы предотвратить страдания людей и разрушение всей структуры общества.

А. УВАЖЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Если говорить об МГП, положения, направленные на защиту единства семьи, можно обнаружить в Женевских конвенциях 1949 г. и в Дополнительных протоколах к ним²². Обязательство по возможности уважать семейную жизнь является также частью обычного МГП²³. На практике для этого требуется сохранять, насколько это возможно, единство семьи — то есть содержать членов семьи вместе, если они лишены свободы, позволять им оставаться вместе во время перемещения внутри страны или через границу; а если разлучения родственников не удастся избежать, необходимо помогать им поддерживать связь друг с другом и добиваться того, чтобы стороны предоставляли информацию о судьбе членов семьи, в том числе об их местонахождении²⁴. МККК отмечал во время многих конфликтов по всему миру, что стороны, которые должны разрешать разлученным родственникам поддерживать связь, не всегда делают это, из-за чего число пропавших без вести только растет. И наконец, нормы, обеспечивающие защиту семейной жизни, становятся еще важнее, когда в ходе вооруженного конфликта разлучаются с семьей дети²⁵.

В. «ПРАВО ЗНАТЬ» СОГЛАСНО МГП

Право людей знать об участии родственников, пропавших без вести во время международных вооруженных конфликтов, установлено в статье 32 Дополнительного протокола I в качестве общего принципа деятельности государств, сторон в конфликте и международных гуманитарных организаций, касающейся пропавших без вести и умерших. «Право семей знать» существовало до принятия Дополнительного протокола I²⁶. Устанавливая его в качестве общего принципа в статье 32 Дополнительного протокола I, МГП признает этот принцип и включает его в нормы, касающиеся защиты пропавших без вести и умерших²⁷. В этом отношении слово «исходят» в статье 32 Дополнительного протокола I устанавливает правовое обязательство учитывать это «право семей знать», при этом должны приниматься любые меры для розыска пропавших без вести и умерших. Аналогичным образом, согласно обычному МГП, стороны в конфликте должны предоставить любую имеющуюся у них информацию об участии тех, кто объявлен пропавшим без вести в результате вооруженного конфликта, их родственникам²⁸.

22 ЖК III, ст. 70, 71 и 72; ЖК IV, ст. 25, 26, 27(1), 49(3), 82, 106, 107 и 108; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (ДП I), ст. 74, 75(4) и 77(4); ДП II, ст. 4(3)(b) и 5(2)(a); Обычное МГП, нормы 105, 117, 119, 120, 124, 125 и 131.

23 Обычное МГП, норма 105.

24 Обычное МГП, пояснение к норме 105.

25 См. главу III, раздел 3, настоящего доклада о разлучении детей с семьями сторонами в вооруженном конфликте.

26 Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / Y. Sandoz, C. Swinarski and B. Zimmermann (eds). – ICRC, Geneva/Martinus Nijhoff, Leiden, 1987 (далее – Commentary on the Additional Protocols, ICRC, 1987), paras 1200–1201. См. также: Обычное МГП, пояснение к норме 117.

27 Обычное МГП, пояснение к норме 117.

28 Обычное МГП, норма 117.

Хотя это право кодифицировано в Дополнительном протоколе I, МККК считает, что оно относится и к применению различных положений Женевских конвенций, которые предусматривают предоставление информации о лицах, пропавших без вести, во время вооруженных конфликтов²⁹.

В связи с этим МГП содержит целый ряд конкретных норм, согласно которым стороны должны выяснять судьбу разлученных членов семьи, разыскивать пропавших без вести, делать все практически возможное для установления личности умерших и предоставления информации семьям. Эти нормы вытекают из обязанности сторон принимать все возможные меры для выяснения судьбы лиц, пропавших без вести, и поиска умерших и из права родственников знать об их участии. На практике «право знать» означает, что должны быть предприняты различные действия для выяснения участи человека, в том числе его местонахождения. В то время как определенные шаги устанавливаются МГП, государства и стороны в конфликте могут сами решать, какие еще меры принимать для достижения цели. Среди важных действий, которые могут предпринять стороны, — регистрация содержащихся под стражей лиц, передача их личных данных и информации о расположении места содержания под стражей в ЦАР МККК; разрешение посещений мест содержания под стражей представителями МККК; предоставление людям любой информации о судьбе и местонахождении родственника; разработка процедур для поисков и установления личности умерших, используя практики и стандарты судмедэкспертизы.

Международное право прав человека также содержит обязательства, касающиеся выяснения участи и местонахождения лиц, пропавших без вести, и розыска умерших. Например, Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений явным образом признает право людей знать правду об исчезновении их близких. Это значит, что семьи жертв насильственных исчезновений, которые и сами становятся жертвами, должны получать информацию об обстоятельствах исчезновения, о ходе и результатах расследования и об участии пропавших.

С. РЕГИСТРАЦИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О РАЗЛУЧЕННЫХ ЧЛЕНАХ СЕМЬИ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ И УМЕРШИХ

МГП предусматривает ряд различных механизмов, позволяющих сделать так, чтобы стороны в конфликте устанавливали судьбу умерших, разлученных родственников и пропавших без вести лиц наиболее эффективным способом и с учетом интересов людей. Чтобы с началом конфликта выполнять эти обязательства должным образом, государства еще в мирное время должны учредить структуру, которая может быстро начать работу в случае конфликта. Другими словами, главная задача заключается в следующем: в мирное время внести изменения в национальное законодательство; обеспечить координацию между всеми, кто должен участвовать в работе этой структуры; надлежащим образом подготовить персонал для всего перечисленного. Как и в случае содержания под стражей, о котором говорилось ранее, подготовка исключительно важна для обеспечения способности государств выполнять свои обязательства с началом конфликта.

Во время международных вооруженных конфликтов цель Женевских конвенций — предотвращать безвестные исчезновения тех, кто попал в руки воюющей стороны. Для этого главным образом необходимо обеспечить сбор информации о личности и статусе этих людей, а также должное уведомление соответствующих государств и семей о том, что человек попал в руки стороны в конфликте и о его участии. Информацию следует передавать через ЦАР МККК³⁰, которое действует в качестве нейтрального посредника между сторонами в конфликте. Стороны должны регистрировать информацию о раненых, больных, потерпевших кораблекрушение и умерших из числа военнослужащих

29 Комментарий к Женевской конвенции I: Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. МККК, 2021 (далее – Комментарий к ЖК I). Пп. 1530, 1599, 1600, 1635, 1663 и 1716; Комментарий к Женевской конвенции II: Конвенция об улучшении участи раненых, больных и потерпевших кораблекрушение из состава вооруженных сил на море. МККК, 2024. Пп. 1706, 1776, 1777, 1811 и 1841; Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, para. 4721.

30 Другие процессы, направленные на выяснение участи лиц, попавших в руки стороны в конфликте, включают обязательство держащей в плену державы разрешать военнопленным (ЖК III, ст. 70 и приложение IV) и интернированным лицам (ЖК IV, ст. 106 и приложение III) заполнить и отослать карточку о взятии в плен или об интернировании в ЦАР МККК и семье, и обязательство разрешить МККК посещать места содержания под стражей (ЖК III, ст. 125 и 126; ЖК IV, ст. 142 и 143; Обычное МГП, норма 124).

неприятеля; о военнопленных и лицах, находящихся под защитой Женевской конвенции IV, которые содержатся под стражей дольше двух недель, находятся в назначенном месте проживания или интернированы; на оккупированных территориях — о детях, в отношении личности которых существуют сомнения. Для этого государства должны учредить национальное справочное бюро³¹ и официальные службы регистрации могил.

В отношении немеждународных вооруженных конфликтов МГП менее подробно описывает меры, которые должны принять стороны в конфликте, чтобы выполнить обязательства по регистрации и передаче информации о разлученных членах семей, пропавших без вести и умерших людях. В этих случаях должны применяться основные положения МГП и права прав человека, перечисленные выше. Для подготовки практических решений стороны в конфликте должны рассмотреть заключение специальных соглашений, как предусмотрено в общей статье 3, о регистрации и передаче информации о лишенных свободы лицах, а также для содействия розыску пропавших без вести и установления личности умерших.

Следует помнить, что обязательства по МГП, касающиеся разлученных членов семей, пропавших без вести лиц и умерших, продолжают действовать и после окончания вооруженного конфликта. Государства должны создать национальные механизмы для розыска лиц, пропавших без вести, и установления личности умерших, чтобы предоставить информацию и поддержку каждой семье³².

D. УВАЖЕНИЕ К УМЕРШИМ

Уважительное обращение с умершими выходит за рамки культур и религий и является основополагающим принципом МГП. Предоставляемая им защита прежде всего имеет целью обеспечить достойное обращение и не допустить безвестного исчезновения этих людей. МГП как свод права, применимый во время вооруженных конфликтов, когда люди могут погибать, даже если право соблюдается в полном объеме, содержит четкие нормы, устанавливающие обязательства для сторон в вооруженном конфликте в отношении умерших и их родственников. Эти обязательства особенно тщательно изложены в МГП, применимом к международным вооруженным конфликтам. МГП требует, чтобы во время любого вооруженного конфликта стороны принимали как минимум все практически возможные меры для розыска, подбирания и эвакуации тел умерших независимо от того, к какой стороне они принадлежат и принимали ли они непосредственное участие в военных действиях. Стороны должны достойно хоронить умерших, регистрировать всю имеющуюся информацию и принять все возможные меры для установления их личности и, наконец, регистрировать могилы и обозначать их местоположение.

Хотя ни в договорных положениях, ни в обычном МГП нет нормы, касающейся конкретно возвращения умерших семьям во время немеждународных вооруженных конфликтов, все сильнее становится тенденция к признанию того, что стороны должны способствовать возвращению останков умерших родственникам по их запросу³³. Это соответствует обязательству уважать семейную жизнь и праву людей знать о судьбе родственников. Практика и стандарты судмедэкспертизы должны служить руководством для сторон при выполнении их обязательств, в частности в том, что касается возвращения останков и вещей умерших в достойных условиях и в соответствии с пожеланиями их семей³⁴.

31 Обзор правовых норм, регулирующих создание и работу национальных справочных бюро / МККК, 2022. – URL: <https://shop.icrc.org/overview-of-the-legal-framework-governing-national-information-bureaux-pdf-ru.html>.

32 Национальные механизмы по розыску пропавших без вести лиц: руководящие положения. Инструментарий / МККК. – МККК, 2022. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/nacionalnye-mehanizmy-po-rozysku-propavshih-bez-vesti-lic-rukovodyashchie-polozheniya>.

33 См.: Обычное МГП, пояснение к норме 114 (где признается, что неясно, связано ли это с представлением о том, что существует соответствующее правовое обязательство).

34 Достойное обращение с телами умерших во время чрезвычайных ситуаций гуманитарного характера и предотвращение их безвестного исчезновения: руководящие принципы / МККК. – МККК, 2022. – URL: <https://shop.icrc.org/guiding-principles-for-dignified-management-of-the-dead-in-humanitarian-emergencies-and-to-prevent-them-becoming-missing-persons-pdf-ru.html>. Процесс судебно-медицинской идентификации: комплексный подход / МККК. – МККК, 2023. – URL: <https://shop.icrc.org/the-forensic-human-identification-process-an-integrated-approach-pdf-en.html>.

Чтобы предоставлять эффективную защиту разлученным родственникам, пропавшим без вести и умершим, а также их семьям, государства и стороны в вооруженных конфликтах должны знать свои обязательства по МГП и быть готовыми их выполнять. Это требует принятия практических мер еще до начала конфликта³⁵. Когда такие меры не принимают, люди разлучаются с родственниками во время войны и пропадают без вести, и семьи не получают никакой информации об участии родных.

Эти нормы направлены на то, чтобы предотвратить одно из наиболее страшных последствий вооруженных конфликтов и найти решение проблемы. Даже если во время конфликтов МГП соблюдается в полной мере, людей все равно содержат под стражей, они разлучаются с семьями или погибают. Именно для того, чтобы уменьшить страдания людей, соответствующие нормы МГП так тщательно проработаны.

МККК и его Центральное агентство по розыску работают вместе с национальными обществами Красного Креста и Красного Полумесяца через глобальную Сеть восстановления семейных связей, чтобы не допускать разлучения семей, воссоединять их и помогать им оставаться на связи; не допускать безвестных исчезновений, разыскивать пропавших без вести; защищать достоинство умерших и оказывать поддержку их семьям. В 2023 г. мы помогли провести более 2 020 000 телефонных разговоров между разлученными родственниками и выяснили участь и местонахождение 16 680 лиц, родственники которых подали запрос о розыске.

МККК обязуется продолжать предоставлять правовую и техническую поддержку государствам и сторонам в конфликте по решению вопросов, касающихся разлученных членов семей, пропавших без вести и умерших.

3. ДЕТИ, РАЗЛУЧЕННЫЕ С СЕМЬЕЙ

Во время войны дети разлучаются с родными быстро и при самых разных обстоятельствах. Иногда они теряются во время перемещения, при изменении линии фронта или когда укрываются от нападений. Также это случается, когда взрослого или ребенка задерживают, завербовывают, госпитализируют или убивают. В некоторых случаях стороны в вооруженном конфликте намеренно разлучают детей и их семьи в нарушение МГП и международного права прав человека.

Для детей разлука с семьей — начало тяжелых испытаний. Их основные потребности никого не интересуют, они меньше защищены от насилия, эксплуатации и опасностей войны. Среди лишений и сумятицы вооруженного конфликта именно семья может сохранить здоровье ребенка, позаботиться о его безопасности и благополучии, это лучший защитный механизм.

Выше, в разделе 2 главы III, излагаются защитные нормы МГП, касающиеся разлученных членов семьи. В нем также упоминается, что положения, направленные на защиту единства семьи, излагаются в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним³⁶, и что уважение семейной жизни является частью обычного МГП³⁷. Ограничения на разлучение ребенка с родителями устанавливаются также в статьях 9 и 16 Конвенции о правах ребенка (КПР). Согласно этим нормам, когда семья находится под контролем стороны в вооруженном конфликте, оставить ребенка с родственниками — мера, которая должна приниматься по умолчанию. Только в ограниченных и прописанных в правовых нормах условиях стороны в конфликте могут на законных основаниях разлучить ребенка с семьей. Более того, такие меры должны соответствовать требованиям МГП обеспечивать детям особую защиту и обращаться с ними с особым уважением³⁸. Для государств — участников КПР

35 Необходимость того, чтобы государства и стороны в вооруженных конфликтах принимали такие меры, подчеркивалась в резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН 2474 (2019).

36 ЖК III, ст. 70, 71 и 72; ЖК IV, см. 25, 26, 27(1), 49(3), 82, 106, 107 и 108; ДП I, ст. 74, 75(4) и 77(4); ДП II, ст. 4(3)(b) и 5(2)(a); Обычное МГП, нормы 105, 117, 119, 120, 124, 125 и 131.

37 Обычное МГП, норма 105.

38 В том числе ЖК IV, ст. 24, 38(5), 50(5) и 76(5); ДП I, ст. 77; ДП II, ст. 4(3); Обычное МГП, норма 135.

это означает необходимость действовать в наилучших интересах ребенка, которая должна в первую очередь приниматься во внимание при осуществлении всех действий, которые касаются детей³⁹.

Начиная с 1949 г., учитывая ужасающие уроки Второй мировой войны, когда были разлучены тысячи семей, МГП установило нормы, регулирующие — и ограничивающие — разлучение членов семьи во время эвакуации, перемещения и депортации. 75 лет спустя дети, вынужденные покинуть родные дома, в таких местах, как Афганистан, Газа, Сирия, Судан и Украина, все еще переживают связанные с этим тяготы без поддержки близких⁴⁰.

Нормы МГП, регулирующие эвакуацию, перемещение и депортацию детей, проводят черту, которая отделяет законную эвакуацию, которая может спасти жизнь, от незаконного перемещения или депортации. С одной стороны, эти нормы говорят о том, что правильно проведенная эвакуация может спасти ребенка и отвечает его лучшим интересам. При определенных условиях МККК может принять участие в такой эвакуации⁴¹. Но даже в таком случае МККК настаивает, что к эвакуации детей нельзя подходить легкомысленно: право требует целого ряда гарантий и мер для предотвращения непоправимого ущерба⁴². В ходе поспешной или плохо организованной эвакуации дети могут быть разлучены с семьей — в некоторых случаях незаконно — и остаться без присмотра в крайне опасном окружении. Эвакуация совсем маленьких детей может приводить к непоправимым последствиям: они могут навсегда потерять свои корни. В худшем случае дети могут умереть в дороге.

С другой стороны, нормы отражают тот факт, что сторона в конфликте, проводящая эвакуацию, может представлять ее как необходимую с точки зрения здоровья и безопасности детей меру, чтобы скрыть военное преступление — незаконное перемещение или депортацию⁴³. Государства, участвовавшие в составлении Женевских конвенций 1949 г., помнили об этой опасности и старались предотвращать эвакуацию, проводимую по идеологическим причинам⁴⁴. Составители Дополнительных протоколов I и II также учитывали такой риск: оккупирующая держава может «злоупотребить своим правом принимать решения», замаскировав эвакуацию, проводимую по политическим причинам, под эвакуацию, осуществляемую для обеспечения безопасности⁴⁵. Таким образом, согласно МГП, эвакуация не может считаться законной только потому, что сторона в конфликте эвакуирует детей по соображениям их здоровья и безопасности. Эвакуация должна удовлетворять и другим требованиям, например связанным с сохранением семейных связей, временным характером эвакуации и некоторыми другими особенностями ситуации.

А. КЛЮЧЕВЫЕ ПРАВОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ПРИМЕНИМЫЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ И НЕМЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Несколько положений МГП имеют непосредственное отношение к эвакуации, перемещению и депортации детей.

39 Конвенция о правах ребенка (КПР) от 20 ноября 1989 г., ст. 3.

40 Один из примеров см.: Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов / МККК. – МККК, 2019. – URL: <https://shop.icrc.org/international-humanitarian-law-and-the-challenges-of-contemporary-armed-conflicts-recommitting-to-protection-in-armed-conflict-on-the-70th-anniversary-of-the-geneva-conventions-pdf-ar-2.html> (далее — Доклад МККК, 2019), глава 5.3, касающаяся норм международного права, которые предоставляют защиту детям, имеющим отношение к «бойцам-иностранцам».

41 См.: ICRC, “Sudan: Relief as ICRC evacuated 300 children ‘towards safety, away from the sounds of gunfire’”, 9 June 2023: www.icrc.org/en/document/sudan-relief-icrc-evacuates-300-children. См. также упоминание ЦАР МККК в ДП I, ст. 78(3).

42 См., например: ICRC, UNICEF, UNHCR and IFRC, Joint statement on the evacuation of unaccompanied children from Rwanda, 1994: www.refworld.org/policy/statements/unhcr/1994/en/29395. См. также: Доклад МККК 2019 г., глава 2.1.C, о защите гражданских лиц, покидающих осажденный район или эвакуирующихся из него.

43 Незаконная депортация или перемещение являются серьезным нарушением МГП согласно ст. 147 ЖК IV и ст. 85(4)(а) ДП I и могут быть военным преступлением во время как международного, так и немеждународного вооруженного конфликта согласно ст. 8(2)(а)(vii), 8(2)(b)(viii) и 8(2)(e)(viii) Римского статута Международного уголовного суда (МУС) 1998 г.

44 См.: Final Record of the Diplomatic Conference of Geneva of 1949, Federal Political Department, Berne, 1950, Vol. II-A, p. 638.

45 Commentary on the Additional Protocols, ICRC, 1987, paras 3211, 3227.

В отношении международных вооруженных конфликтов статья 24(2) Женевской конвенции IV предусматривает, что стороны в конфликте должны способствовать приему определенных категорий безнадзорных детей в нейтральной стране при соблюдении ряда гарантий. Для государств — участников Дополнительного протокола I статья 78 этого договора дополняет Женевскую конвенцию IV в случае эвакуации всех детей, не являющихся их гражданами, в другие страны. В то же самое время статья 49 Женевской конвенции IV запрещает насильственное перемещение или депортацию покровительствуемых лиц в пределах или за пределы оккупированной территории⁴⁶. В случае, когда ребенок не находится под защитой этих положений МГП, будучи эвакуированным государством его гражданства, государства — участники КПП остаются связанными обязательством действовать в наилучших интересах ребенка, уважая его личность и семейную жизнь⁴⁷.

Во время немеждународных вооруженных конфликтов, к которым применим Дополнительный протокол II, статья 4(3)(e) этого договора предусматривает, что в определенных условиях дети могут быть вывезены из района военных действий. Любая эвакуация детей является перемещением, которое должно также соответствовать статье 17 Дополнительного протокола II, запрещающей насильственное перемещение гражданских лиц, если этого не требуют безопасность соответствующих гражданских лиц или настоятельная военная необходимость⁴⁸.

Во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов вышеупомянутые положения, которые касаются конкретно эвакуации, перемещений и депортации, должны толковаться в контексте этих мероприятий, в свете их цели и вместе с любыми соответствующими нормами международного права, применимыми в отношениях между сторонами. К ним относятся нормы МГП и права прав человека, если оно применимо, которые требуют сохранения единства семьи по умолчанию, если не возникают некоторые условия, как будет сказано далее. Сюда относится и норма МГП, в силу которой дети имеют право на особое уважение и защиту; для государств — участников КПП это означает необходимость действовать в наилучших интересах ребенка, которая должна в первую очередь приниматься во внимание при осуществлении любых действий, касающихся детей.

В. ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ГАРАНТИИ

Вышеупомянутые положения МГП, включая те, которые касаются уважения семейной жизни, должны быть тщательно изучены любой стороной, рассматривающей возможность эвакуации детей. Правовые требования будут разными в зависимости от того, кто осуществляет эвакуацию, является ли она принудительной, эвакуируются ли семьи вместе, откуда и куда они эвакуируются. Каждый случай эвакуации необходимо рассматривать отдельно в свете применимого права. Ниже приведены некоторые важные гарантии, содержащиеся в праве.

Эвакуация детей не должна быть принудительной, за исключением случаев, когда существуют особо веские причины⁴⁹. Что касается добровольной эвакуации, то по соответствующим нормам требуется согласие держав-покровительниц, государств гражданства и (или) родителей или лиц, которые в соответствии с законом или обычаем несут основную ответственность за ребенка (когда их можно найти)⁵⁰. Речь идет о согласии, требующемся для разлучения ребенка с родителями, законными опекунами или лицами, которые по закону или обычаю несут основную ответственность за ребенка⁵¹; в иных случаях, то есть в отсутствие согласия, стороны в вооруженном конфликте не должны во время эвакуации разлучать членов семьи, которые эвакуируются вместе⁵². Более того, эвакуация детей, к которой применимы Дополнительные протоколы, даже если она добровольная, должна проводиться только при необходимости⁵³. Эвакуация должна быть временной⁵⁴ и подлежит некоторым

46 См. также: Обычное МГП, норма 129.

47 См.: КПП, ст. 3, 7–11.

48 См. также: Обычное МГП, норма 129.В.

49 См.: ЖК IV, ст. 49(2); ДП II, ст. 17(1); Обычное МГП, норма 129. См. также определенные основания в ДП I, ст. 78(1).

50 ЖК IV, ст. 24(2); ДП II, ст. 4(3)(e); ДП I, ст. 78; относительно мнения ребенка см.: КПП, ст. 12.

51 ДП II, ст. 4(3)(e); ДП I, ст. 78; См. также: КПП, ст. 9.

52 ЖК IV, ст. 49(3); Обычное МГП, нормы 105 и 131.

53 ДП I, ст. 78(1) определяет конкретные основания; ДП II, ст. 4(3)(e).

54 ЖК IV, ст. 49(2); ДП I, ст. 78(1); ДП II, ст. 4(3)(e).

территориальным ограничениям⁵⁵. Особые меры должны быть приняты для надлежащей заботы о детях во время и после эвакуации⁵⁶. И наконец, в некоторых случаях на законных основаниях требуется уведомление МККК или держав-покровительниц⁵⁷, и во всех случаях регистрация эвакуированных несопровождаемых или разлученных с семьей детей имеет решающее значение для соблюдения их наилучших интересов, в том числе для того, чтобы они не пропадали без вести и чтобы их семьи знали об их участии и местонахождении.

Эвакуация — это лишь временное решение: людей нельзя увозить из мест, где они живут, навсегда. Обязательства сторон в вооруженном конфликте не заканчиваются, когда люди оказываются в безопасности и там, где о них могут позаботиться. Нормы МГП также регулируют безопасное и добровольное возвращение этих людей⁵⁸ и воссоединение семей, которые могли разлучиться в ходе эвакуации⁵⁹. Это должно найти отражение в планах организующих эвакуацию сторон в вооруженном конфликте.

Цель этих требований заключается не в том, чтобы отсрочить спасительную эвакуацию, а в том чтобы устранить связанные с эвакуацией риски и обеспечить реальное улучшение жизни детей. Кратковременная безопасность и долговременная защита не должны быть взаимоисключающими целями. Возможно, самым важным для детей будет сохранение единства семьи, что обычно является лучшим способом защитить их от наихудшего вреда, и МККК призывает стороны в вооруженном конфликте помнить об этом.

4. ЗАЩИТА, ПРЕДОСТАВЛЯЕМАЯ РАЗЛИЧНЫМ КАТЕГОРИЯМ ЛИЦ

Население всех стран состоит из самых разных групп людей, и на каждого человека вооруженный конфликт воздействует по-разному. Применяя МГП, необходимо хорошо понимать эту разницу, чтобы обеспечить людям реальную защиту. В последние годы МККК предпринимает усилия, чтобы добиться более полного понимания этого разнообразия, особенно в том, что касается возраста, гендера и инвалидности. Далее излагаются выводы, к которым он пришел.

А. ПРИМЕНЕНИЕ МГП С УЧЕТОМ РАЗНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Несмотря на гарантию равных прав для женщин и мужчин в международном праве гендерное неравенство продолжает существовать во всех странах мира. Это особенно заметно там, где идут конфликты. Например, ООН сообщает, что во время гуманитарного кризиса доля возглавляемых женщинами домохозяйств обычно достигает 33 %, и в этих домохозяйствах выше риск недоедания и нехватки продовольствия⁶⁰. В целом проводимые сейчас исследования говорят о том, что уровень смертности женщин и детей из-за косвенного воздействия вооруженных конфликтов выше, чем мужчин⁶¹.

55 ЖК IV, ст. 24(2) (нейтральная страна) и 49(2) (могут быть перемещены только в глубь оккупированной территории, за исключением случаев, когда это практически невозможно); ДП II, ст. 4(3)(e) (более безопасный район внутри страны).

56 ЖК IV, ст. 24 и 49(3); ДП I, ст. 78(2); ДП II, ст. 4(3)(e) и 17(1); Обычное МГП, норма 131.

57 ЖК IV, ст. 49(4); ДП I, ст. 78(3). Что касается детей на оккупированной территории, в отношении личности которых есть сомнения (обычно это означает, что это несопровождаемые или разлученные с родными детьми), ст. 50(4) ЖК IV также требует их регистрации национальным справочным бюро.

58 ЖК IV, ст. 49(2); ДП I, ст. 78(3); Обычное МГП, норма 132. См. также ст. 12(4) Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., наряду с другими международными инструментами, касающимися права на возвращение.

59 ЖК IV, ст. 26; ДП I, ст. 74; ДП II, ст. 4(3)(b); Обычное МГП, норма 105.

60 Доклад Генерального секретаря «Женщины и мир и безопасность». Док. ООН S/2021/827, 27 сентября 2021 г., п. 43.

61 Savell, S. How death outlives war: The reverberating impact of the post-9/11 wars on human health. – Watson Institute for International and Public Affairs, Brown University, 15 May 2023, p. 5. – URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/papers/2023/Indirect%20Deaths.pdf>.

Поэтому во время военных операций женщины, мужчины, девочки и мальчики не находятся в равных условиях. Действия воюющих сторон могут причинять вред, имеющий гендерные измерения, это связано как с различием между биологическими полами, так и различиями, основанными на приписываемых социумом ролям и обязанностях. Другими словами, системное гендерное неравенство влечет за собой особые риски, влияет на доступ к ресурсам и формирует поведение во время вооруженного конфликта. Хотя последствия, обусловленные гендером, могут различаться от ситуации к ситуации и также зависят от других характеристик личности, тенденции предсказуемы. Женщины и девочки располагают меньшими финансовыми ресурсами, чтобы восстановиться после травмы и справиться с материальным ущербом, у них меньше возможностей пользоваться важнейшими услугами, и они менее представлены в органах, принимающих решения. Основанная на гендере дискриминация может проявляться в обращении с задержанными лицами или при предоставлении медицинской помощи. Она способствует нарушениям права, обусловленным гендером, в том числе сексуальному насилию⁶².

Столкнувшись с такими гендерно дифференцированными последствиями, МККК обязался обеспечить большую инклюзивность в своей работе и учитывать значение таких последствий для имплементации и применения МГП⁶³. В частности, в своей работе, связанной с правом, МККК учитывает гендерный аспект в подходе к обновлению комментариев к Женевским конвенциям⁶⁴. Ряд докладов МККК, опубликованных в 2022 и 2024 гг., содержит призыв к сторонам в вооруженных конфликтах учитывать гендерный аспект при толковании МГП⁶⁵. В свете таких обстоятельств настоящий раздел определяет, как некоторые нормы МГП могут применяться для того, чтобы лучше понимать связанный с гендером ущерб и снижать его уровень во время вооруженных конфликтов. Здесь также излагаются соответствующие практические рекомендации.

i. Гендерный аспект и выполнение обязательств по МГП, касающихся недопущения дискриминации и уменьшения ущерба гражданским лицам и объектам

МГП содержит нормы, регулирующие обращение с лицами, находящимися во власти стороны в конфликте, в том числе обязательства обращаться с ними без какого-либо неблагоприятного различия. Это значит без дискриминации по признакам пола, гендера или на основании любых других аналогичных критериев. Что является недискриминационным обращением, определяется по-разному в зависимости от человека, при этом должны приниматься во внимание явные риски, с которыми он сталкивается, как физические, так и психологические или обусловленные социальными, экономическими, культурными и политическими факторами. Важно отметить, что, казалось бы, нейтральные положения МГП могут применяться по-разному с учетом гендерных различий, чтобы соответствовать требованиям недопустимости дискриминации. Например, в статье 27 Женевской конвенции III говорится о предоставлении одежды военнопленным и нет никакого явного упоминания гендера — но для соблюдения сопутствующего обязательства недопущения дискриминации (а также гуманного обращения и уважения к личности) требуется предоставление одежды, соответствующей полу военнопленного⁶⁶. Статья 79 Женевской конвенции III, также ничего не говорящая о гендере, касается выбора доверенных лиц пленных. Для применения этих положений без дискриминации держащая в плену держава может рассмотреть вопрос о назначении женщины в качестве доверенного лица военнопленных (если среди содержащихся под стражей есть женщины):

62 Такое гендерно обусловленное насилие может затрагивать всех. См.: “That Never Happens Here”: Sexual and Gender-Based Violence against Men, Boys and/Including LGBTQ+ Persons in Humanitarian Settings, ICRC and Norwegian Red Cross, 2022.

63 В своей Политике разработки инклюзивных программ (Inclusive Programming Policy, 2022) МККК говорит о намерении включить анализ гендера и других факторов в работу организации; в публикации МККК «Гендер, разнообразие и политика инклюзивности» (Gender, Diversity, and Inclusion Policy, 2024) разъясняется и определяется его поддержка гендерного равенства.

64 Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, paras 24, 1682, 2680.

65 International Humanitarian Law and a Gender Perspective in the Planning and Conduct of Military Operations / ICRC. – ICRC, Geneva, 2024 (далее – IHL and a Gender Perspective in the Planning and Conduct of Military Operations, ICRC, 2024). Gendered Impacts of Armed Conflicts and Implications for the Application of International Humanitarian Law / ICRC. – ICRC, Geneva, 2022 (далее – Gendered Impacts of Armed Conflict, ICRC, 2022).

66 Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, paras 19, 1734, 1761, 2151.

«В любом случае доверенное лицо должно принимать во внимание конкретные потребности и способствовать благополучию всех военнопленных, как мужчин, так и женщин»⁶⁷.

Целый ряд норм МГП реализуют требование недопущения дискриминации, предусматривая особое обращение с женщинами. К этим нормам относится обязанность обращаться с женщинами «со всем полагающимся их полу уважением»⁶⁸. Поэтому держащие в плену державы — приведем один важный пример — обязаны сделать так, чтобы их медицинские службы обладали надлежащими возможностями для оказания необходимой помощи женщинам⁶⁹. Стороны в вооруженном конфликте, включая негосударственные вооруженные группы, принимают целый ряд мер, чтобы учесть особые риски, с которыми сталкиваются женщины в местах содержания под стражей⁷⁰.

Кроме этого, МГП требует от сторон в вооруженном конфликте определенными способами снижать ущерб гражданским лицам и гражданским объектам при ведении военных действий. Соответствующие нормы и принципы МГП, касающиеся ведения военных действий, содержат принципы проведения различия, соразмерности и принятия мер предосторожности⁷¹. Эти нормы предоставляют защиту гражданскому населению — женщинам, мужчинам, мальчикам и девочкам, которые по-разному переживают последствия военных действий. Поэтому стороны в вооруженном конфликте должны по возможности включать гендерный анализ в планирование и ведение военных операций, чтобы уменьшить ущерб, причиняемый гражданским лицам и объектам.

ii. Гендерный аспект на практике

Учитывать гендерный аспект при применении МГП чрезвычайно сложно в связанных с вооруженным конфликтом институтах и действиях, которые характеризуются значительной гендерной предвзятостью. Гендер остается второстепенным и спорным вопросом для вооруженных сил многих стран. Связанные с гендером предубеждения и стереотипы существуют во всем мире, влияя на принимаемые отдельными лицами решения и способствуя недостатку данных⁷². Поэтому вполне вероятно, что гендерный аспект при применении МГП во время военных операций может учитываться в большей или меньшей степени в зависимости от ряда совокупных факторов.

Для начала правовые, стратегические и этические соображения можно использовать, чтобы доказать важность гендерного вопроса национальным акторам, и их руководство должно заявить о своей твердой позиции по этому вопросу. Внутренняя дисциплина влияет на поведение, поэтому правильные кодексы поведения и аналогичные формирующие культуру документы становятся важным фундаментом. В более широком плане для институционализации гендерного вопроса в планировании, проведении и оценке операций критически важны способствующие этому законы, руководящие документы, принципы и процедуры.

Учет гендерного аспекта в военных операциях приведет и к устранению пробелов в оперативных данных, касающихся гендерного вопроса. Может помочь военно-гражданское сотрудничество, если оно правильно осуществляется: военные должны советоваться с заинтересованными сторонами, при необходимости местные женщины, например участницы женских организаций, должны получить место за столом, если они захотят этого. Советники или координаторы по гендерным вопросам, если они получили должную подготовку или обладают влиянием, могут поделиться практическим опытом и особыми знаниями, необходимыми для того, чтобы связанная с вопросами гендера информация была полезной в практическом смысле для командиров и групп планирования. В ряде государств были созданы соответствующие должности. И, наконец, способствовать тому, чтобы гендерный вопрос

67 Там же, para. 3468.

68 ЖК I, ст. 12(4); ЖК II, ст. 12(4); ЖК III, ст. 14(2).

69 Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, paras 1685, 2230, 1747 (footnote 13).

70 Detention by Non-State Armed Groups, ICRC, 2023, p. 35.

71 Касательно применения гендерного подхода к принципам проведения различия, соразмерности и принятия мер предосторожности см.: Gendered Impacts of Armed Conflict, ICRC, 2022, pp. 11–19.

72 Индекс гендерно обусловленных социальных норм Программы развития ООН показал, что 91 % мужчин и 86 % женщин демонстрируют по крайней мере одно явное предубеждение против гендерного равенства: Tackling Social Norms: A Game Changer for Gender Inequalities / UNDP. – UNDP, New York, 2020, p. 8.

учитывался должным образом, может принятие во внимание демографического состава вооруженных сил, правильная логистика, приобретение и распределение достаточных ресурсов.

В национальной политике повестка дня ООН «Женщины, мир и безопасность» продолжает быть вектором прогресса, призывая государства соблюдать и имплементировать нормы МГП, которые предоставляют защиту женщинам и девочкам. Пересечения между МГП и повесткой дня «Женщины, мир и безопасность» существуют, но такая связь может быть укреплена⁷³. В соответствии с национальным контекстом, ресурсами и приоритетами — и консультируясь с организациями гражданского общества — государства в своей политике в рамках повестки «Женщины, мир и безопасность» могут, например, принять обязательство толковать МГП с учетом гендерного аспекта; назначить в вооруженных силах советников по гендерным вопросам; включить строгие положения, запрещающие дискриминацию, в военные руководства, уставы и наставления; обеспечить включение международных обязательств в отношении сексуального насилия в национальное законодательство⁷⁴.

В пекинской Платформе действий 1995 г. 186 государств согласились с тем, что следует поощрять активную и заметную политику учета гендерной проблематики в решениях, касающихся урегулирования вооруженных конфликтов⁷⁵. Почти 30 лет спустя все еще можно часто слышать, что гендерный вопрос слишком сложен и объемен, чтобы его можно было учитывать в военных операциях. В ответ на это можно напомнить, что мы живем в мире потрясающих технологических достижений и серьезных государственных затрат на обеспечение безопасности. Включение гендерного аспекта в имплементацию МГП — вопрос приоритетов и выделения ресурсов, а не военных возможностей. Уменьшению гендерно обусловленного воздействия вооруженных конфликтов по-прежнему не уделяют должного внимания. Хотя есть и положительные примеры из опыта множества вооруженных сил и вооруженных групп, дальнейший прогресс является вопросом политической воли. МККК настоятельно призывает стороны в вооруженных конфликтах серьезно относиться к защите всех гражданских лиц в равной степени.

В. ТОЛКОВАНИЕ И СОБЛЮДЕНИЕ МГП С УЧЕТОМ ПОТРЕБНОСТЕЙ ИНВАЛИДОВ

По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в 2022 г. почти 1,3 миллиарда человек, или 16 % всего населения мира, имели тяжелую инвалидность⁷⁶. На территориях, пострадавших от вооруженных конфликтов, таких людей может быть еще больше — примерно от 18 до 30 %. Эти цифры говорят о том, с чем пришлось столкнуться людям: отсутствие заблаговременного предупреждения, укрытий или эвакуации; все возрастающий риск сопутствующего ущерба; нерешаемая дилемма, которую пришлось решать семьям, либо уехать всем вместе, передвигаясь медленно и рискуя подвергнуться нападению, потому что один из членов семьи не может передвигаться самостоятельно, а взять с собой коляску невозможно, либо оставить близкого человека с инвалидностью, чтобы спасти остальных членов семьи. Как в индивидуальном порядке, так и во время региональных консультаций, в которых принимали участие инвалиды и представители вооруженных сил, организации инвалидов поделились с МККК и другим опытом. В одном случае отец ребенка с нарушением интеллектуального развития решил эвакуировать корову вместо ребенка, посчитав животное более ценным. В других случаях вооруженные силы нападали на людей с психическими расстройствами, нарушением интеллектуального развития, слабослышащих и слабоблещащих, задерживали их, потому что ошибочно полагали, что эти лица представляли собой военную угрозу: когда люди с психическими расстройствами или нарушением интеллектуального развития бежали в возбуждении к месту, где шел бой; когда люди с нарушением слуха не реаги-

73 Подробнее см.: IHL and a Gender Perspective in the Planning and Conduct of Military Operations, ICRC, 2024.

74 IHL and a Gender Perspective in the Planning and Conduct of Military Operations, ICRC, 2024, p. 6. См. также: Имплементация на национальном уровне норм международного гуманитарного права, запрещающих сексуальное насилие. Перечень контрольных вопросов для государств и Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца / МККК. — МККК, 2024. — URL: <https://shop.icrc.org/domestic-implementation-of-international-humanitarian-law-prohibiting-sexual-violence-a-checklist-for-states-and-the-international-red-cross-and-red-crescent-movement-pdf-en-4.html>.

75 ООН, Пекинская декларация и Платформа действий, приняты на Четвертой Всемирной конференции по положению женщин 27 октября 1995 г., п. 141.

76 ВОЗ, Глобальный доклад о справедливости в отношении здоровья людей с инвалидностью, 2022 г.: https://www.who.int/health-topics/disability#tab=tab_1.

ровали на устные приказы солдат; когда слабовидящие пользовались белыми тростями, которые солдаты ошибочно принимали за оружие.

Эти особые опасности возникают не потому, что соответствующих норм МГП не существует. Когда инвалиды являются гражданскими или вышедшими из строя лицами, они находятся под защитой согласно общим нормам МГП о ведении военных действий (основанным на принципах проведения различия, соразмерности и принятия мер предосторожности). Находясь во власти стороны в вооруженном конфликте, они пользуются основными гарантиями, в частности им должно быть обеспечено гуманное обращение без какого-либо неблагоприятного различия. Более того, инвалиды имеют право на особое уважение и защиту согласно МГП. Однако на практике эти обязательства не толкуются должным образом и не выполняются в полной мере для того, чтобы иметь смысл и быть эффективными: в них недостаточно учитываются конкретные препятствия и опасности, с которыми сталкиваются инвалиды.

Содействие толкованию и имплементации МГП с учетом положения инвалидов является частью нашей Концепции-2030 по вопросам инвалидности. МККК также стремится лучше учитывать потребности и индивидуальные особенности инвалидов в своей деятельности по предоставлению защиты и помощи и в качестве работодателя⁷⁷. Деятельности по предоставлению защиты инвалидам также придается большое значение в Стратегии МККК на 2024–2027 гг.⁷⁸

МГП и Конвенция о правах инвалидов (КПИ) взаимодополняемы (о чем прямо говорится в статье 11 КПИ), и это может способствовать толкованию и имплементации МГП с учетом потребностей инвалидов⁷⁹. В значительной степени социальная и правозащитная модель в отношении инвалидности, предусмотренная в КПИ, может содействовать тому, что воюющие стороны будут учитывать самые разные препятствия и опасности, с которыми приходится сталкиваться людям с инвалидностью. С процедурной точки зрения серьезное рассмотрение этих препятствий и опасностей требует, чтобы государства и стороны в вооруженном конфликте консультировались с инвалидами и представляющими их организациями, вовлекая их в процесс толкования и имплементации МГП (обязательство и принцип согласно КПИ).

При применении норм МГП, касающихся практически возможных мер предосторожности при нападении и предотвращении последствий нападения, понимание наличия особых препятствий и опасностей, о которых говорилось ранее, может серьезно изменить ситуацию для гражданских лиц с инвалидностью. Ниже приведены примеры для иллюстрации этого утверждения.

Понимание сторонами в конфликте того, что лица с сенсорными и психическими расстройствами или с умственной отсталостью могут не понимать ситуацию и реагировать на военные действия, происходящие около них, не так, как другие, поможет избежать ошибочного вывода о том, что эти люди стали законными целями. Такое понимание может способствовать лучшему выполнению обязательства, согласно которому необходимо удостовериться в том, что лица, на которых предполагается напасть, действительно являются законными целями.

Если стороны учтут тот факт, что гражданским лицам с инвалидностью может потребоваться больше времени для того, чтобы покинуть район расположения военных объектов, они могут изменить время нападения или отсрочить военную операцию, если это возможно. Учет этого фактора способствует более эффективному выполнению обязательства выбирать такие методы нападения, ко-

77 См.: Vision 2030 on Disability / ICRC. – ICRC, Geneva. – URL: <https://shop.icrc.org/the-icrc-s-vision-2030-on-disability-pdf-en.html>.

78 См.: Стратегия МККК на 2024–2027 гг., стратегический ориентир 1: сохранение первоочередной значимости защиты, а также роли нейтрального посредника / МККК. – МККК, 2023, с. 10–11. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/strategiya-mkkk-2024-2027-gg>.

79 См. также: ICRC, “Towards a disability-inclusive IHL: ICRC views and recommendations”, Humanitarian Law and Policy blog, July 2023 (<https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2023/07/06/towards-disability-inclusive-ihl-icrc-views-recommendations/>); далее – Towards a disability-inclusive IHL, ICRC, 2023); Доклад МККК, 2019, с. 48–51; ICRC, “How law protects persons with disabilities in armed conflict”, ICRC, Geneva, 2017: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/how_law_protects_persons_with_disabilities_in_war.pdf.

торые позволят избежать случайного ущерба гражданскому населению или гражданским объектам или минимизировать его.

Чтобы заблаговременное предупреждение о нападении было эффективным, его должны слышать как можно больше гражданских лиц и у них должно быть достаточно времени, чтобы действовать в соответствии с предупреждением. Для того чтобы предупреждение было действенным для гражданских лиц с инвалидностью, стороны в вооруженном конфликте должны заблаговременно передавать предупреждение разными способами (например, используя шрифт Брайля, язык жестов, текстовые сообщения, крупный шрифт, упрощенный язык). При решении вопроса о том, сколько предоставить времени между предупреждением и нападением, нападающая сторона должна принять во внимание тот факт, что инвалидам потребуется больше времени, чем другим, чтобы уйти, добраться до убежища или принять другие меры защиты.

Временная эвакуация может быть еще одной возможной мерой предосторожности как при нападении, так и для защиты от последствий нападения⁸⁰. Для того чтобы инвалиды тоже могли эвакуироваться, необходимо их выявить, обеспечить доступными транспортными средствами, разрешить лицам, оказывающим им поддержку, сопровождать их и удостовериться, что они могут взять с собой любые устройства, которые нужны им для передвижения.

Обязательства по МГП гуманно обращаться с инвалидами, находящимися во власти стороны в конфликте, в том числе содержащимися под стражей, означает, например, не уничтожать, не повреждать и не отнимать у них устройства для передвижения и принять возможные меры по обеспечению доступности инфраструктуры или возможности связи в местах содержания под стражей.

Инвалиды принимали участие в обсуждениях на вышеупомянутых региональных консультативных совещаниях по вопросам МГП, где их мнения определяли направление дискуссий. В 2022 г. специальный докладчик ООН по правам инвалидов, МККК, Международный союз инвалидов, Европейский форум по проблемам инвалидности и Центр международного гуманитарного права «Диакония» совместно организовали региональные совещания по вопросу более эффективной защиты инвалидов во время вооруженных конфликтов. По итогам совещаний эксперты, а затем специальный докладчик ООН и его группа составили ряд рекомендаций⁸¹. И что самое важное по мнению МККК⁸², государства должны приглашать инвалидов и представляющие их организации принять участие в работе по в распространению знаний об МГП в вооруженных силах. Толкование и имплементация МГП с учетом потребностей инвалидов также должны быть включены в повестку дня национальных комитетов по МГП или аналогичных структур, а также в руководства по праву вооруженных конфликтов. В идеальном варианте эти усилия в конечном итоге приведут к тому, что при планировании и проведении военных операций будут учитываться конкретные риски для инвалидов. Негосударственные вооруженные группы также должны быть ознакомлены с тем, как проблемы инвалидов учитываются при толковании и имплементации МГП, и эти вопросы должны обсуждаться с ними — как уже успешно обсуждались другие вопросы, такие как содержание под стражей и защита медицинских учреждений.

80 См., например: ДП I, ст. 57(2)(a)(ii) и 58(a) и (c), о соответствующих обязательствах, касающихся мер предосторожности. Конкретным способом принять меры предосторожности как при нападении, так и для защиты от его последствий в осажденных или окруженных районах, а также предусмотренные ЖК IV меры по защите определенных групп гражданских лиц является заключение местного соглашения между воюющими сторонами, чтобы дать возможность этим группам гражданских лиц, включая инвалидов, эвакуироваться в соответствии со ст. 17 ЖК IV.

81 См.: Специальный докладчик ООН о правах инвалидов, Доклад специального докладчика по вопросу о правах людей с инвалидностью. Док. ООН A/77/203, 2022: <https://docs.un.org/ru/A/77/203>.

82 См.: Towards a disability-inclusive IHL, ICRC, 2023.

IV. ДОБРОСОВЕСТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА МЕЖДУ ПРИНЦИПАМИ ГУМАННОСТИ И ВОЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ ПРИ ВЕДЕНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Современные вооруженные конфликты приносят неопишуемые страдания и разрушения. Целые города оказываются стертые с лица земли, а больницы превращаются в руины; люди с трудом выживают — им не хватает еды и воды, нет стабильного электроснабжения и медицинской помощи, они получают ранения, становятся инвалидами на всю жизнь, страдают от серьезных травм и погибают. Кроме того, вооруженные конфликты разрушают экосистемы и усугубляют быстро развивающийся глобальный экологический и климатический кризис.

Принципы и нормы МГП о ведении военных действий должны защищать гражданских лиц и гражданские объекты от связанных с военными действиями опасностей. Для этого они предусматривают тщательно рассчитанное равновесие между тем, что требуется для достижения законной военной цели, и настоящей необходимостью во время вооруженных конфликтов уменьшить количество погибших и раненых, человеческие страдания и вызываемые конфликтами разрушения. Однако эта система сталкивается со множеством сложностей. Излишне вольное толкование норм МГП, касающихся ведения военных действий, может нарушить это хрупкое равновесие и помешать достижению цели, которая заключается в спасении жизней, защите гражданских лиц и гражданских объектов, включая природную среду. С трудом достигнутые успехи ставятся под вопрос: все более частое применение противопехотных мин и кассетных боеприпасов вызывает тревогу, как и число вызываемых этим жертв. Такое оружие калечит и убивает неизбирательно, порождая неимоверные страдания в течение долгого времени даже после окончания конфликта.

В этой главе МККК рассматривает с точки зрения права, как добросовестное соблюдение норм МГП, касающихся ведения военных действий, может предотвратить или уменьшить ущерб, причиняемый гражданским лицам и объектам при ведении военных действий в городских условиях, обеспечить защиту деятельности по спасению людей в медицинских учреждениях, не допустить острых продовольственных кризисов и сохранить природную среду. В ней также содержится напоминание о том, как имплементация и соблюдение договоров, касающихся оружия, могут предотвратить гибель людей и уничтожение источников средств к существованию.

1. УРБАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Боевые действия в населенных пунктах по всему миру — например в Мариуполе, Газе и Хартуме — по-прежнему приводят к разрушениям и неимоверным страданиям гражданского населения. Последствия военных действий в городских условиях могут иметь накопительный характер, могут быть незамедлительными и долгосрочными, могут быть обширными. Среди таких последствий — огромное количество погибших гражданских лиц, тяжелые физические и психологические страдания; долговременное нарушение работы основных служб как в городской черте, так и за ее пределами; массовое перемещение населения; вспышки и распространение инфекционных заболеваний; сокращение числа источников заработка; ущерб окружающей среде и общее отставание в развитии, которое сохраняется десятилетиями и делает многие населенные пункты непригодными для проживания⁸³. В 2022 г. Движение приняло План действий по предотвращению и реагированию на гуманитарные последствия войны в городах⁸⁴. Оно занимается подготовкой официального обращения, касающегося войны в городских условиях⁸⁵, с которым выступит на 34-й Международной конференции. МККК, Движение в целом и другие гуманитарные организации продолжают наращивать свои возможности по предотвращению и устранению разрушительных последствий войны в городах, но масштаб и сложность гуманитарных потребностей всегда превосходит технические,

83 См.: War in Cities: Preventing and Addressing the Humanitarian Consequences for Civilians, ICRC, Geneva, 2023.

84 Совет делегатов Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Резолюция 6. Война в городах. Приложение: План действий Движения на 2022–2027 годы по предотвращению и реагированию на гуманитарные последствия войны в городах. С. 7–13: https://rcrcconference.org/app/uploads/2022/09/CD22-R06-War-in-Cities_22-June-2022_FINAL_RU.pdf.

85 См.: Council of Delegates of the International Red Cross and Red Crescent Movement, War in cities: A Solemn Appeal from the International Red Cross and Red Crescent Movement Draft Zero Resolution, CD/24/DRX.X, April 2024.

практические и финансовые ресурсы, которые могут быть мобилизованы для коллективного гуманитарного реагирования⁸⁶.

В своем Докладе 2019 г. МККК призывал к предоставлению более эффективной защиты гражданским лицам и более строгому соблюдению МГП во время войны в городах. С тех пор мы видим, что положение людей, пострадавших в результате военных действий в городах, осад и применения в населенных районах оружия, обладающего неизбирательным действием, только ухудшилось.

Защита гражданских лиц, оказавшихся в городах, где ведутся боевые действия, начинается с добросовестного соблюдения МГП — то есть еще задолго до вооруженного конфликта. Однако опустошительные последствия боев в городах вызывают серьезные вопросы о том, как стороны в таких конфликтах толкуют и применяют соответствующие нормы МГП⁸⁷. Для обеспечения эффективной защиты гражданских лиц нормы о ведении военных действий предусматривают тщательно рассчитанное равновесие между военной необходимостью и гуманностью, как это закреплено, например, в принципе соразмерности, согласно которому случайный ущерб гражданским лицам не должен быть чрезмерным по отношению к военному преимуществу, получаемому в результате нападения; в принципе принятия мер предосторожности, который требует, чтобы стороны учитывали все гуманитарные и военные факторы и обстоятельства, принимая все практически возможные меры предосторожности, чтобы избежать ущерба гражданским лицам и объектам или хотя бы минимизировать его; в обязательстве «стараться» заключать местные соглашения об эвакуации некоторых категорий гражданских лиц с осажденных территорий. Нормы о ведении военных действий не требуют «нулевых потерь среди гражданского населения». Однако объект и цель базовых принципов, лежащих в основе всех этих норм, заключаются в том, чтобы обеспечивать уважение статуса гражданского населения и гражданских объектов в качестве таковых, а также эффективную защиту такого населения и объектов от опасностей, связанных с военными операциями.

Однако консенсус, позволяющий сохранять этот баланс, может быть перевернут с ног на голову из-за того, как военные действия ведутся на практике, и из-за специфического толкования права, цель которого — оправдать такое поведение, что приводит к явно абсурдным результатам, учитывая объект и цель этих норм. Все более вольное толкование сторонами в конфликтах принципов и норм МГП — опасный прецедент, который приведет к трагическим последствиям для всех⁸⁸. Это особенно касается продолжающегося применения оружия взрывного действия большой мощности в населенных пунктах и нападений на объекты инфраструктуры жизнеобеспечения, необходимые для предоставления основных услуг гражданскому населению.

А. ОРУЖИЕ ВЗРЫВНОГО ДЕЙСТВИЯ БОЛЬШОЙ МОЩНОСТИ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ: НЕОБХОДИМО НЕМЕДЛЕННО ИЗМЕНИТЬ ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ

Применение оружия взрывного действия с большим радиусом поражения (называемого также оружием взрывного действия большой мощности) в ходе боев в городской среде продолжает приводить к чудовищным разрушениям⁸⁹.

---

86 См.: Объединение усилий для противодействия затяжным кризисам: оказание гуманитарной помощи и поддержки в целях развития поставщикам услуг водоснабжения и канализации в странах Ближнего Востока и Северной Африки / Всемирный банк, МККК, ЮНИСЕФ. – МККК, 2021. – URL: <https://shop.icrc.org/joining-forces-to-combat-protracted-crises-humanitarian-and-development-support-for-water-and-sanitation-providers-in-the-middle-east-and-north-africa-pdf-ru.html>. Towards More Effective Humanitarian Operations in Urban Areas of Protracted Armed Conflicts: Lessons Learned from Applying Operational Resilience and Institutional Learning in Gaza / ICRC, Geneva, 2022. – URL: <https://shop.icrc.org/towards-more-effective-humanitarian-operations-in-urban-areas-of-protracted-armed-conflicts-pdf-en.html>.

87 См.: Доклад МККК, 2019, с. 16–28.

88 М. Сполярнич, Заявление на первой Международной конференции по обзору реализации Политической декларации об оружии взрывного действия в населенных пунктах, 23 апреля 2024 г., Осло (Норвегия): <https://www.icrc.org/ru/document/prezident-mkkg-my-vidim-neudachu-globalnyh-i-kollektivnyh-usilij-po-zashchite-grazhdanskogo>.

89 Как разъясняется в публикации МККК, оружие взрывного действия может иметь большой радиус поражения из-за большой разрушительной силы отдельных используемых боеприпасов, неточности системы доставки и /или при массированном нанесении ударов по большой территории. К такому оружию относятся

В ноябре 2022 г. государства признали, что существует связь между этими видами оружия и все возрастающей опасностью нанесения ущерба гражданским лицам и объектам, приняв Политическую декларацию о защите гражданских лиц от последствий применения оружия взрывного действия в населенной местности⁹⁰. К августу 2024 г. ее подписали 87 государств.

Политическая декларация решительно подтверждает актуальность основных обязательств по МГП и их применимость к использованию оружия взрывного действия в населенных районах. Помимо этого важного подтверждения Политическая декларация признает, что необходимо сделать гораздо больше, чтобы добиться полной и всеобщей имплементации МГП и его соблюдения.

МГП явным образом не запрещает применять оружие взрывного действия большой мощности в населенных пунктах, но высокий риск того, что воздействие такого оружия выйдет далеко за пределы намеченного для нападения военного объекта, сильно затрудняет его применение в соответствии с важными нормами МГП, такими как запрет на неизбирательные и соразмерные нападения и обязанность принимать все практически возможные меры предосторожности, чтобы избежать нанесения случайного ущерба гражданским лицам или по крайней мере минимизировать его⁹¹. Из-за такой опасности и разрушений, которые приносит такое оружие, Движение вот уже более 10 лет призывает государства и стороны в вооруженных конфликтах избегать применения оружия взрывного действия большой мощности в городах и других населенных районах. Оружие взрывного действия большой мощности не должно применяться в населенных пунктах, если нет возможности принять достаточные меры, чтобы ограничить радиус поражения и связанный с этим ущерб гражданскому населению.

Очень важно, что Политическая декларация предусматривает основное обязательство «обеспечивать утверждение и реализацию... вооруженными силами ряда политик и практик, направленных на предотвращение вреда гражданскому населению и включающих в соответствующих случаях ограничение применения оружия взрывного действия или воздержание от его применения в населенной местности при наличии оснований полагать, что применение такого оружия причинит вред гражданским лицам и объектам»⁹². Доклад МККК «Оружие взрывного действия с большим радиусом поражения и его применение в населенных пунктах: смертоносный выбор»⁹³ дает всестороннюю оценку применения такого оружия с разных точек зрения: гуманитарной, технической, правовой, политической и практической. Он содержит подробные рекомендации властям, вооруженным силам государств и негосударственным вооруженным группам относительно мер, которые они могут и должны принять, чтобы контролировать применение оружия взрывного действия большой мощности в населенных пунктах и обеспечить более эффективную защиту гражданским лицам и гражданским объектам. Надеемся, что государства сочтут эти рекомендации полезными, в том числе при реализации обязательств, принятых согласно Политической декларации⁹⁴.

бомбы и ракеты большой мощности, системы оружия для стрельбы непрямой наводкой, такие как большинство минометов, реактивные снаряды и огневые средства артиллерии, реактивные системы залпового огня и некоторые виды самодельных взрывных устройств, см.: Оружие взрывного действия с большим радиусом поражения и его применение в населенных пунктах: смертоносный выбор / МККК. – МККК, 2023. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/oruzhie-vzryvnogo-deystviya-s-bolshim-radiusom-porazheniya-i-ego-primeneniye-v-naselennyh>.

90 Политическая декларация об усилении защиты гражданских лиц от гуманитарных последствий применения оружия взрывного действия в населенной местности, 2022 г.: https://cms.ewipa.org/uploads/political_declaration_on_ewipa_ru_63b0e91818.pdf (далее – Политическая декларация).

91 Подробнее см.: International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflict / ICRC. – ICRC, Geneva, 2011. Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов / МККК. – МККК, 2015. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-i-vyzovy-sovremennyh-vooruzhennykh-konfliktov> (далее — Доклад МККК, 2015). Доклад МККК, 2019.

92 Политическая декларация, часть В «Основная часть», ст. 3, п. 3.3.

93 Оружие взрывного действия с большим радиусом поражения и его применение в населенных пунктах (примечание 89 выше).

94 Оружие взрывного действия с большим радиусом поражения и его применение в населенных пунктах: смертоносный выбор (глава 5) / МККК. – МККК, 2023. – URL: <https://shop.icrc.org/explosive-weapons-with-wide-area-effect-a-deadly-choice-in-populated-areas-extract-chapter-5-pdf-ru.html>. В 2021 и 2023 гг. МККК опубликовал также наставления для командиров государственных вооруженных сил и негосударствен-

В Политической декларации государства также взяли на себя обязательство принимать во внимание «прямое и косвенное воздействие на гражданские лица и объекты, которое возможно разумно предвидеть при планировании военных операций и проведении ударов в населенной местности; обеспечивать проведение... оценки повреждений в той степени, в какой это практически осуществимо, а также проведение анализа и обобщения полученного опыта»⁹⁵. Чтобы помочь государствам выполнить это обязательство, МККК организовал в 2023 г. совещание экспертов для обсуждения действий, которые необходимо предпринять, чтобы предотвратить и уменьшить косвенное воздействие применения оружия взрывного действия в населенных районах на предоставление основных услуг и разработал подробные рекомендации⁹⁶. С точки зрения МККК, Политическая декларация однозначно показывает, что воюющие стороны должны изменить свой подход к планированию и ведению военных действий в населенных районах, чтобы защитить от ущерба гражданских лиц и гражданские объекты. Крайне важно, чтобы такие изменения произошли в образе мышления и взглядах.

МККК приветствует подписание многими правительствами Политической декларации и настоятельно призывает остальных незамедлительно последовать их примеру. При должном исполнении Политическая декларация может многое изменить для гражданского населения. Международное сообщество — особенно политические и военные власти — должны сейчас действовать вместе для расширения поддержки Политической декларации с целью ее эффективного претворения в жизнь. Пора воплотить эти многообещающие обязательства в реальные и конструктивные меры, политику и практику, которые помогут облегчить страдания людей во время вооруженных конфликтов и после их завершения.

В. ЗАЩИТА ИНФРАСТРУКТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ, ПОЗВОЛЯЮЩЕЙ ПРЕДОСТАВЛЯТЬ ОСНОВНЫЕ УСЛУГИ ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ

Одна из самых серьезных опасностей для жизни и источников дохода во время конфликтов в городской среде — перебои в работе жизненно важной инфраструктуры, обеспечивающей электроснабжение, здравоохранение, водоснабжение и водоотведение и вывоз мусора, транспортировку людей и товаров, а также перебои в работе системы торговли, которая обеспечивает население продовольствием и предметами домашнего обихода, телекоммуникационных, образовательных и финансовых систем — коротко говоря, всех взаимосвязанных систем, которые нужны людям для безопасной жизни в населенных пунктах⁹⁷. Обычно причиной нарушения работы таких систем является повреждение инфраструктуры жизнеобеспечения, от которой эти службы зависят. Как описано выше, часто это происходит из-за применения оружия взрывного действия большой мощности, которое наносит значительный сопутствующий ущерб гражданской инфраструктуре.

Однако иногда объекты гражданской инфраструктуры подвергаются прямому преднамеренному нападению. Жизненно важная инфраструктура также может получить сопутствующий ущерб, осо-

---

ных вооруженных групп, содержащие руководящие принципы и рекомендации для снижения ущерба, причиняемого гражданским лицам и гражданским объектам во время войны в городских условиях. См.: Сокращение ущерба гражданскому населению и гражданским объектам в ходе военных действий в городских условиях. Руководство для командиров / МККК. — МККК, 2022. — URL: shop.icrc.org/reducing-civilian-harm-in-urban-warfare-a-commander-s-handbook-pdf-cn-1.html. Reducing Civilian Harm in Urban Warfare: A Handbook for Armed Groups / ICRC. — ICRC, Geneva, 2023. — URL: <https://shop.icrc.org/reducing-civilian-harm-in-urban-warfare-a-handbook-for-armed-groups-pdf-en.html> (далее — Reducing Civilian Harm in Urban Warfare: A Handbook for Armed Groups, ICRC, 2023). См. также: Детство среди развалин: гуманитарные последствия городских военных действий для детей / МККК. — МККК, 2024. — URL: <https://shop.icrc.org/childhood-in-rubble-the-humanitarian-consequences-of-urban-warfare-for-children-pdf-en-4.html>. Десятилетие утрат и лишений: молодежь Сирии после 10 лет конфликта / МККК. — МККК, 2021. — URL: <https://shop.icrc.org/une-decennie-perdue-enquete-aupres-de-la-jeunesse-syrienne-pdf-ru.html>.

⁹⁵ Политическая декларация, часть В «Основная часть», ст. 3, п. 3.4.

⁹⁶ Preventing and mitigating the indirect effects on essential services from the use of explosive weapons in populated areas: ICRC recommendations / ICRC. — ICRC, Geneva, 2024. — URL: <https://shop.icrc.org/preventing-and-mitigating-the-indirect-effects-on-essential-services-from-the-use-of-explosive-weapons-in-populated-areas-icrc-recommendations-pdf-en.html> (далее — Preventing and mitigating the indirect effects on essential services, ICRC, 2024).

⁹⁷ Preventing and mitigating the indirect effects on essential services, ICRC, 2024.

бенно если оружие взрывного действия большой мощности направлено против целей, находящихся вблизи от объектов такой инфраструктуры. Уже несколько лет это вызывает обеспокоенность международного сообщества⁹⁸.

i. Ограничения, налагаемые определением термина «военный объект»

Прежде всего города являются гражданской территорией: там находится множество гражданских лиц и объектов. Большая часть того, что считается государствами «инфраструктурой жизнеобеспечения», состоит из гражданских объектов согласно МГП. В качестве таковых они находятся под защитой от прямых нападений, репрессалий и чрезмерного случайного ущерба или ущерба, которого можно избежать. В случае сомнения предполагается, что они обладают статусом гражданского объекта⁹⁹. Нападения на такие объекты с целью терроризирования гражданского населения также запрещены.

Одна из проблем заключается в том, что инфраструктура, необходимая для предоставления услуг жизнеобеспечения, используется иногда одновременно как гражданскими лицами, так и вооруженными силами сторон в конфликте. Это могут быть некоторые объекты энергетической инфраструктуры, космические системы и системы коммуникации, а также объекты транспортной системы (например дороги, мосты, аэропорты, аэродромы и порты).

Это значит, что при определенных обстоятельствах такая инфраструктура может подвергаться нападениям. Однако тот факт, что гражданская инфраструктура или ее часть используется вооруженными силами стороны в конфликте, не является сам по себе достаточным основанием для того, чтобы квалифицировать ее как военный объект согласно МГП. Она должна соответствовать определению «военного объекта»¹⁰⁰. Конкретно это означает, что: (1) по своему характеру, расположению и назначению (предполагаемому использованию в будущем) или использованию инфраструктура или ее части должны вносить эффективный вклад в военные действия; (2) ее полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация при существующих в конкретный момент обстоятельствах должны дать явное военное преимущество. Оба условия, содержащихся в этом определении, должны выполняться.

При оценке того, стала ли гражданская инфраструктура — или, вероятнее всего, ее часть — военным объектом, первое условие, т. е. эффективный вклад, который объект вносит в военные действия неприятеля, требует тесной связи между использованием части инфраструктуры и самими боями. Обычно эта связь возникает на тактическом или оперативном уровне: например, когда станция снабжает электричеством военный штаб или системы командования, управления и связи. В некоторых обстоятельствах будет проследиваться связь с деятельностью на стратегическом уровне — например, когда конкретная часть энергетической инфраструктуры содействует выполнению задач противовоздушной обороны или задействована в производстве боевой техники.

Что касается второго условия, то для вооруженных сил, планирующих нападение на такую часть инфраструктуры, должно быть конкретное и осязаемое преимущество в существующих в конкретный момент обстоятельствах, а не предполагаемое преимущество в будущем. Другими словами, слишком широкая или преждевременная классификация в качестве военного объекта всей транспортной системы, электросети или коммуникационной сети, находящейся под контролем неприятеля, противоречит нормам МГП. Это будет противоречить правовому требованию принять все практически возможные меры предосторожности, чтобы удостовериться в характере предполагаемого объекта нападения; нападения на основании такой широкой классификации, по всей вероятности, будут нарушать принцип проведения различия.

На гражданскую инфраструктуру постоянно совершают нападения, и не с целью снизить способность неприятеля вести военные действия, а по политическим или экономическим причинам. Принуждение неприятеля сесть за стол переговоров, желание повлиять на волю населения, запу-

98 См., например, резолюцию СБ ООН 2573, 27 апреля 2021 г.

99 ДП I, ст. 48, ст. 52; Обычное МГП, нормы 8 и 147.

100 ДП I, ст. 52. Обычное МГП, норма 8.

гивание политических лидеров и ухудшение экономических возможностей неприятеля — все это не должно приниматься во внимание при оценке того, является ли объект военным в соответствии с МГП, даже если речь идет об объектах, которые способствуют сохранению способности неприятеля продолжать войну. МГП запрещает нападения на основании таких соображений, если только цель изначально не была военным объектом.

Невозможно переоценить значение определения военного объекта и ограничений, которые оно налагает, для защиты жизненно важной инфраструктуры и, в более общем плане, для защиты населения. Толкования этого понятия, выходящие за пределы его обычного значения и противоречащие его цели по защите гражданских лиц от опасностей, возникающих в результате военных действий, подрывают всю защитную систему, созданную нормами, регулирующими ведение военных действий.

ii. Может ли гражданская инфраструктура подвергаться нападениям только потому, что она квалифицируется как военный объект?

Ограничения, налагаемые другими нормами ведения военных действий

Когда критическая инфраструктура или ее часть используется таким образом, что начинает подпадать под определение «военного объекта» согласно МГП, она становится военным объектом. Однако это не дает разрешения на нападение без каких-либо ограничений.

На самом деле все нормы МГП, предоставляющие защиту гражданскому населению в ходе военных действий, продолжают применяться. Важно, что применяется и запрет на неизбирательные и несоразмерные нападения, а также нормы, касающиеся принятия мер предосторожности при нападении и для защиты населения от последствий нападения.

На самом деле все нормы МГП, предоставляющие защиту гражданскому населению в ходе военных действий, продолжают применяться. Важно, что применяется и запрет на неизбирательные и несоразмерные нападения, а также нормы, касающиеся принятия мер предосторожности при нападении и для защиты населения от последствий нападения.

В связи с принципами соразмерности и принятия мер предосторожности при планировании и принятии решения о нападении на объект жизненно важной инфраструктуры, который стал военным объектом, необходимо учесть важный вопрос, касающийся типа случайного ущерба. Как разъясняется в Докладе МККК 2019 г., случайный ущерб гражданскому населению и объектам не ограничивается непосредственным ущербом и уничтожением гражданских объектов или ранениями и гибелью гражданских лиц. Случайный ущерб включает весь разумно предвидимый долгосрочный или «сопутствующий» ущерб гражданскому населению в результате уничтожения или повреждения (включая утрату функциональности) объектов, на которые совершено нападение. Многие случаи такого косвенного и долгосрочного воздействия хорошо задокументированы и абсолютно предсказуемы¹⁰¹.

Кроме того, МГП предоставляет особую усиленную защиту определенным объектам жизненно важной инфраструктуры, а именно больницам и другим медицинским учреждениям и медицинским транспортным средствам¹⁰²; объектам, необходимым для выживания гражданского населения (см.

101 Подробнее о том, что составляет соответствующий случайный ущерб гражданскому населению с точки зрения как соразмерности, так и принятия мер предосторожности при нападении и когда побочное воздействие может на разумных основаниях быть предсказуемым, см.: Доклад МККК, 2019, глава 2; Оружие взрывного действия с большим радиусом поражения и его применение в населенных пунктах: смертоносный выбор, глава 5 (примечание 94 выше), с. 110–118.

102 Медицинские формирования и учреждения (ЖК I, ст. 19; ЖК II, ст. 22; ЖК IV, ст. 18; ДП I, ст. 12; ДП II, ст. 11; Обычное МГП, норма 28); санитарные транспортные средства (ЖК I, ст. 35; ЖК II, ст. 38, 39; ДП I, ст. 21–31; ДП II, ст. 11; Обычное МГП, нормы 29 и 119); См. подробнее: Защита больниц во время вооруженных конфликтов: что говорит право / МККК. – МККК, 2023. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/zashchita-bolnic-vo-vremya-vooruzhennyh-konfliktov-chto-govorit-pravo>. Обеспечение работы и охраны систем здравоохранения во время вооруженных конфликтов или в ситуациях, на которые не распространяется действие МГП / МККК. – МККК, 2021 – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/obespechenie-raboty-i-ohrany-sistem>

главу IV, раздел 3(B))¹⁰³; установкам и сооружениям, содержащим опасные силы (плотинам, дамбам и атомным электростанциям)¹⁰⁴; культурным ценностям¹⁰⁵ и природной окружающей среде (см. главу IV, раздел 4(D))¹⁰⁶. Все защитные режимы различаются, но зачастую некоторые из них влекут за собой дополнительные запреты на нападения на такие объекты (даже в ситуациях, когда они соответствуют определению военного объекта), требование более строгих мер предосторожности перед нападением и (или) конкретной защиты от других действий помимо нападения.

При планировании и принятии решения о нападении на жизненно важную инфраструктуру или ее часть, которая одновременно используется вооруженными силами и гражданским населением, решения относительно выбора целей, соразмерности и мер предосторожности во время нападения должны основываться на разумной, многоплановой оценке разведывательных данных, которая в том числе всесторонне отражает не только ожидаемое воздействие на возможности неприятеля вести военные действия, но и предполагаемые последствия для предоставления основных услуг гражданскому населению. Иногда получить необходимые для такой оценки данные сложно, но это не отменяет правового требования о принятии всех возможных мер, чтобы получить такие данные до нападения.

2. ЗАЩИТА МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Больницы и другие медицинские учреждения спасают жизни раненых и больных как своей стороны, так и неприятеля. Они должны быть безопасным убежищем, огражденным от боевых действий. Поэтому самый первый договор по МГП включал нормы, согласно которым медицинские учреждения пользуются особой защитой. Эти нормы были подробно кодифицированы в Женевских конвенциях 1949 г. и в последующих договорах по МГП и являются частью обычного МГП¹⁰⁷. Медицинские учреждения должны пользоваться уважением и защитой во всякое время. Таким образом, они находятся под особой защитой от нападений и других военных действий, которые препятствуют их работе, — например операций по розыску и задержанию или от незаконного использования медицинского учреждения для военных целей. Особая защита также означает, что в случае утраты медицинским учреждением права на защиту перед любым нападением или любой другой военной операцией должна быть принята конкретная мера предосторожности — то есть сделано предупреждение.

Согласно МГП особая защита медицинских учреждений является общим правилом, а утрата такой защиты — исключением. Эта защита может быть утрачена только при определенных условиях, причем они должны выполняться все сразу. Во-первых, если медицинское учреждение используется, помимо его гуманитарных функций, для совершения действий, наносящих ущерб неприятелю; во-вторых, если предупреждение с установлением разумного срока для прекращения таких действий не было принято во внимание. Предупреждение позволяет сторонам принять меры по исправлению ситуации и является, таким образом, дополнительной мерой предосторожности, сни-

---

[zdravoohraneniya-vo-vremya-vooruzhennyh-konfliktov-ili](#). Защита системы здравоохранения: руководство для вооруженных сил / МККК. — МККК, 2020. — URL: <https://shop.icrc.org/economic-security-indicators-cookbook-pdf-en-3.html>; (далее — Защита системы здравоохранения, МККК, 2020).

103 ДП I, ст. 54; ДП II, ст. 14; Обычное МГП, норма 54; подробнее см.: Starvation, Hunger and Famine in Armed Conflict: An Overview of Relevant Provisions of International Humanitarian Law / ICRC. — ICRC, Geneva, 2022. — URL: <https://shop.icrc.org/starvation-hunger-and-famine-in-armed-conflict-pdf-en.html> (далее — Starvation, Hunger and Famine in Armed Conflict, ICRC, 2022).

104 ДП I, ст. 56; ДП II, ст. 15; Обычное МГП, норма 42.

105 См.: Конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и Протоколы к ней / Консультативная служба по МГП. — МККК, 2021. — URL: <https://www.icrc.org/ru/document/konvenciya-1954-goda-o-zashchite-kulturnyh-cennostey-v-sluchae-vooruzhennogo-konflikta-i>.

106 ДП I, ст. 35(3) и 55(1). Обычное МГП, нормы 44 и 45. Подробнее см.: Руководство по защите природной среды во время вооруженных конфликтов. Нормы и рекомендации, касающиеся защиты природной среды в соответствии с международным гуманитарным правом / МККК. — МККК, 2023. — URL: <https://shop.icrc.org/guidelines-on-the-protection-of-the-natural-environment-in-armed-conflict-pdf-pr-1.html> (далее — Руководство МККК по защите природной среды).

107 См. в частности: ЖК I, ст. 19, 21 и 22; ЖК IV, ст. 18 и 19; ДП I, ст. 12 и 13; ДП II, ст. 11; Обычное МГП, норма 28.

жающей риск нападения на медицинское учреждение или других действий военного характера в его отношении. Кроме того, даже в случае нападения или другой военной операции после того как предупреждение было проигнорировано раненые и больные, а также медицинские работники, которые не участвуют в совершении действия, причиняющего вред неприятелю, остаются под особой защитой — как и медицинское оборудование в больнице, которое не используется для причинения вреда неприятелю.

Несмотря на особую защиту, больницы слишком часто подвергаются нападениям и вторжениям вооруженных лиц, угрожающих медицинскому персоналу, и неправомерно используются в военных целях. Такие происшествия не только становятся причиной смерти и ранений (иногда повторных) пациентов и медработников, мешают лечению раненых и больных, находящихся в медучреждении, но и приводят к косвенному и накопительному ущербу: больницы больше не могут обслуживать население, медицинского персонала не хватает, а слабая система здравоохранения становится еще слабее.

А. ДЕЙСТВИЯ, НАНОСЯЩИЕ УЩЕРБ НЕПРИЯТЕЛЮ, И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

МККК уже ранее рассматривал понятие действий, наносящих ущерб неприятелю, и правовые последствия таких действий¹⁰⁸. Когда медицинские учреждения прямо или косвенно вовлекаются в военные операции и тем самым причиняют ущерб неприятелю, утрачивается основание их особой защиты в соответствии с МГП. Такие действия подвергают опасности раненых и больных в этом учреждении или приводят к утрате доверия. МГП не содержит общего запрета на использование медицинских учреждений в военных целях, но в зависимости от обстоятельств такие действия могут считаться конкретными нарушениями МГП, включая нарушение обязательства уважать и защищать медицинские учреждения; обязательства принять пассивные меры предосторожности; запрета на использование людей в качестве живого щита или использование медицинских учреждений в попытке оградить военные объекты от нападений; запрета на ненадлежащее использование эмблем, если медицинские учреждения обозначают себя красным крестом, красным полумесяцем или красным кристаллом; запрета на вероломство.

МГП не дает определения «действий, наносящих ущерб противнику» или последствий таких действий. Оно выделяет несколько действий, которые явным образом признает как не наносящие ущерба неприятелю, например ношение или применение личного легкого стрелкового оружия в целях самообороны или для защиты раненых и больных; использование вооруженного персонала для охраны медицинского учреждения; присутствие в медицинском учреждении больных или раненых комбатантов, вышедших из строя¹⁰⁹. К действиям, которые признаны государствами как наносящие ущерб неприятелю, относятся использование больницы в качестве базы, с которой совершается нападение; наблюдательного пункта; склада оружия; пункта боевого управления; укрытия для здоровых комбатантов.

Ключевым вопросом для решения о дальнейших действиях в случае утраты защиты медицинским учреждением является вопрос о том, превращают ли действия, наносящие ущерб неприятелю, медицинское учреждение в военный объект. Ранее МККК высказывал мнение, что утрата особой защиты медицинским учреждением в случае действий, наносящих ущерб неприятелю, не обязательно разрешает нападение на это учреждение; может ли медицинское учреждение стать объектом нападения, зависит от соответствия обоим условиям классификации в качестве военного объекта в совокупности¹¹⁰. Если эти условия не удовлетворены, сторонам придется принять меры, не являющиеся нападением на само учреждение, например захватить его.

В условиях боевых действий заявления нападающих о том, что противоправные действия были совершены, делаются легко, но опровергаются с трудом, поскольку редко подкрепляются информацией о том, как было установлено, что имеет место действие, наносящее ущерб неприятелю, и

108 См., например: Доклад МККК, 2015, с. 99–104; Комментарий к ЖК I, ст. 21, пп. 1837–1859.

109 ЖК I, ст. 22; ДП I, ст. 13.

110 См.: Доклад МККК, 2015, с. 55; Комментарий к ЖК I, п. 1847. О проблемах при толковании понятия военного объекта см. главу IV, раздел 1(B)(i), настоящего доклада.

был ли добросовестно определен статус учреждения в качестве военного объекта. Все это говорит о том, как важно не использовать медицинские учреждения в военных целях, чтобы они не утратили защиту.

В. ТРЕБОВАНИЕ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ

Перед нападением или другими военными операциями, направленными против медицинских учреждений, которые используются для совершения действий, наносящих ущерб неприятелю, должно быть сделано предупреждение. Такое предупреждение отличается от предупреждения, о котором говорится в принципе о принятии мер предосторожности для защиты гражданского населения и гражданских объектов от нападений: к предупреждению, которое должно быть сделано до начала любой военной операции, направленной против больниц, не относится общая оговорка «если позволяют обстоятельства». Во всех необходимых случаях, прежде чем будут предприняты какие-либо действия, предупреждение должно сопровождаться предоставлением разумного срока для исправления ситуации и должно быть оставлено без внимания.

Требование особого предупреждения в отношении медицинских учреждений дает защиту, особенно от нападений, решение о которых основывается на недостаточно надежной информации. Цель этого предупреждения — не только дать возможность тем, кто совершает действия, наносящие ущерб неприятелю, прекратить такие действия или, если они решают не делать этого, дать в конечном итоге возможность безопасно эвакуировать раненых и больных. Цель также состоит в том, чтобы дать руководству медицинского учреждения возможность ответить на необоснованные утверждения о том, что совершаются наносящие ущерб неприятелю действия, и предоставить свидетельства обратного, если такие свидетельства есть¹¹¹. В некоторых случаях предупреждение может также дать возможность персоналу больницы обратиться к военным властям с просьбой переместить военный объект или прекратить использование медицинского учреждения в военных целях.

Таким образом, обязательство о предупреждении должно сделать нападения на медицинские учреждения еще более исключительными случаями. Если к предупреждению прислушиваются или выясняется, что утверждения нападающего ошибочны, нападение не может быть совершено.

Несмотря на строгость этого обязательства, сейчас неясно, делают ли стороны в вооруженных конфликтах такие предупреждения систематически. Также неясно, выполняется ли (и если да, то каким образом) требование конкретности предупреждения; нет и достаточной информации о том, как стороны в вооруженных конфликтах адаптируют формат этих предупреждений, чтобы обеспечить их доступность, или о параметрах, определяющих период времени, предоставляемый для прекращения действий, причиняющих ущерб неприятелю. Необходима большая ясность относительно практического выполнения этого требования и относительно того, что нужно сделать, чтобы такие предупреждения достигли поставленной перед ними цели.

С. ДРУГИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА НАПАДЕНИЯ НА МЕДИЦИНСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, УТРАТИВШИЕ ЗАЩИТУ

Даже когда самые крайние меры, т.е. нападение на медицинское учреждение, утратившее особую защиту, оправданны, существуют определенные ограничения. Во-первых, если больничный комплекс состоит из нескольких зданий, только конкретное здание или его отдельные части, откуда совершается действие, причиняющее ущерб неприятелю, может считаться военным объектом, на который можно нападать, при условии, что здание также соответствует двум условиям определения военного объекта согласно МГП. Во-вторых, воздействие любого такого нападения на раненых и больных и на медицинский персонал, непричастный к совершению действий, наносящих ущерб неприятелю, должно быть обязательно принято во внимание в соответствии с обязательствами предоставлять защиту раненым, больным и медицинскому персоналу и ува-

111 The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary, Vol. I: Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field / Jean S. Pictet (ed.). – ICRC, Geneva, 1952, p. 202. The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary, Vol. IV: Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War / Jean S. Pictet (ed.). – ICRC, Geneva, 1958, p. 155.

жать их, а также в соответствии с принципами соразмерности и принятия мер предосторожности согласно общим нормам МГП, касающимся ведения военных действий¹¹². Соблюдение этих норм остается крайне важным в таких ситуациях: даже если после предупреждения удастся безопасно эвакуировать некоторых раненых и больных до начала нападения, не всегда возможно вывезти всех, поскольку отдельные пациенты могут быть нетранспортабельными. Следует предполагать, что раненые и больные, а также медицинские работники останутся в больнице, которая утратила право на защиту.

Тяжелые последствия любого нападения на больницу можно предвидеть: например, ранения или гибель медицинского персонала, уничтожение жизненно важных отделений больницы, в частности реанимационных, или медицинского оборудования имеют губительные последствия для предоставления жизненно необходимых медицинских услуг раненым и больным. Косвенные и совокупные последствия таких нападений также хорошо известны: больницы могут быть не в состоянии продолжать работу и оказывать жизненно важную помощь населению; медицинский персонал может уехать, и помогать больным будет некому. Поэтому при применении принципа соразмерности необходимо тщательно сопоставить конкретное и непосредственное военное преимущество, которое ожидается получить от нападения на утратившее защиту медицинское учреждение, и тяжелый случайный ущерб (включая в том числе предсказуемые косвенные последствия), который можно предвидеть.

У нападающей стороны также остаются обязательства по принятию мер предосторожности при нападении. В частности, она должна сделать все практически возможное, чтобы избежать или по крайней мере минимизировать вред для пациентов, медицинского персонала и медицинского оборудования. После консультаций с вооруженными силами разных стран МККК рекомендовал принять ряд мер предосторожности для снижения непосредственного и косвенного воздействия нападения на оказание медицинских услуг. К этим мерам относятся подготовка плана действий в чрезвычайной ситуации, чтобы справиться с вероятными перебоями в медицинском обслуживании и восстановить предоставление медицинской помощи в полном объеме как можно скорее; меры по содействию эвакуации пациентов и медицинского персонала, чтобы лечение не прерывалось; прекращение нападения, если учреждение более не соответствует критериям для утраты защиты (например, комбатанты покинули медицинское учреждение), или принятие, а также содействие принятию, мер для быстрого возобновления услуг здравоохранения после нападения (например, предоставление военно-медицинской помощи гражданскому медицинскому учреждению)¹¹³.

Неясно, принимают ли сейчас стороны в вооруженных конфликтах во внимание катастрофические последствия нападений на больницы, и если принимают, то каким образом. Необходимо сделать гораздо больше, чтобы заполнить пробел между правом и провозглашаемыми (в том числе на самом высоком уровне участников Женевских конвенций 1949 г. и в силу принятия резолюции 2286 СБ ООН в 2016 г.) благами намерениями государств и мрачной реальностью: чрезвычайно высоким уровнем смертности среди раненых, больных и медицинского персонала, уничтожением медицинских учреждений и нарушением их работы. Государства и негосударственные стороны в вооруженных конфликтах должны делать больше, чтобы сохранить букву и дух норм по особой защите медицинских учреждений от нападений, вторжений вооруженных лиц и неправомерного использования таких учреждений в военных целях.

---

112 Это касается раненых, больных и медицинского персонала, как гражданского, так и военного. Подробнее о сфере действия особой защиты в отношении медицинского персонала, а также о понятиях «действия, наносящие ущерб противнику» и «непосредственное участие в военных действиях» и их сопоставлении см., например: Доклад МККК, 2015, с. 55–65.

113 См.: Защита системы здравоохранения, МККК, 2020, с. 51 и 60.

3. ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Острая нехватка продовольствия коснулась около 282 миллионов человек по всему миру в 2023 г. из-за совокупного воздействия конфликтов, экстремальных погодных условий, экономических потрясений и нарушения торговли. Конфликт и отсутствие безопасности были основными причинами голода для 135 миллионов человек и способствующим этому фактором для миллионов других¹¹⁴.

Слишком часто государства обращают внимание на проблему воздействия конфликтов на продовольственную безопасность уже после того, как развился острый продовольственный кризис, когда речь может идти только об одном — о доступе к гуманитарной помощи. Соблюдение с самого начала конфликта всех описываемых ниже норм МГП в первую очередь может способствовать предотвращению острых продовольственных кризисов¹¹⁵.

А. ЗАПРЕТ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОЛОДА СРЕДИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ МЕТОДА ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

МГП запрещает использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения войны. *Голод* означает лишение пищи, воды или других вещей, необходимых для выживания. Эта нехватка не обязательно должна приводить к смерти людей — достаточно того, что она причиняет страдания.

Использовать голод в качестве *метода ведения войны* — значит провоцировать его преднамеренно. Наглядный пример — лишение пищи и воды во время осады¹¹⁶. Еще один пример — уничтожение продуктов питания и запасов воды, а также средств их производства и распределения, чтобы лишить неприятеля пропитания. Чтобы сделать вывод, что сторона использует голод в качестве метода ведения войны, не нужно ждать, когда гражданские лица действительно начнут голодать.

Запрет касается голода среди *гражданского населения*. Он не касается голода в *вооруженных силах*. Однако это не значит, что запрет распространяется только на действия, предпринимаемые с *конкретной целью* заставить население голодать. Как минимум также запрещено *неизбирательное* использование голода в качестве метода ведения войны: если лишение пищи и воды или других вещей, необходимых для выживания, не может быть направлено и не направлено *исключительно* против вооруженных сил. Например, ведущая осаду сторона не может оправдать преднамеренные действия, приведшие к массовому голоду среди гражданского населения, тем, что ее конкретная цель заключалась лишь в том, чтобы вызвать голод среди комбатантов неприятеля, которые также находились в той местности. Более того, как осаждающая сторона, так и осажденная должны позволять гражданским лицам покинуть осажденную территорию и должны продолжать соблюдать нормы МГП, касающиеся гуманитарной помощи и ведения военных действий, в том числе в отношении любых гражданских лиц, которые там остались¹¹⁷.

Ничто в обычном значении формулировок этого запрета не указывает на то, что он допускает *неизбирательное* использование голода в качестве метода ведения войны¹¹⁸. Более того, такое толкование не соответствует намерениям, нашедшим отражение в норме об «объектах, необходимых для выживания» в статье 54(2) и (3) Дополнительного протокола I, которая обсуждается далее. Во-первых, в статье 54(2) четко говорится: «специально с целью не допустить их использования гражданским населением или *противной стороной*» (курсив наш). Во-вторых, исключение в статье 54(3)(b) для объекта, который используется для прямой поддержки военных действий, обусловлено выполнением положения, имеющего более высокую юридическую силу, согласно которому «против этих объектов ни в коем случае не предпринимаются действия, в результате которых можно ожидать,

114 2024 Global Report on Food Crises / Food Security Information Network and Global Network against Food Crises (GNAFC/FSIN). – GNAFC/FSIN, Rome, 2024, pp. 11–13. – URL: www.fsinfo.org/grfc2024.

115 См. также резолюции СБ ООН 2417 (2018) и 2573 (2021).

116 Подробнее о защите гражданского населения во время осады см.: Доклад МККК, 2019, с. 24–28.

117 См.: Доклад МККК, 2019, с. 24–28; Обычное МГП, комментарий к норме 53, с. 243. Стороны имеют обязательства не только в отношении гражданских лиц, но и в отношении раненых, больных и других вышедших из строя лиц.

118 См.: ДП I, ст. 54(1); ДП II, ст. 14; Обычное МГП, норма 53.

что гражданское население останется без достаточного количества продовольствия или воды, что вызовет среди него голод или принудит его к выезду».

Использование голода в качестве метода ведения войны не подразумевает любой голод, вызываемый войной. Например, голод, вызванный общим нарушением работы транспортных систем, что стало случайным результатом вооруженного конфликта, не обязательно будет подпадать под запрет, если только сторона в конфликте не пыталась таким образом голод спровоцировать. Однако действия, которые становятся причиной голода, но не могут быть охарактеризованы как использование голода в качестве «метода ведения войны», могут быть запрещены другими нормами МГП.

В. ОБЪЕКТЫ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

МГП предоставляет особую защиту «объектам, необходимым для выживания гражданского населения, таким как запасы продуктов питания, производящие продовольствие сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения»¹¹⁹. Виды объектов, на которые распространяется действие этой нормы, не ограничены этими примерами. Например, в зависимости от обстоятельств сюда можно включить жилье, одежду и топливо, а также некоторые виды энергетический или коммуникационной инфраструктуры, от которых зависят объекты, необходимые для выживания гражданского населения¹²⁰.

Запрещается нападать на такие объекты, разрушать их, вывозить или делать непригодными для использования. Предполагалось, что эта формулировка относится ко всем возможным средствам, включая использование химикатов для загрязнения резервуаров с водой или уничтожения урожая с помощью дефолиантов¹²¹. Запрет касается и киберопераций. Тот факт, что можно устранить причиненный ущерб или отремонтировать выведенный из строя объект, не исключает этот ущерб из сферы действия запрета.

Исключения из запрета возможны, если объекты используются для жизнеобеспечения исключительно лиц из состава вооруженных сил или для непосредственной поддержки военных действий (например, для обеспечения укрытия)¹²². Однако даже в таких обстоятельствах «ни в коем случае не предпринимаются действия, в результате которых можно ожидать, что гражданское население останется без достаточного количества продовольствия или воды, что вызовет среди него голод или принудит его к выезду»¹²³.

Некоторые государства настаивают, что этот запрет применяется только к действиям, осуществляемым с определенными целями. Однако даже при таком узком прочтении статья 54(2) Дополнительного протокола I, как было отмечено выше, четко запрещает действия с целью не допустить использования средств жизнеобеспечения «противной стороной», а не только гражданским населением¹²⁴. В любом случае в работе МККК «Обычное международное гуманитарное право» формулировка соответствующей нормы не включает требование наличия цели: в ней говорится, что в связи с международными вооруженными конфликтами большинство военных руководств «не содержат такого требования и запрещают нападения на объекты, необходимые для выживания

119 См.: ДП I, ст. 54(2); ДП II, ст. 14; Обычное МГП, норма 54.

120 См., например: Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / Michael N. Schmitt (ed.). – Cambridge University Press, Cambridge, 2017. – Rule 141, paras 5–6.

121 Commentary on the Additional Protocols, ICRC, 1987, para. 2101; Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) / Сост. С.–С. Жюно. Под ред. И. Сандо, К. Свинарски, Б. Циммермана. – МККК, 1998 (далее – Комментарий к ДП II), п. 4801.

122 См.: ДП I, ст. 54(3); Обычное МГП, пояснение к норме 54.

123 См.: ДП I, ст. 54(3)(b); Обычное МГП, норма 54 и пояснение к ней.

124 ДП I, в ст. 54(2) говорится: «специально с целью не допустить их использования гражданским населением или противной стороной как средств поддержания существования, независимо от мотива, будь то с целью вызвать голод среди гражданских лиц, принудить их к выезду или по какой-либо иной причине». ДП II, ст. 14 включает выражение «в этих целях» при упоминании «голода среди гражданского населения» в предыдущем предложении.

гражданского населения, как таковые»¹²⁵. По мнению МККК, для того чтобы обеспечить соблюдение нормы в полном объеме и реализовать ее защитную функцию, крайне важно, чтобы против «объектов, необходимых для выживания», как минимум не предпринимались какие-либо действия, «в результате которых можно ожидать, что гражданское население останется без достаточного количества продовольствия или воды, что вызовет среди него голод или принудит его к выезду»¹²⁶.

С. ДРУГИЕ НОРМЫ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К РАССМАТРИВАЕМОМУ ВОПРОСУ

Другие обязательства по МГП также имеют отношение к продовольственной безопасности¹²⁷. Например, стороны должны обеспечить поставки, в том числе продовольствия и воды, необходимые для выживания гражданского населения, находящегося под их контролем¹²⁸. Также стороны и другие государства обязаны разрешать и облегчать предоставление гуманитарной помощи при условии осуществления их права контроля¹²⁹.

Кроме того, нормы МГП, касающиеся проведения различия, соразмерности и принятия мер предосторожности при нападении, обеспечивают общую защиту гражданским объектам, включая гражданскую транспортную инфраструктуру, места торговли и другие гражданские объекты, и косвенным образом способствуют продовольственному снабжению гражданского населения, даже если эти гражданские объекты не являются необходимыми для выживания гражданского населения.

МГП также запрещает или регулирует применение определенных видов оружия, таких как противопехотные мины и кассетные боеприпасы, оказывающего широкомасштабное и долговременное негативное воздействие на продовольственное снабжение. Кроме того, МГП предусматривает защиту природной среды. Содержащие опасные силы сооружения и установки, такие как плотины, дамбы и атомные электростанции, также получают особую защиту. Имеют значение и нормы, касающиеся морской блокады, грабежа и других действий в отношении государственной и частной собственности.

Интенсивные и непрерывные военные действия могут надолго сделать практически невозможными поставки необходимой гуманитарной помощи. Стороны должны обеспечить, чтобы их методы ведения военных действий соответствовали их обязательствам по обеспечению продовольствием, водой и предметами первой необходимости населения, находящегося под их контролем, должны разрешить доставку гуманитарной помощи и всячески этому способствовать. В случае оккупации, например, оккупирующая держава должна в максимально возможной степени обеспечить продовольственное и лекарственное снабжение населения, в том числе доставляя необходимые продукты, предметы медицинского назначения и другие предметы, если ресурсов оккупированной территории недостаточно¹³⁰. Если вся оккупированная территория или ее часть недостаточно снабжается, оккупирующая держава должна согласиться на программы и мероприятия по оказанию помощи и «должна способствовать осуществлению этих мероприятий всеми имеющимися в ее распоряжении способами»¹³¹, что в некоторых обстоятельствах может означать корректировку ее военных операций. Аналогичное обяза-

125 Обычное МГП, пояснение к норме 54. В комментарии нет требования наличия цели при применении нормы во время немеждународных вооруженных конфликтов.

126 См.: ДП I, ст. 54(3)(b). См. также: Обычное МГП, пояснение к норме 54.

127 Подробнее см.: Starvation, Hunger and Famine in Armed Conflict, ICRC, 2022.

128 См., например: ЖК IV, ст. 39(2), 55(1) и 89; ДП I, ст. 69(1). Нормы МГП, касающиеся особых в этом отношении ситуаций и групп населения, подкрепляются более широкими обязательствами, в том числе в силу других отраслей международного права. См.: Starvation, Hunger and Famine in Armed Conflict, ICRC, 2022, p. 4.

129 См., например: Доклад МККК, 2015, с. 46–53; Обычное МГП, норма 55; Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, paras 866–879, 1348–1363; ЖК IV, ст. 23 и 59; ДП I, ст. 69 и 70; ДП II, ст. 18. О связи между обязательством разрешать и облегчать предоставление гуманитарной помощи и запретом на использование голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны см.: Commentary on the Additional Protocols, ICRC, 1987, para 2805; Комментарий к ДП II, п. 4885; Римский статут МУС 1998 г., ст. 8(2)(b)(xxv), где определено как военное преступление «умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду, в качестве способа ведения войны путем лишения его предметов, необходимых для выживания, включая умышленное создание препятствий для предоставления помощи, как это предусмотрено в Женевских конвенциях» (курсив наш).

130 См.: ЖК IV, ст. 55(1). См. также: ДП I, ст. 69(1); Обычное МГП, норма 55 и пояснение.

131 См.: ЖК IV, ст. 59(1). См. также ДП I, ст. 69(2); Обычное МГП, норма 55 и пояснение.

тельство применяется в иных ситуациях, нежели оккупация¹³². Регулирование — но не запрещение — гуманитарного доступа можно оправдать в исключительных обстоятельствах, например при необходимости предотвратить вмешательство в введущиеся или планируемые военные действия; однако любые правовые или практические ограничения свободы передвижения сотрудников гуманитарных организаций должны быть временными и территориально ограниченными, чтобы неоправданно не задерживать оказание гуманитарной помощи или не сделать его невозможным¹³³. «Гуманитарные коридоры» (конкретная территория, предоставленная на ограниченное время для безопасного прохода по соглашению между сторонами) или «гуманитарные паузы» (временное прекращение военных действий) иногда позволяют доставлять гуманитарную помощь, что иначе было бы невозможно из-за военных действий. Однако с точки зрения МККК такие меры не всегда означают выполнение существующих правовых обязательств сторон и не могут использоваться для оправдания ограничений или отказа соблюдать нормы МПП, касающиеся обеспечения гуманитарного доступа и гуманитарной деятельности в другое время или в других местах¹³⁴.

D. ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЫ НА ПРАКТИКЕ

Кроме неоправданно узкого толкования МПП, как было сказано ранее, главная проблема для обеспечения продовольственной безопасности — то, что МПП просто не соблюдают. В связи с этим очень важны последующие разделы этого доклада о соблюдении МПП и пресечении нарушений, и содержащимся в них рекомендациям крайне необходимо следовать. Ратификация поправки к Римскому статуту, в которой военное преступление в виде использования голода среди гражданских лиц во время немеждународных вооруженных конфликтов включено в юрисдикцию МУС, может способствовать более строгому соблюдению соответствующих норм МПП¹³⁵.

Кроме непосредственного воздействия вооруженные конфликты причиняют долговременный ущерб продовольственным системам — например, они влияют на производство семян, мелиорацию и торговлю, на много лет подрывая продовольственную безопасность. Необходимы согласованные действия до, во время и после конфликтов, чтобы определить слабые места и другие причины отсутствия продовольственной безопасности на всех уровнях продовольственной системы, чтобы сделать ее более устойчивой и снизить риски.

Отсутствие продовольственной безопасности усугубляет гуманитарные проблемы, подталкивая людей к опасным стратегиям выживания и повышая опасность эксплуатации и маргинализации. Поэтому поддержка, соответствующая потребностям отдельных лиц или групп лиц, наиболее уязвимых из-за недоедания и отсутствия продовольственной безопасности в силу социальных и ситуационных факторов, должна оставаться приоритетной задачей: необходимо принимать во внимание такие факторы, как гендер, возраст, инвалидность и сексуальная ориентация¹³⁶.

Когда в результате вооруженных конфликтов прерываются мировые цепочки поставок продовольствия и удобрений, это может воздействовать даже на тех, кто находится далеко от зоны военных действий. Соблюдение соответствующих норм МПП может косвенно способствовать смягчению воздействия конфликта на международную торговлю продовольствием и удобрениями. Однако МПП акцентируется в основном на населении, переживающем конфликт или непосредственно страдающем в результате нападений и военных операций. Как минимум, если такое внешнее воздействие возможно, стороны в конфликте и другие государства должны срочно предпринять шаги, ограничивающие последствия для продовольственной безопасности за их границами. МПП рекомендует сторонам заключать специальные соглашения или находить другие аналогичные способы решения таких практических проблем¹³⁷.

132 См., например: ДП I, ст. 70; Обычное МПП, норма 55 и пояснение.

133 См., например: Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, paras 878, 1362.

134 См.: Как гуманитарные коридоры помогают людям в зонах конфликта? МККК, 2022: <https://www.icrc.org/ru/document/kak-gumanitarnye-koridory-pomogayut-lyudyam-v-zonah-konflikta>.

135 Поправка к ст. 8 Римского статута МУС (умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду). Resolution ICC-ASP/18/Res.5, 6 December 2019. Это военное преступление уже упоминалось в отношении международных вооруженных конфликтов: см. ст. 8(2)(b)(xxv).

136 См.: Продовольственная безопасность и вооруженный конфликт / МККК. – МККК, 2025. – URL: <https://shop.icrc.org/food-security-and-armed-conflict-pdf-en-1.html>.

137 См.: Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, paras 880–899, 1132–1168.

4. ЗАЩИТА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Странам, и так пострадавшим в результате вооруженных конфликтов, приходится справляться еще и с быстро усугубляющимся глобальным экологическим и климатическим кризисом. Сами вооруженные конфликты усугубляют кризис, нанося ущерб окружающей среде и снижая жизнестойкость людей в условиях непредсказуемых погодных и климатических потрясений¹³⁸. За последние 50 лет природные экосистемы сократились в среднем почти на 50 % относительно самых ранних зафиксированных параметров и около 25 % видов животных и растений находятся на грани исчезновения, чему косвенно способствовали вооруженные конфликты¹³⁹. Помимо прочего это опасно потому, что экосистемы и биологическое разнообразие крайне важны для поддержания жизни людей и их адаптации к климатическим изменениям¹⁴⁰. По мере разрушения экосистем адаптироваться к климатическим изменениям становится труднее, что усугубляет бедственное положение затронутых вооруженным конфликтом людей, которые и так серьезно пострадали. Учитывая такую реальность, разрабатываются и уточняются международно-правовые рамки для более эффективной защиты окружающей среды во время войны. Важным событием стало завершение в 2022 г. работы Комиссии международного права ООН над Принципами защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами¹⁴¹.

А. СОБЛЮДЕНИЕ МГП ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Чтобы защитить от непосредственного и долгосрочного воздействия войны окружающую природную среду, в которой живут затронутые конфликтом люди и будут жить следующие поколения, государства и негосударственные вооруженные группы должны активнее способствовать выполнению норм МГП, обеспечивающих защиту природной среды. Чтобы помочь им в выполнении этой задачи, в обновленном Руководстве МККК по защите природной среды излагаются 32 нормы МГП и рекомендации, направленные на уменьшение ущерба окружающей среде во время вооруженных конфликтов, а также комментарии с целью способствовать пониманию источников и применимости этих норм¹⁴². Эта работа нацелена на принятие конкретных мер по имплементации. Содействуя достижению этой цели, в 2023 г. Швейцария и МККК созвали совещание правительственных экспертов по международному гуманитарному праву, чтобы обсудить защиту природной окружающей среды во время вооруженных конфликтов. Правительственные эксперты более чем из 120 стран говорили о проблемах и передовой практике в области имплементации МГП и защиты окружающей среды во время войны¹⁴³. Совещание продемонстрировало, что вооруженные силы стали лучше понимать проблему, но остается неясным, достаточно ли этого прогресса, чтобы не допустить широкомасштабной климатической и экологической катастрофы в сегодняшних и будущих войнах.

Подготовка обновленного Руководства и совещание правительственных экспертов — часть работы МККК по организации согласованных усилий по борьбе с изменением климата, защите окружаю-

138 См.: Вместо дождя — пыль. Понимание совокупного воздействия вооруженных конфликтов и климатического и экологического кризиса на жизнь людей и принятие ответных мер / МККК. – МККК, 2020. – URL: <https://shop.icrc.org/when-rain-turns-to-dust-pdf-en-5.html>.

139 The Global Assessment Report on Biodiversity and Ecosystem Services: Summary for Policymakers / Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services. – IPBES Secretariat, Bonn, 2019, pp. 14–15, and 25. См. также: Warfare in Biodiversity Hotspots / Thor Hanson et al. // Conservation Biology, Vol. 23, No. 3, 2009.

140 Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability: Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change: Summary for Policymakers / Intergovernmental Panel on Climate Change. – Cambridge University Press, Cambridge, 2022, pp. 12, 32.

141 Резолюция 77/104 ГА ООН «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», 7 декабря 2022 г. Приложение. Принципы, касающиеся защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами: <https://digitallibrary.un.org/record/3998322>. О точке зрения МККК относительно этих принципов см.: Statement by the International Committee of the Red Cross at the UN General Assembly, 77th Session, Sixth Committee, 26 October 2022: https://www.un.org/en/ga/sixth/77/pdfs/statements/ilc/25mtg_icrc_1.pdf.

142 Руководство МККК по защите природной среды.

143 State Expert meeting on International Humanitarian Law: Protecting the Environment in Armed Conflicts: Chair's Summary / ICRC and Switzerland, 2023. – URL: <https://www.icrc.org/en/document/chairs-summary-report-state-expert-meeting-ihl-protecting-natural-environment-armed>.

щей среды в условиях конфликтов и оказанию помощи людям в преодолении все возрастающих климатических и экологических рисков¹⁴⁴. С этой целью в 2021 г. МККК и Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца совместно возглавили разработку Хартии по климату и окружающей среде для гуманитарных организаций, которая получила широкое одобрение гуманитарного сектора¹⁴⁵.

Но одна только гуманитарная деятельность не станет спасением, учитывая масштаб существующих опасностей. В следующих разделах рассматриваются три правовые проблемы, которые имеют самое непосредственное отношение к защите окружающей среды во время современных вооруженных конфликтов, в связи с которыми МККК призывает государства и стороны в вооруженных конфликтах действовать активнее и применять новые подходы.

В. ЗАЩИТА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ: ОБЩИЕ НОРМЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Нормы МГП о ведении военных действий очень важны для защиты природной среды¹⁴⁶. В отличие от запрета на обширный, долговременный и серьезный ущерб, о котором говорится ниже, эти нормы могут в зависимости от обстоятельств трактовать как незаконные и те нападения, которые причиняют менее серьезный или масштабный ущерб природной окружающей среде.

Сегодня государства в целом признают, что по умолчанию окружающая среда имеет гражданский характер. Это следует из того факта, что, согласно МГП, любой объект, который может быть целью нападения, является либо гражданским, либо военным объектом. Таким образом, все части природной окружающей среды являются гражданскими объектами и защищены в соответствии с принципами проведения различия, соразмерности и принятия мер предосторожности, если не становятся военными объектами по определению МГП. Признание гражданского характера природной среды нашло отражение в государственной практике и *opinio juris*, судебной практике Международного суда и других органов, а также в Принципах, касающихся защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами (принципы 13(3) и 14).

Это значит, что МГП защищает все части природной среды *per se*, даже если причиняемый им ущерб не обязательно скажется на гражданских лицах, их здоровье или выживании таким образом, что это можно разумно предвидеть для целей МГП¹⁴⁷. Такой подход признает зависимость человека от природной среды и сравнительно ограниченное понимание воздействия войны на эти сложные взаимоотношения. Но сегодня, в свете научных свидетельств о связи между планетарным и человеческим здоровьем, возникают сомнения в том, что ущерб окружающей среде во время военных действий не будет иметь разумно предсказуемого воздействия на гражданское население. Стороны в вооруженном конфликте должны действовать соответствующим образом: просто недопустимо в наш современный век научных достижений уничтожать леса, загрязнять системы подземных вод, заражать сельскохозяйственные угодья или убивать экосистемы, при этом предполагая, что наносимый этим частям природной среды ущерб не имеет разумно предсказуемого воздействия на гражданских лиц.

---

144. Приверженность этой работе подтверждается в Стратегии МККК на 2024–2027 гг., с. 31. Анализ МККК гуманитарных последствий и путей решения таких проблем см. из последнего: *Weathering the Storm: Reducing the Impact of Climate Risks and Environmental Degradation on People Enduring Armed Conflicts* / ICRC. – ICRC, Geneva, 2023. – URL: <https://www.icrc.org/en/publication/4742-weathering-storm-reducing-impact-climate-risks-and-environmental-degradation-people>.

145. *Climate and Environment Charter for Humanitarian Organizations*, 2021: <https://www.climate-charter.org/guidance/?commitment=6> (см. в частности руководство касательно обязательства 6, куда включены примеры целей, связанных с МГП). *Implementing the Climate and Environment Charter For Humanitarian Organizations: The ICRC's Plan of Action 2021–24+* / ICRC. – ICRC, Geneva, 2022. – URL: <https://www.icrc.org/en/publication/4604-implementing-climate-and-environment-charter-humanitarian-organizations-icrcs-plan>.

146. О некоторых вопросах, которые встают при применении этих норм, см. также: Руководство МККК по защите природной среды, комментарии к нормам 5–9.

147. Есть меньшинство, выступающее против этой точки зрения. Анализ см.: Руководство МККК по защите природной среды, пп. 19–21.

Хотя практика может быть очень разной, многие вооруженные силы серьезно относятся к тому, как их действия влияют на окружающую среду. На совещании правительственных экспертов в 2023 г. государства поделились передовым опытом оценки экологических факторов и их учета при планировании военных операций. Например, для проведения экологической экспертизы в процессе военного планирования у некоторых вооруженных сил есть персонал или подразделения, обладающие специальными знаниями и имеющие особые обязанности, а другие по возможности консультируются с природоохранными организациями.

Также могут использоваться данные, получаемые дистанционно и из открытых источников. Во время планирования некоторые командиры изучают карты местности, имеющей особую экологическую значимость или уязвимость в зонах ведения боя. Одно государство Африки в регионе Сахель использует информационные карты для регистрации воздействия боеприпасов в экологически уязвимых зонах, чтобы выбрать боеприпасы, которые с меньшей вероятностью вызовут лесной пожар. И, наконец, некоторые государства при оценке законности новых видов оружия, средств и методов ведения войны принимают во внимание их воздействие на окружающую среду. Такая практика крайне важна для практической реализации МГП, и ее более широкое внедрение абсолютно необходимо.

С. ЗАПРЕТ НА ПРИЧИНЕНИЕ «ОБШИРНОГО, ДОЛГОВРЕМЕННОГО И СЕРЬЕЗНОГО» УЩЕРБА ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ: ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ

Общеизвестно, что МГП запрещает использование средств и методов ведения войны, которые имеют своей целью причинить обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде или, как можно ожидать, причинят его¹⁴⁸. Этот запрет также рассматривается в принципе 13(2) Принципов, касающихся защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами. Менее общеизвестный, но очень важный факт — это то, что норма устанавливает *максимально допустимый* ущерб экологии, независимо от соображений соразмерности или военной необходимости. Вот почему она устанавливает высокий кумулятивный порог.

Более того, хотя этот запрет хорошо известен, он слишком часто не принимается в расчет или игнорируется как слишком неопределенный или нестрогий, почти не имеющий смысла. Действительно, о смысле понятий «обширный», «долговременный» и «серьезный» уже давно ведутся дискуссии. Но есть множество толкований; право и существует для того, чтобы его толковали, и обсуждаемые значения не должны быть препятствием для его применения. На основании обсуждений при подготовке различных договоров, практики государств и других источников в Руководстве МККК по защите природной среды выдвигается целый ряд соображений, которые должны сформировать современное понимание того, что такое «обширный, долговременный и серьезный». Сейчас МККК призывает государства толковать эти понятия следующим образом.

Коротко говоря, «обширный» ущерб следует понимать как распространяющийся на несколько сот квадратных километров; «долговременный» — как ущерб, который не является кратковременным или временным и продолжается несколько лет; «серьезный» означает дестабилизацию экосистемы или причинение ей ущерба, а также причинение вреда здоровью и создание угрозы для выживания населения в больших масштабах¹⁴⁹. Чтобы лучше разъяснить, считается ли ущерб «обширным, долговременным и серьезным», следует принять во внимание современный уровень знаний, в том числе об экологических процессах и климатических рисках и потрясениях. По мере того как становятся все более понятными сложные последствия связанного с конфликтами экологического вреда, использование конкретного метода или средства ведения военных действий с большей вероятностью будет определено как достигающее порога запрещения, чем раньше. Воюющие стороны должны знать о возможных пагубных последствиях и воздержаться от действий, которые направлены на причинение обширного, долговременного и серьезного ущерба или, как предполагается, могут его причинить.

¹⁴⁸ В комментарии к норме 2 Руководства МККК по защите природной среды даны дополнительные подробности этого запрета, включая его применимость и его статус как нормы обычного права, а также указаны государства, которые отрицают, что этот запрет обладает таким статусом.

¹⁴⁹ Источники этих стандартов, а также историю составления ДП I и практику государств см. в пп. 56–72 Руководства МККК по защите природной среды.

D. ЗАЩИТА ПРИРОДООХРАННЫХ ЗОН ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

И наконец, по мнению МККК, сторонам в вооруженном конфликте давно пора уделить больше внимания предотвращению ущерба зонам, имеющим особое экологическое значение и уязвимость. В Руководстве по защите природной среды государствам и сторонам в вооруженном конфликте рекомендуется определять и обозначать такие зоны — например, национальные парки или места обитания исчезающих видов — как демилитаризованные зоны, не допуская таким образом того, чтобы эти зоны становились военными объектами, и снижая риск причинения им случайного ущерба¹⁵⁰. Принципы, касающиеся защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, дают аналогичную рекомендацию предоставлять дополнительную защиту зонам, имеющим особое экологическое значение и уязвимость¹⁵¹. Четкое установление границ таких зон может обеспечить ясность, необходимую командирам для того, чтобы по возможности не допускать ведения военных действий в охраняемых зонах или принимать такие зоны во внимание при применении принципов соразмерности и принятия мер предосторожности.

По мере того как биоразнообразие стремительно сокращается и климат становится более нестабильным, становится все очевиднее необходимость в более четких нормах по защите конкретных зон во время вооруженных конфликтов. Делегации на совещании правительственных экспертов 2023 г. подчеркивали важность зон, имеющих особое экологическое значение и уязвимость, для нашего и будущих поколений и часто необратимое воздействие войн на эти зоны. Они говорили о том, что недостаточно сосредоточиться на защите гражданских лиц, не учитывая окружающую среду, потому что гражданские лица зависят от нее. Представители государств также приводили примеры того, как они определяют и обозначают различные категории экологических зон, находящихся под защитой в соответствии с внутригосударственными нормами, в которых часто делаются ссылки на многосторонние соглашения по защите окружающей среды. Но то, какую роль такие обозначения играют в планировании или ведении военных действий, обычно все еще нуждается в прояснении. Некоторые государства становятся первопроходцами — давая указания своим вооруженным силам по определению экологических зон, находящихся под защитой, на своей собственной территории, например предоставляя войскам карты, на которых специальными символами отмечены находящиеся под защитой природные зоны.

С учетом числа и разнообразия экологических зон, находящихся под защитой внутригосударственных норм, важно определить приоритеты для обеспечения целесообразности любых принимаемых в будущем мер по повышению эффективности защиты во время вооруженных конфликтов. Успех или неудача таких мер будет в конечном счете определяться тем, насколько они будут восприняты вооруженными силами. Для начала государства могли бы откорректировать перечень приоритетов, выбрав из находящихся под защитой зон уже установленные в их законах территории. Например, во время совещания правительственных экспертов 2023 г. природные зоны, подпадающие под действие Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, были определены как особенно важные частично потому, что в этой Конвенции четко говорится об опасности вооруженных конфликтов, а частично потому, что эти зоны определяются Комитетом всемирного наследия ЮНЕСКО, что придает выбору некоторую степень объективности. Государства могут также рассмотреть меры, не являющиеся полной демилитаризацией таких зон, для усиления их защиты во время вооруженного конфликта, в том числе приняв установку по возможности *избегать* размещения военных объектов в таких зонах. Также государства могли бы координировать действия с организациями по защите окружающей среды, чтобы эффективнее предотвращать ущерб, причиняемый операциями в этих зонах, и устранять его последствия. И все же на сегодняшний день добиться заключения между воюющими сторонами соглашения, касающегося соблюдения границ обозначенных зон, — самая трудная задача на пути к созданию большего числа зон, охраняемых во время вооруженных конфликтов. Многостороннее взаимодействие в той или иной форме, скорее всего, будет наилучшим образом способствовать системному достижению этой цели. Имеется определенная передовая практика, примером которой можно следовать, однако вопрос политической воли остается открытым.

¹⁵⁰ Руководство МККК по защите природной среды, п. 14 и рекомендация 17.

¹⁵¹ См.: Принципы, касающиеся защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами (примечание 141 выше), принцип 14; принцип 18 предоставляет таким зонам защиту от нападений сверх защиты, предусматриваемой любыми дополнительными согласованными защитными нормами.

Поскольку нашей окружающей среде грозит все возрастающая опасность, ее защита во время вооруженных конфликтов не должна больше быть второстепенной задачей. Государства и негосударственные вооруженные группы должны безотлагательно действовать, в том числе включая нормы правовой защиты окружающей среды в военные руководства, политику и практику¹⁵². Передовая практика существует, но необходимо сделать больше, чтобы добиться ее понимания и применения всеми государствами и использовать научные и технологические достижения¹⁵³. МККК призывает государства и негосударственные вооруженные группы распространять и применять передовую практику, включая ту, о которой говорится в резюме председателя совещания правительственных экспертов, чтобы более эффективно выполнять соответствующие обязательства по МГП на национальном уровне. Прошло время, когда ущерб окружающей среде оставался незамеченным.

5. ДАЛЬНЕЙШАЯ СТИГМАТИЗАЦИЯ ПРОТИВОПЕХОТНЫХ МИН И КАССЕТНЫХ БОЕПРИПАСОВ

После принятия Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (КЗПМ) в 1997 г. и Конвенции по кассетным боеприпасам (ККБ) в 2008 г. были достигнуты значительные успехи в защите жизни и источников средств к существованию от разрушительного воздействия противопехотных мин и кассетных боеприпасов. Многие миллионы накопленных противопехотных мин и кассетных суббоеприпасов были уничтожены государствами — участниками этих договоров. Обширные территории были восстановлены и снова могут продуктивно использоваться, а государства многое сделали для помощи пострадавшим людям и сообществам. В партнерстве с государствами и другими заинтересованными сторонами МККК и другие участники Движения внесли свой вклад в эти достижения¹⁵⁴.

Сегодня эти с трудом достигнутые успехи могут быть обесценены из-за возобновления применения противопехотных мин, как изготовленных промышленным способом, так и самодельных, и кассетных боеприпасов, усугубляющих ущерб, причиняемый минами, неразорвавшимися кассетными и другими боеприпасами, оставшимися после прошедших конфликтов¹⁵⁵. Применение кассетных боеприпасов в вооруженных конфликтах (последние примеры — Сирия и Украина) приводит к ужасным человеческим жертвам и лишает людей источников средств к существованию. В последние годы также сообщалось о новых случаях применения противопехотных мин государствами и негосударственными вооруженными группами — например, в Индии, Колумбии, Мьянме, на территории Украины, в странах Африки к югу от Сахары. В результате число жертв резко возросло. Это тревожная тенденция. Как сообщается, в 2022 г. по крайней мере 4710 человек были убиты или ранены взрывами мин и неразорвавшимися боеприпасами: приблизительно 85 % всех зарегистрированных жертв были гражданскими лицами, почти половина жертв среди гражданских лиц — дети¹⁵⁶.

А. ДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ КЗПМ И ККБ

Несмотря на давние и новые трудности при достижении целей КЗПМ и ККБ, эти конвенции по-прежнему обеспечивают надежную правовую базу, основанную на МГП.

152 Основные рекомендации по содействию имплементации норм МГП, предоставляющих защиту окружающей среде, см.: Руководство МККК по защите природной среды, п. 14.

153 См., например, обязательства, которые взяли на себя правительства и национальные общества Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции на 33-й Международной конференции: <https://trccconference.org/pledge/protection-of-the-natural-environment-in-armed-conflict-2/>.

154 Movement Strategy on Landmines, Cluster Munitions and other Explosive Remnants of War: Reducing the Effects of Weapons on Civilians, Resolution 6, Council of Delegates of the International Red Cross and Red Crescent Movement, Nairobi, Kenya, 23–25 November 2009.

155 Preventing and Eradicating the Deadly Legacy of Explosive Remnants of War / ICRC. – ICRC, Geneva, 2023.

156 Landmine Monitor 2023: https://backend.icblcmc.org/assets/reports/Landmine-Monitors/LMM2023/Downloads/Landmine-Monitor-2023_web.pdf, p. 2.

Чтобы полностью реализовать свои гуманитарные цели, государства-участники должны выполнять свои жизненно важные обязательства согласно этим договорам. Каждое государство-участник должно предотвращать и пресекать применение противопехотных мин и кассетных боеприпасов, а также другую деятельность, запрещенную согласно этим договорам и осуществляемую его гражданами или лицами, действующими на территории, находящейся под его юрисдикцией или контролем¹⁵⁷. Для этого может потребоваться принятие соответствующих норм уголовного законодательства, подготовка административных указаний для вооруженных сил и изменение руководящих документов. Государства-участники должны тщательно расследовать утверждения о применении таких видов оружия, преследовать в судебном порядке и наказывать виновных.

В конечном счете полное уничтожение противопехотных мин и кассетных боеприпасов — единственная гарантия того, что такое оружие больше не будет калечить и убивать гражданских лиц. Государства-участники должны выполнять взятые на себя обязательства уничтожить или обеспечить уничтожение запасов¹⁵⁸ и расчистить территорию, на которой остались неразорвавшиеся боеприпасы, находящуюся под их юрисдикцией или контролем, «в кратчайшие возможные сроки»¹⁵⁹. Это может быть трудной задачей, если, например, государство-участник утратило контроль над частью своей территории из-за продолжающегося вооруженного конфликта. Однако невыполнение государством-участником этих ограниченных по срокам обязательств может быть оправданно, если только в сложившихся обстоятельствах выполнить их практически невозможно. Даже в такой ситуации государство-участник должно содействовать разминированию и не препятствовать ему.

Применение противопехотных мин и кассетных боеприпасов государствами или негосударственными вооруженными группами, не связанными КЗПМ или ККБ, должно как минимум соответствовать нормам МГП, регулирующим ведение военных действий, включая принципы проведения различия, соразмерности и принятие мер предосторожности при нападении¹⁶⁰, и специальным требованиям, касающимся применения противопехотных мин согласно обычному МГП¹⁶¹. Другие инструменты, если они применимы, налагают дополнительные ограничения¹⁶². Принимая во внимание неизбирательное действие такого оружия и хорошо задокументированные примеры причиняемого гражданским лицам вреда, МККК призывает всех, кто продолжает применять противопехотные мины или кассетные боеприпасы, немедленно прекратить их применение.

В. УСИЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НОРМ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ КЗПМ И ККБ

КЗПМ и ККБ сыграли важную роль в привлечении внимания к тому факту, что противопехотные мины и кассетные боеприпасы — чудовищное оружие, а их применение должно резко осуждаться и отвергаться. Без этих договоров гораздо больше людей были бы изувечены или убиты. Обе конвенции, совершенно очевидно, внесли свой вклад в сокращение производства и применения противопехотных мин и кассетных боеприпасов за пределами государств-участников. Это свидетельствует о силе гуманитарных норм, закрепленных в этих договорах и направленных против боеприпасов, которые срабатывают в результате прямого контакта с человеком, имеют неизбирательное действие и продолжают калечить и убивать в течение долгого времени после окончания военных действий.

К сожалению, как показали недавние события, некоторые государства-участники считают, что такие договоры должны приниматься в мирные и стабильные времена, но о них можно забыть при возникновении повышенной угрозы безопасности или во время вооруженного конфликта. Такое понимание полностью противоречит всей концепции МГП и должно быть отвергнуто.

157 КЗПМ, ст. 9; ККБ, ст. 9.

158 КЗПМ, ст. 4; ККБ, ст. 3.

159 КЗПМ, ст. 5; ККБ, ст. 4.

160 Обычное МГП, нормы 1–24.

161 Стороны в вооруженном конфликте должны соблюдать особую осторожность, чтобы свести к минимуму последствия неизбирательного действия наземных мин (Обычное МГП, норма 81), регистрировать их местоположение, насколько это возможно (Обычное МГП, норма 82), и удалить их или каким-либо иным образом сделать их безвредными для гражданских лиц или содействовать их удалению после окончания активных военных действий (Обычное МГП, норма 83).

162 Например, Протокол II с поправками к Конвенции о конкретных видах обычного оружия (1996 г.).

Тем не менее кто-то продолжает считать противопехотные мины и кассетные боеприпасы законным средством ведения военных действий. Сторонники такого оружия приписывают ему преимущества с точки зрения обеспечения безопасности или военную ценность. Живучесть подобных идей, возвращение к ним подчеркивает постоянную необходимость напоминать, что такое оружие все еще неизбирательно калечит и убивает людей, и необходимость подтверждать актуальность гуманитарных норм, которые нашли формальное выражение в КЗПМ и ККБ, и усиливать их.

Достижение прогресса в борьбе со смертоносными последствиями применения противопехотных мин и кассетных боеприпасов — самый верный способ для государств-участников продемонстрировать приверженность освобождению мира от этих чудовищных видов оружия. Необходимо срочно ускорить темпы обследования территорий и разминирования. К сожалению, обычным делом стало продление сроков разминирования, изначально установленных для государств, на территории которых находится множество неразорвавшихся боеприпасов. Такие задержки приводят к тяжелым потерям.

Для дальнейшей стигматизации противопехотных мин и кассетных боеприпасов необходимо, чтобы государства-участники осуждали действия, которые не соответствуют гуманитарным нормам КЗПМ и ККБ. Важно, чтобы любое применение противопехотных мин кем бы то ни было при любых обстоятельствах решительно осуждалось. Молчание и бездействие обходятся слишком дорого и подрывают гуманитарные нормы; не следует забывать, что государства-участники взяли на себя обязательство содействовать всеобщему соблюдению этих норм¹⁶³.

КЗПМ остается одним из наиболее эффективных гуманитарных инструментов в области разоружения, но нужны более энергичные усилия для достижения всеобщей поддержки этого договора, ККБ и Протокола V по взрывоопасным пережиткам войны к Конвенции о конкретных видах обычного оружия. МККК призывает все государства, которые еще не присоединились к этим гуманитарным договорам, сделать это без промедления. А пока они должны сотрудничать с государствами-участниками, чтобы эффективно устранять ущерб, причиненный противопехотными минами и кассетными боеприпасами.

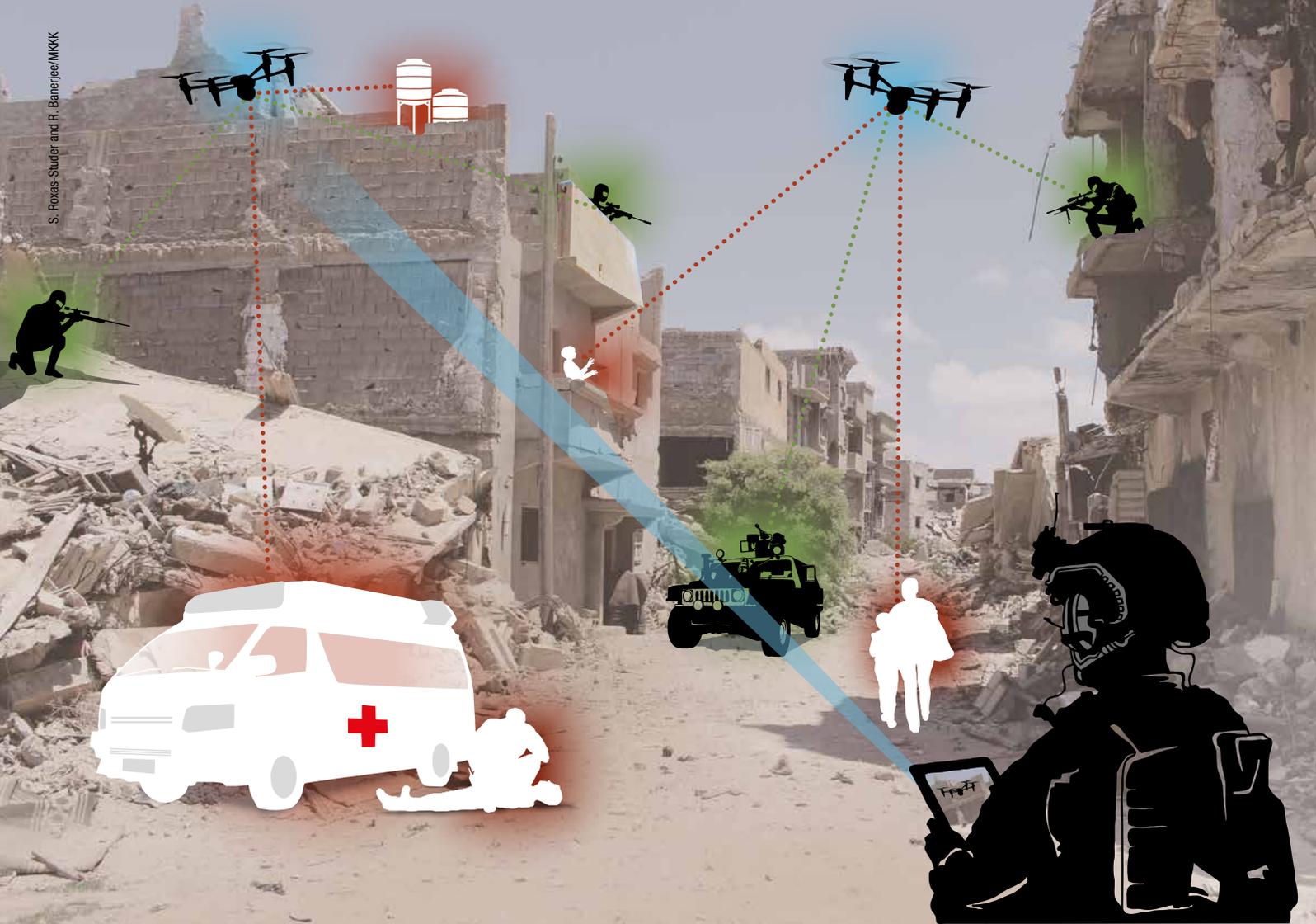
Самодельные противопехотные мины — разновидность самодельных взрывных устройств, они представляют особую опасность для гражданских лиц в некоторых регионах, например на Ближнем Востоке, в Западной Африке и Сахеле. Поэтому важно, чтобы государства — участники КЗПМ решали вопросы распространения боеприпасов такого типа в рамках Конвенции¹⁶⁴. Применение самодельных противопехотных мин обычно ассоциируется с негосударственными вооруженными группировками, что делает еще важнее работу, способствующую соблюдению негосударственными акторами норм МПП, которые касаются боеприпасов, срабатывающих в результате прямого контакта с человеком. Такие инструменты, как односторонние заявления или обязательственные акты согласно Женевскому призыву¹⁶⁵, становятся для вооруженных групп способом официально выразить свою приверженность гуманитарным нормам, закрепленным в КЗПМ.

---

163 План действий Осло, действие 12; Лозаннский план действий, действие 11.

164 План действий Осло, действие 21. См. также: Views and recommendations on improvised explosive devices falling within the scope of the anti-personnel mine ban convention (рабочий документ, представленный МККК на Четвертой Конференции государств – участников Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении по рассмотрению действия Конвенции, Осло, 25–29 ноября 2019 г.).

165 См.: Geneva Call, <https://www.genevacall.org/areas-of-intervention> («на настоящий момент 54 [вооруженные группы и де-факто органа власти] подписали обязательство запретить противопехотные мины и приняли другие профилактические меры, например уничтожили запасы мин»).

V. ПРИМЕНИМОСТЬ НОРМ МГП К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Сегодня мирные жители ежедневно пользуются цифровыми технологиями: компьютерами и смартфонами, искусственным интеллектом, роботами и космической инфраструктурой. В то же время стороны в вооруженных конфликтах используют эти же технологии в военных целях. Несколько лет назад применение цифровых технологий ведения военных действий, в том числе использование искусственного интеллекта при принятии военных решений, могло показаться отдаленной перспективой, но теперь все изменилось.

МККК обеспокоен растущим применением систем вооружений разной степени автономности и систем, которые пользуются искусственным интеллектом при принятии решений о том, по каким целям наносить удар — и как. Кроме того, беспокойство вызывают тенденции в современных вооруженных конфликтах, связанные с проведением киберопераций государственными и негосударственными акторами, которые стремятся нарушить работу цифровой инфраструктуры правительственных учреждений, основных служб и экономики в целом. А также в связи с использованием цифровых средств коммуникации для расширения охвата, ускорения и расширения масштабов информационных операций, которые разжигают насилие и тем самым нарушают МГП.

В этой главе МККК представляет свои взгляды на правовые вопросы, имеющие отношение к некоторым актуальным проблемам в области применения норм и принципов МГП к новым технологиям ведения военных действий.

1. КИБЕРОПЕРАЦИИ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ И ДРУГИЕ ЦИФРОВЫЕ УГРОЗЫ

Общество становится все более зависимым от цифровых технологий. Многие аспекты повседневной жизни становятся все более связанными, а информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) влияют на них или даже играют решающую роль. Во время вооруженных конфликтов это сказывается на потребностях людей и на том, с какими рисками и угрозами они могут столкнуться. Например, оказание основных услуг гражданскому населению зависит от ИКТ, и гражданские лица пользуются цифровыми сервисами коммуникаций, чтобы связаться с родными, узнать информацию о ближайшем убежище или временном укрытии и о том, где получить товары и услуги, необходимые для выживания и нормальной жизни. В то же время государства и негосударственные акторы используют кибероперации для нарушения функционирования гражданских государственных служб или чтобы помешать оказанию основных услуг: электро- и водоснабжения, здравоохранения. Стороны в конфликте пользуются соцсетями и мессенджерами для разжигания ненависти в отношении гражданского населения и военных, переставших принимать участие в военных действиях, и для дегуманизации противника в целом. Из-за цифровизации вооруженных конфликтов в военные действия все больше вовлекаются гражданские лица — отдельные граждане, хакерские группы и сотрудники технологических компаний, — что подвергает их и других гражданских лиц опасности.

А. ОГРАНИЧЕНИЯ, КОТОРЫЕ МГП НАЛАГАЕТ НА КИБЕРОПЕРАЦИИ

Все стороны соглашаются с тем, что международное гуманитарное право применяется к сфере ИКТ. Кроме того, говоря об ИКТ, государства особо отметили, что «нормы международного гуманитарного права применимы только в ситуациях вооруженных конфликтов», подчеркнув, что принципы МГП «ни в коем случае не легитимизируют и не поощряют ведение конфликта»¹⁶⁶. Такое согласие подтверждает консенсус среди экспертов в области права, в том числе представителей МККК¹⁶⁷.

¹⁶⁶ ГА ООН, Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности. Док. ООН A/76/135, 14 июля 2021 г., п. 71(f); резолюция 76/19 ГА ООН от 8 декабря 2021 г., п. 2.

¹⁶⁷ Подробнее см.: Международное гуманитарное право и кибероперации во время вооруженных конфликтов: изложение позиции МККК, 2019, с. 4: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-i-kiberoperacii-vo-vremya-vooruzhennyh-konfliktov>.

Существующие принципы и нормы МГП ограничивают проведение киберопераций во время вооруженных конфликтов, но МККК обеспокоен тем, что развитие технологий и ведение таких киберопераций опережает дискуссии и развитие в правовой сфере. В частности, толкование МГП, при котором основное внимание уделяется защите гражданских объектов только от физического ущерба, МККК считает неполным.

Кибероперации могут нарушить работу основных гражданских служб и инфраструктуры, промышленных объектов, сетей связи, гражданских баз данных и других гражданских объектов, вывести их из строя или повредить их. В результате киберопераций люди могут быть убиты или ранены, а те, кто нуждается в помощи, рискуют ее не получить. В свете того, что большинство киберопераций, проводимых во время современных вооруженных конфликтов, нарушают работу основных служб, повреждают или удаляют данные, выводят из строя компьютеры и сети без причинения физического ущерба, толкование МГП имеет решающее значение. Сегодня многие государства, правовые позиции которых по этому вопросу общеизвестны, придерживаются мнения, что кибероперации, выводящие из строя различные объекты, в том числе ИТ-системы или инфраструктуру, приравниваются к «нападениям» по смыслу МГП. Другие же понимают термин «нападение» в соответствии с МГП более узко или оставляют этот вопрос открытым¹⁶⁸. Если понятие «нападение» в соответствии с МГП толкуется таким образом, что под него подпадают только кибероперации, которые наносят физический ущерб или вызывают последствия, схожие с последствиями военных действий с применением кинетического оружия, то большинство киберопераций против гражданской инфраструктуры не будут регулироваться наиболее содержательными нормами МГП, берущими свое начало в принципах проведения различия, соразмерности и принятия мер предосторожности при нападении и защищающими гражданское население и гражданские объекты¹⁶⁹. Точно так же, если не считать данные «объектом» по смыслу МГП, не будет запрещено большинство киберопераций, в результате которых данные гражданского характера повреждаются или удаляются. Это станет поводом для серьезной обеспокоенности.

Такие операции по-прежнему будут подпадать под определенные ограничения в соответствии с МГП. В частности, кибероперации военного характера не должны быть нацелены на объекты, пользующиеся особой защитой, например медицинские учреждения. При проведении киберопераций военного характера необходимо постоянно заботиться о том, чтобы щадить гражданское население и гражданские объекты. Развертывание киберопераций, направленных на нарушение работы гражданских объектов, в том числе нарушение работы с данными гражданского характера, или игнорирование сопутствующих им последствий для гражданского населения нарушало бы это требование.

В то же время, если существующие нормы МГП будут толковаться таким образом, что это будет подрывать защитную функцию МГП в области ИКТ (если новые виды ущерба, причиняемого использованием ИКТ во время вооруженных конфликтов, будут оставаться без внимания), потребуется разработать дополнительные нормы для укрепления существующей правовой базы, чтобы она по-прежнему могла налагать ограничения на кибернетические и другие цифровые операции во время вооруженных конфликтов.

В. ОГРАНИЧЕНИЯ, КОТОРЫЕ МГП НАЛАГАЕТ НА ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ

Информационные операции уже давно ведутся в условиях вооруженных конфликтов¹⁷⁰. В последние годы развитие технологий, позволяющих мгновенно передавать информацию на любое расстояние с помощью цифровых средств, в том числе через социальные сети и приложения для обмена сообщениями, изменило масштаб, скорость и охват распространения вводящей в заблуждение, неточной, разжигающей ненависть или иной вредоносной информации. Хотя в этом контексте

168 Обзор позиций государств см.: Cyber Law Toolkit, 'Attack (International Humanitarian Law): [https://cyberlaw.ccdcoe.org/wiki/Attack_\(international_humanitarian_law\)](https://cyberlaw.ccdcoe.org/wiki/Attack_(international_humanitarian_law)).

169 Подробнее о взглядах МККК на понятие «нападение» в соответствии с МГП и защиту данных в соответствии с МГП см.: Международное гуманитарное право и кибероперации во время вооруженных конфликтов (примечание 167 выше), с. 7–8.

170 МККК понимает термин «информационная операция» как использование информации или манипулирование ею с целью повлиять на восприятие, мотивы, взгляды и поведение отдельных лиц и групп лиц или ввести их в заблуждение для достижения политических и военных целей.

причинно-следственные связи продемонстрировать сложно, уже признано, что информационные операции могут среди прочего приводить к насилию или подстрекать к нему, причинять людям долгосрочный психологический ущерб, подрывать доступ к основным услугам и нарушать работу гуманитарных организаций¹⁷¹.

Хотя во время вооруженных конфликтов вредоносная информация часто распространяется в рамках информационных операций, в МГП есть несколько конкретных норм, налагающих ограничения на обмен информацией в более широком смысле. Например, гражданское и военное руководство стороны в вооруженном конфликте не должно поощрять нарушения МГП, в том числе через цифровые платформы.

Кроме того, вездесущие камеры смартфонов и широко распространенная практика публикации фотографий в интернете усложняют работу властей, осуществляющих содержание под стражей в ходе вооруженных конфликтов: им необходимо выполнять свои обязательства по защите всех лиц, содержащихся под стражей, от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. В частности, военнопленные и интернированные гражданские лица должны быть защищены от любопытства толпы¹⁷². Публикация данных, относящихся к лишенным свободы лицам, а также изображений и видео с их участием в большинстве случаев будет нарушать эти нормы.

Во время вооруженных конфликтов в информационном пространстве может распространяться недостоверная информация, созданная с помощью искусственного интеллекта. Например, технология дипфейков позволяет создавать или менять данные, изображения, аудио и видео таким образом, что их трудно отличить от подлинного, оригинального контента. Нормы МГП устанавливают ограничения на определенные виды использования дипфейков. Например, нарушением МГП считается «убивать, наносить ранения или брать в плен противника, прибегая к вероломству», причем вероломством считаются действия, направленные на то, чтобы «вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия»¹⁷³. Вероломство с использованием технологии дипфейков нарушает МГП. Кроме того, в соответствии с МГП запрещены¹⁷⁴ насильственные действия или угрозы насилия, главная цель которых состоит в терроризировании гражданского населения, в том числе при использовании дипфейков.

МККК также напоминает, что при проведении военных операций, в том числе информационных операций с использованием дипфейков, противоборствующие стороны должны постоянно заботиться о том, чтобы щадить гражданское население, мирных жителей и гражданские объекты.

С. РИСКИ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С ПОМОЩЬЮ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Гражданские лица уже давно привлекаются для поддержки вооруженных сил во время вооруженных конфликтов. Цифровизация общества серьезно изменила характер такой деятельности, которую выполняют гражданские лица, и численность участвующих в ней людей. Три тенденции создают значительные риски для гражданского населения. Во-первых, беспрецедентное количество гражданских хакеров проводят кибероперации в условиях вооруженных конфликтов, и зачастую их действия направлены против гражданских объектов. Во-вторых, ИКТ открывают воюющим сторонам новые способы содействовать тому, чтобы гражданское население поддерживало военные операции. Например, мирных жителей призывают собирать информацию, актуальную для военных целей, через смартфоны, тем самым подвергая этих жителей риску нападения. В-третьих, когда

171 См. в целом: Harmful Information: Misinformation, Disinformation and Hate Speech in Armed Conflict and other Situations of Violence / ICRC. – ICRC, Geneva, 2021. – URL: <https://www.icrc.org/en/publication/4556-harmful-information-misinformation-disinformation-and-hate-speech-armed-conflict>.

172 ДП III, ст. 13; ЖК IV, ст. 27.

173 ДП I, ст. 37; Положение о законах и обычаях сухопутной войны — приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (Гаагское положение), ст. 23(б); Обычное МГП, норма 65.

174 ДП I, ст. 51(2); Обычное МГП, норма 2.

гражданские технологические компании привлекают для обеспечения кибербезопасности и предоставления других услуг в области ИКТ (облачных вычислений или дистанционного зондирования, обеспечения связи) вооруженным силам сторон в вооруженных конфликтах, существует реальный риск того, что сотрудники, активы и инфраструктура таких компаний, которые по характеру являются гражданскими, потеряют правовую защиту от нападения.

Если отдельные лица и группы, включая сотрудников технологических компаний, проводят кибероперации в условиях вооруженных конфликтов, они должны соблюдать ограничения, которые МГП налагает на такие операции. В частности, ограничения, касающиеся деятельности гражданских хакеров в условиях вооруженных конфликтов, кратко сформулированы в публикации «Восемь правил для гражданских хакеров во время войны»¹⁷⁵. Кроме того, в публикации приводятся четыре обязательства государств по обеспечению соблюдения этих правил.

МГП построено на основополагающем принципе проведения различия между гражданскими лицами и объектами с одной стороны и военными — с другой. Растущее участие гражданского населения в кибероперациях и информационных операциях, а также использование гражданской ИК-инфраструктуры в военных целях рискуют подорвать это фундаментальное положение и лишит гражданское население защиты, которую она призвана обеспечить.

Сбор актуальной для военных действий информации с помощью смартфонов или других подключенных к сети устройств и предоставление ее вооруженным силам в исключительных случаях может быть приравнено к «непосредственному участию в военных действиях». Это означает, что в таком случае гражданское лицо теряет защиту от нападения на то время, пока оно совершает эти действия. Однако, по мнению МККК, это не может означать, что любое гражданское лицо, использующее свой телефон вблизи военных позиций или боевых действий, становится законной целью. Нападающий в большинстве случаев не может узнать, используется ли телефон для действий, которые могут расцениваться как непосредственное участие в военных действиях, или же этот мирный житель делает что-то еще, например связывается с другом или с членом семьи. МГП предписывает, что в случае сомнений человека следует считать гражданским лицом, а потому он должен пользоваться защитой¹⁷⁶. Тем не менее поощрение сбора актуальной для военных действий информации гражданскими лицами может подвергать их опасности.

Если гражданская ИК-инфраструктура, включая инфраструктуру, предоставляемую гражданскими компаниями, используется в военных целях, она может стать военным объектом по смыслу МГП и утратить защиту от нападения. В этом случае гражданские лица и гражданские объекты, которые находятся в непосредственной близости, связаны с такими объектами по цифровым каналам или зависят от них, могут случайно пострадать. Для защиты гражданских лиц и гражданских объектов от нападения или причинения случайного вреда государствам следует, когда это возможно, пытаться сегментировать (то есть физически или технически отделить) ИК-инфраструктуру (или ее части), используемую в военных целях, от гражданской. Например, принимая решение о том, следует ли использовать для хранения военных данных несегментированное облако коммерческого поставщика, сегмент такого облака или выделенную для этого военную цифровую инфраструктуру, лица, планирующие и осуществляющие военные операции, должны отказаться от использования несегментированного облака коммерческого поставщика.

Даже если воюющая сторона приходит к выводу, что гражданское лицо или гражданский объект утратил правовую защиту от нападения из-за участия в кибероперациях или информационных операциях, МККК призывает воюющие стороны тщательно обдумать, действительно ли ответ на такие угрозы с применением кинетической силы необходим для выполнения законной военной задачи или же для этого можно использовать другие, менее разрушительные средства (например, кибернетические или электромагнитные)¹⁷⁷.

175 “8 rules for “civilian hackers” during war, and 4 obligations for states to restrain them”, ICRC: <https://www.icrc.org/en/article/8-rules-civilian-hackers-during-war-and-4-obligations-states-restrain-them>.

176 ДП I, ст. 50(1).

177 The Principles of Humanity and Necessity / ICRC. – ICRC, Geneva, 2023. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/wysiwyg/war-and-law/02_humanity_and_necessity-0.pdf.

Нормы МГП имеют давнюю историю и выполняют свою функцию только в том случае, если их применение обеспечивает надлежащую защиту гражданских лиц, гражданской инфраструктуры и данных гражданского характера в нашем все более цифровизированном обществе. Меняющиеся правовые позиции и практика государств покажут, являются ли существующие нормы права адекватными и достаточными для решения проблем, связанных с цифровизацией вооруженных конфликтов, или же их необходимо усилить для противодействия новым опасностям, порождаемым этой эволюцией. Если мы хотим разработать новые нормы, они должны основываться на существующей правовой базе, включая МГП, и укреплять ее.

2. АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ ВООРУЖЕНИЙ

Реальностью современных конфликтов является применение систем вооружений, в частности небольших ударных беспилотников и барражирующих боеприпасов¹⁷⁸, обладающих все более высокой степенью автономности режимов или функций. По оценкам МККК, такие системы вооружений, как правило, по-прежнему управляются или наводятся дистанционно. Однако всего лишь обновление программного обеспечения или изменение положений руководящих документов вооруженных сил может легко превратить их в автономные системы вооружений (АСВ) завтрашнего дня, способные выбирать и атаковать цели без вмешательства человека. Понятие «без вмешательства человека» означает, что после первоначальной активации систем человеком сила применяется в ответ на информацию из внешней среды, полученную через датчики (которые настроены на определение, например, тепла, света, движения, формы, скорости, веса, акустических или электромагнитных сигналов), при этом учитываются обобщенные параметры цели (такие характеристики, как форма, инфракрасный или радиолокационный профиль, скорость и направление движения определенного типа военной техники)¹⁷⁹.

В то же время, судя по всему, вооруженные структуры заинтересованы в ослаблении ограничений на то, где и против чего можно применять такое оружие. Эта тенденция может усугубить серьезную проблему, которая беспокоит МККК: человек может утратить контроль над применением силы в вооруженном конфликте. Руководствуясь необходимостью обеспечивать и укреплять защиту людей, пострадавших в результате вооруженных конфликтов, МККК призывает государства срочно ввести новые международные запреты и ограничения в отношении АСВ, которые были бы четко определенными и имели обязательную силу¹⁸⁰.

А. ОПРЕДЕЛЯТЬ ЗАКОННОСТЬ НАПАДЕНИЯ ДОЛЖЕН ЧЕЛОВЕК

Несмотря на активное развитие АСВ и связанных с ними сенсорных, программных и робототехнических технологий, стоит напомнить, что предусмотренные МГП обязательства, касающиеся ведения военных действий, должны выполняться людьми — командирами и другими участниками боевых действий. Они должны определять законность нападений, которые они планируют, о которых принимают решения и которые осуществляют, при этом они несут ответственность за проведение такой оценки. В то время как некоторые сторонники АСВ описывают системы как принимающие «решение», само решение о применении оружия и проведении атаки всегда остается за человеком¹⁸¹. Соответственно, отдельные технические задачи выполняются за счет машинных процессов, однако именно человек определяет правомерность нападения, в частности то, является ли объект военным, и оценивает, в достаточной ли мере эти машинные процессы соответствуют МГП в слу-

178 Вид воздушного средства поражения, способный зависать в воздухе, обнаруживать и атаковать цели; падение боезаряда происходит при контакте с объектом.

179 См.: Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений, 2021, с. 3: <https://www.icrc.org/ru/document/poziciya-mkkk-v-otnoshenii-avtonomnyh-sistem-vooruzheniy-o>.

180 См.: Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений, 2021. См. также совместное обращение генерального секретаря ООН и президента МККК к государствам об установлении новых запретов и ограничений в отношении автономных систем вооружений: <https://www.icrc.org/ru/document/sovместное-obrashchenie-generalnogo-sekretarya-organizacii-obedinennyh-naciy-i-prezidenta>.

181 “Commentary on the ‘Guiding Principles’ of the CCW GGE on ‘Lethal Autonomous Weapons [sic] Systems’”, ICRC, Geneva, 2020, p. 3: <https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2020/07/20200716-ICRC.pdf>; см. также: Доклад МККК, 2019, с. 33–34.

чае нападения. Проведение параллелей между человеком, принимающим решение о нападении, и машиной, алгоритмы которой инициируют применение силы, совершенно некорректно. Более точным было бы сравнение между человеком, инициирующим нападение с использованием неавтономной системы вооружения, и человеком, выполняющим те же действия с применением АСВ.

Поэтому, обсуждая АСВ и следование нормам права, важно подчеркнуть, что не система вооружений должна соблюдать МГП, а использующие ее люди.

Кроме того, с этической точки зрения участие человека в принятии важнейших решений, ведущих к применению силы, требуется по причине того, что необходимо руководствоваться соображениями гуманности, сохранения человеческого достоинства и моральной ответственности.

В. СЛОЖНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ НАПАДЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ АСВ

Командиры и другие пользователи автономных систем вооружений должны заранее оценить законность нападения и убедиться, что система может и будет действовать только в тех рамках, которые они определили как законные. Однако их способность проводить такую оценку может быть ограничена в связи с особенностями функционирования АСВ.

Основная сложность заключается в том, что пользователь или командир, скорее всего, не будет осведомлен о важных деталях нападения. Это связано с тем, что после первоначальной активации или запуска человеком автономная система самостоятельно инициирует удар или приводит в действие процессы, результатом которых становится нанесение удара, используя поступающую извне информацию, получаемую через датчики, а также обобщенные «параметры цели». Пользователь не выбирает и даже не знает ни конкретного человека или объект, который может быть воспринят как цель для нанесения удара, ни точного времени и места его нанесения. Эти детали зависят от машинных процессов АСВ (задействующих датчики, программное обеспечение, исполнительные механизмы) и восприятия оперативной обстановки сенсорными устройствами. Это может негативно сказаться на способности пользователя предвидеть последствия нападения и принимать меры по их ограничению, например, чтобы такое нападение не стало неизбирательным¹⁸².

Таким образом, командирам и другим пользователям необходимо заранее предвидеть и оценивать законность всех возможных ударов АСВ. При этом они должны учитывать все разумно прогнозируемые и значимые изменения обстоятельств на протяжении всего времени автономной работы системы и на всей территории ее применения. Такой порядок действий, вероятно, будет возможен только в том случае, если на параметры, определяющие применение силы АСВ и условия их использования, будут наложены строгие ограничения, лимитирующие количество вариантов конечного результата применения системы.

Например, учитывая предусмотренное МГП обязательство наносить удары только по военным объектам, пользователи АСВ должны убедиться, что все, что может спровоцировать удар системы, во всем районе и в течение всего времени ее применения будет соответствовать определению «военного объекта» «при существующих в данный момент обстоятельствах»¹⁸³ конкретного удара. Проще всего это сделать при рассмотрении потенциальных целей, юридическая классификация которых в качестве военных объектов относительно стабильна, а именно объектов, имеющих военное предназначение в силу своего характера (оружие противника, транспортные средства для перевозки военной техники, казармы и т. д.). Однако в случае с гражданскими объектами, которые могут считаться военными в силу своего расположения, назначения или использования (например возвышенность, гостиница, временно используемая для размещения войск, или мост, по которому должны вскоре пройти силы противника), это будет чрезвычайно сложной задачей: эффективный вклад таких объектов в военные действия противника и определенное военное преимущество, которое

182 Обычное МГП, норма 12; ДП I, ст. 51(4)(с).

183 Обычное МГП, норма 8; ДП I, ст. 52(2): «...военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество».

дает их уничтожение, захват или нейтрализация, могут быстро и в значительной степени меняться. Например гражданское такси, временно реквизированное для перевозки солдат на передовую, вносит эффективный вклад в военные действия противника и поэтому может быть охарактеризовано как военный объект в силу использования, но только на время этого использования. Его уничтожение в любое другое время вряд ли даст какое-либо военное преимущество.

Кроме того, чтобы характеризовать объект как военный объект в силу его назначения, требуется выяснить намерения противника, на которые влияют не всегда очевидные, зависящие от контекста и не укладывающиеся в исчерпывающий список факторы, что делает их малопригодными для стандартизации в виде обобщенных параметров цели, используемых АСВ.

Обеспечить соблюдение МГП будет особенно сложно в случае нападения на одного или нескольких человек. В то время как пользователь АСВ или командир может провести общую оценку и прийти к выводу, что один или несколько человек в районе действий представляют собой законную цель на момент запуска автономной системы¹⁸⁴, действия и намерения этих людей — а следовательно, их классификация в качестве законной цели — могут быстро измениться до того, как система нанесет удар. Гражданские лица могут утратить защиту от прямого нападения только «на такой период», пока они непосредственно участвуют в военных действиях, поэтому определение начала и окончания конкретных действий должно осуществляться с особой тщательностью¹⁸⁵. Аналогичным образом, комбатанты могут быть ранены или иным образом выведены из строя в любой момент — и с этого момента они не должны подвергаться прямому нападению.

Более того, любой, кто в вооруженном конфликте использует АСВ против бойца противника, должен предусматривать разумную возможность для того, чтобы этот человек мог сдаться в плен. Применение автономной системы, не позволяющей пользователю распознать четко обозначенное противником намерение сдаться — как бы оно ни было выражено — и не позволяющей прекратить атаку, будет представлять собой нарушение запрета на ведение боевых действий безо всякой пощады (в соответствии с приказом не оставлять никого в живых)¹⁸⁶.

Одним словом, трудно представить себе реалистичные боевые ситуации, в которых применение АСВ против людей не представляло бы значительного риска нарушения МГП. Поэтому, если не будет четкого запрета на автономные системы вооружений, предназначенные для поражения личного состава, это создаст неприемлемо высокий риск того, что они будут развернуты без достаточных гарантий соблюдения МГП.

Помимо юридических проблем предметом внимания многих государств, генерального секретаря ООН, общественности, ведущих деятелей технологической отрасли и представителей научного сообщества стали и этические проблемы, касающиеся применения АСВ: человек отстраняется от принятия решений, теряется фактор моральной ответственности и уважения к человеческому достоинству при принятии решений, от которых зависит жизнь людей.

Люди несут моральную ответственность и наделены обязанностями, которыми руководствуются при принятии решений и совершении действий, в то время как неодушевленные предметы (например оружие, машины и программное обеспечение) — нет. В отсутствие человеческой воли и человеческой решимости нельзя говорить о морально ответственном принятии решений или уважении человеческого достоинства тех, кого они касаются или кто будет затронут ими. Изъятие человеческой воли из процесса принятия решений о жизни и смерти также исключает возможность проявить сдержанность — человеческое качество, которое способно побудить людей не применять силу, даже если это было бы законно.

184 Они могут быть комбатантами, бойцами или гражданскими лицами, непосредственно участвующими в военных действиях, но не лицами, выведенными из строя.

185 Непосредственное участие в военных действиях: руководство по толкованию понятия в свете международного гуманитарного права / МККК. — МККК, 2009. — URL: shop.icrc.org/interpretive-guidance-on-the-notion-of-direct-participation-in-hostilities-under-international-humanitarian-law-pdf-en.html (далее — Руководство по толкованию, 2009).

186 ДП I, ст. 40; Обычное МГП, норма 46.

Эти проблемы наиболее остро проявляются в случае применения АСВ, разработанных или используемых для нападения на людей (в отличие от систем, предназначенных для поражения объектов). При использовании этих систем решения, касающиеся жизни и смерти, принимаются на основе данных датчиков и машинной обработки информации, исходя из обобщенных параметров целей, в результате чего люди рассматриваются просто как мишени, а не как человеческие существа. Это фактически равносильно «смерти по алгоритму» — последнему рубежу в автоматизации убийств¹⁸⁷.

С. НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ НОВЫХ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, КАСАЮЩИХСЯ АСВ

В свете серьезных рисков причинения вреда пострадавшим в вооруженных конфликтах, проблем с соблюдением МГП и связанных с этим этических вопросов МККК с 2021 г. призывает к принятию новых, обязательных для исполнения норм международного права, касающихся разработки и применения АСВ¹⁸⁸. Эти нормы должны уточнить и формализовать конкретные запреты и ограничения в сфере разработки и использования автономных систем. Любые такие ограничения будут дополнять существующие нормы МГП, включая договоры в области вооружений, и не будут служить им заменой. Они будут нацелены на укрепление и развитие существующей правовой защиты, а также на устранение конкретных рисков и этических проблем, связанных с АСВ.

В частности, новые нормы должны включать следующие положения.

- Запретить непредсказуемое автономное оружие, порядок функционирования и последствия применения которого пользователь не может понять, объяснить и предсказать. Пользователи АСВ должны быть в состоянии с разумной степенью уверенности предугадать последствия применения оружия, чтобы определить, может ли оно быть направлено на конкретный военный объект, и предпринять шаги по ограничению этих прогнозируемых последствий, как того требует МГП. Это подразумевает способность понимать функциональные процессы АСВ: характер и работу датчиков, порядок определения параметров цели и потенциальные последствия применения в имеющихся обстоятельствах, включая любой риск ошибки или неисправности. К автономным видам вооружений, которые могут вызвать непредсказуемые последствия, относятся образцы, управляемые программным обеспечением на базе машинного обучения, а также использующие некоторые роевые технологии.
- Запретить автономное оружие, разработанное или применяемое для нападения на людей. Это необходимо из-за значительного риска нарушений МГП и неприемлемости автономного оружия, предназначенного для уничтожения живой силы, с этической точки зрения, о чем говорилось выше.

Даже в случае достаточной предсказуемости АСВ, разработанных и используемых только для атаки объектов, ограниченная осведомленность пользователя обо всех особенностях нападения, включая конечную цель и любой случайный ущерб, все равно будет представлять для него проблему с точки зрения применения норм МГП, касающихся ведения боевых действий, в конкретных условиях. Чтобы снизить риск нарушений, новые нормы должны также строго ограничивать разработку и использование АСВ, в том числе путем реализации комплекса следующих мер:

- ограничение целей АСВ только теми объектами, которые по своей природе являются военными;
- ограничение продолжительности и географии применения АСВ;
- ограничение масштабов использования, включая количество применений оружия системой;
- ограничение ситуаций применения теми случаями, когда гражданские лица и гражданские объекты отсутствуют;
- обеспечение в максимально доступной степени для пользователя возможности:
  - осуществлять эффективный контроль;
  - своевременно вмешиваться и в случае необходимости отключать АСВ.

187 См.: Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений, 2021. См. также: “Ethics and autonomous weapon systems: An ethical basis for human control?”, ICRC, Geneva, 2018: <https://www.icrc.org/en/document/ethics-and-autonomous-weapon-systems-ethical-basis-human-control>.

188 См.: Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений, 2021.

На тот случай, если это невозможно, АСВ должны оснащаться эффективным механизмом самоуничтожения или самонейтрализации. На фоне стремительного и все более активного развития и использования АСВ установление перечисленных выше запретов и ограничений в виде четких и обязательных норм международного права является неотложным гуманитарным приоритетом. МККК совместно с генеральным секретарем ООН призывает государства предпринять решительные и принципиальные политические шаги, чтобы завершить обсуждение таких норм к 2026 г.¹⁸⁹. МККК представил на рассмотрение государств и генерального секретаря ООН свои соображения о том, как эти нормы могли бы быть сформулированы в юридически обязывающем документе¹⁹⁰.

3. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

Вооруженные силы вкладывают значительные средства в искусственный интеллект (ИИ). Наряду с тем, что технология ИИ может быть внедрена в АСВ (см. главу V, раздел 2), одним из наиболее распространенных и все более характерных примеров использования ИИ в военных целях становится его применение в «системах поддержки принятия решений» (основанных на ИИ системах поддержки принятия решений, ИСППР). Это компьютеризированные инструменты, которые сводят воедино данные из различных источников, используя, например, спутниковые снимки, данные датчиков, каналы социальных сетей или сигналы мобильных телефонов, и на их основе осуществляют анализ и предоставляют рекомендации или прогнозы лицам, принимающим решения.

В современных конфликтах одна ИСППР может анализировать видеозаписи с беспилотников и применять технологию систематизации изображений для определения и классификации потенциальных целей. Эти выходные данные могут быть использованы другой системой, выполняющей задачи моделирования и способной предлагать рекомендации относительно выбора «оптимального» имеющегося оружия для атаки цели. Они также могут быть применены системой, использующей предиктивную аналитику для прогнозирования того, как противник может отреагировать на атаку. Такие ИСППР могут оказывать существенное влияние на принятие человеком решений о том, кого или что атаковать, где, когда и как¹⁹¹.

Повышенная ситуационная осведомленность и более быстрые циклы принятия решений часто упоминаются в качестве преимуществ, которые можно получить в результате использования ИСППР. Однако МККК ранее предупреждал, что количество человеческих жертв, к которым может привести использование этих технологий, будут зависеть от того, как эти технологии будут разрабатываться и применяться¹⁹². Важно отметить, что использование ИСППР никоим образом не сможет усовершенствовать применяемые для поиска и определения целей методику и принципы, которые во всех

189 Совместное обращение генерального секретаря ООН и президента МККК (примечание 180 выше).

190 ICRC submission on AWS to the UN secretary-general, 2024: <https://www.icrc.org/en/document/autonomous-weapons-icrc-submits-recommendations-un-secretary-general>.

191 Использование искусственного интеллекта и связанных с ним технологий для принятия военных решений о применении силы в вооруженных конфликтах: сегодняшние тенденции и потенциальные последствия / МККК. – МККК, 2024, с. 8–10. – URL: <https://shop.icrc.org/expert-consultation-report-artificial-intelligence-and-related-technologies-in-military-decision-making-on-the-use-of-force-in-armed-conflicts-current-developments-and-potential-implications-pdf-en-1.html> (далее – Использование искусственного интеллекта и связанных с ним технологий, МККК, 2024). См. также: Decisions, Decisions, Decisions: Computation and Artificial Intelligence in Military Decision-Making / ICRC. – ICRC, Geneva, 2024, p. 20. – URL: <https://shop.icrc.org/decisions-decisions-decisions-computation-and-artificial-intelligence-in-military-decision-making-pdf-en.html> (далее – Decisions, Decisions, Decisions, ICRC, 2024).

192 Искусственный интеллект и машинное обучение в вооруженных конфликтах: ключевая роль должна принадлежать человеку / МККК // Международный журнал Красного Креста. Т. 102, № 913, апрель 2020 г. – URL: <https://international-review.icrc.org/ru/articles/ai-and-machine-learning-in-armed-conflict-a-human-centred-approach-913> (далее – Искусственный интеллект и машинное обучение, МККК, 2020).

прочих аспектах не соответствуют МГП. Применение ИСППР в таком контексте будет способствовать тому, что незаконные или иные неблагоприятные последствия будут не только повторяться, но и усугубляться, и происходить это будет быстрее и в больших масштабах.

А. В СООТВЕТСТВИИ С МГП ПРАВОВЫЕ РЕШЕНИЯ ДОЛЖЕН ПРИНИМАТЬ ЧЕЛОВЕК

Как отмечалось в предыдущем разделе, МККК придерживается мнения, что МГП требует принятия людьми правовых решений, например о том, будет ли ожидаемый случайный ущерб от нападения чрезмерным по сравнению с конкретным и прямым военным преимуществом, которое предполагается получить.

Это не означает, что при проведении правовой оценки командиры и комбатанты не могут или даже не должны применять вспомогательные средства, в том числе ИСППР. На самом деле государства уже используют широкий спектр инструментов принятия военных решений на всех уровнях для содействия военнослужащим своих вооруженных сил, которые выполняют задачи по планированию нападений, отдают приказы об их проведении и непосредственно их осуществляют. В ряде стран, например, рабочий процесс оценки вероятности случайных жертв среди гражданского населения компьютеризирован, и эта информация используется для того, чтобы понять, будет ли нападение соразмерным в соответствии с МГП. Важным моментом является то, что эти компьютерные выкладки могут служить лишь источником информации и не должны заменять собой правовую оценку. По мнению МККК, это означает, что при разработке и использовании любых ИСППР вооруженные силы и другие вооруженные структуры должны учитывать принципы функционирования этих инструментов ИИ и тенденции, характеризующие взаимодействие людей с ними.

Интеграция ИИ в системы поддержки принятия решений может привести к увеличению числа непредвиденных ошибок, а также к укоренению и дальнейшему распространению предвзятости алгоритмов ИИ, особенно в отношении отдельных лиц или групп лиц определенного возраста, пола или этнической принадлежности, а также инвалидов. Тенденции указывают на то, что подобные проблемы будут усугубляться с появлением более сложных инструментов ИИ, таких как машинное обучение, что может затруднить и даже сделать невозможным для пользователя понимание того, как и почему система генерирует выходные данные на основе полученной ею информации¹⁹³. Более того, когда несколько различных ИСППР работают в рамках единого процесса и способствуют принятию связанных с ним решений, ошибка в одной из них может стать причиной возникновения сложностей и вызвать каскад ошибок при планировании и принятии решений.

Когда люди взаимодействуют с машинными системами, они демонстрируют «предрасположенность к автоматизации», что означает склонность больше доверять выдаваемым машиной результатам, а не другим источникам информации. Это особенно актуально в ситуациях, когда человек находится в состоянии стресса или оказывается в затруднительных обстоятельствах, например во время вооруженных конфликтов¹⁹⁴.

Эти факторы в совокупности могут препятствовать способности пользователя тщательно изучить доступную информацию. Практические последствия могут заключаться в том, что кто-то может спланировать, принять решение или осуществить атаку на основе выходных данных ИСППР, вместо того чтобы самостоятельно оценить законность нападения, таким образом по сути играя лишь формальную роль.

В. ИИ ПОДХОДИТ НЕ ДЛЯ ВСЕХ ЗАДАЧ

Применение инструментов ИИ, особенно машинного обучения, для решения не совсем подходящих задач может негативно сказаться на принятии решений человеком.

Как правило, ИИ работает эффективнее, если у него есть ясные, четко определенные цели и доступ к данным хорошего качества. Контекстуальные, качественные оценки, требуемые МГП, вряд ли по-

193 Искусственный интеллект и машинное обучение, МККК, 2020; см. также: *Decisions, Decisions, Decisions*, ICRC, 2024.

194 Использование искусственного интеллекта и связанных с ним технологий, МККК, 2024, с. 18.

зволют ставить четкие задачи для ИСППР. Они, как известно, сложны и обычно не могут быть сведены к математическим формулам или числовым значениям. Кроме того, вооруженные конфликты характеризуются неопределенностью и изменчивостью ситуации, а также усугубляются стремлением противников ввести друг друга в заблуждение, что затрудняет получение репрезентативных и пригодных для передачи данных.

ИСППР плохо подходит для того, чтобы делать выводы о чем-то не определяемом четко, таком как цели чьих-либо действий (например для определения «связи с воюющей стороной» в контексте непосредственного участия в военных действиях)¹⁹⁵ или намерения противника (например для оценки того, является ли объект военной целью по своему назначению)¹⁹⁶. Точно так же прогнозы поведения противника, скорее всего, будут ненадежными. Применение ИСППР более целесообразно, когда число возможных результатов ограничено и когда для этих систем можно использовать более объемные и качественные данные испытаний и моделирования. Эти ИСППР могут быть применены, например, для оптимизации логистики собственных сил, планирования перевозок или выбора между имеющимися вооружениями.

В целом, чтобы ИСППР оказывала поддержку, а не препятствовала принятию решений в вооруженном конфликте, и способствовала обеспечению соблюдения МГП, стороны в конфликте должны тщательно оценить, насколько она подходит для конкретных задач и условий применения. Возможно, в некоторых областях придется полностью исключить использование ИСППР. Одним из ярких примеров может служить абсолютная недопустимость использования таких инструментов в системах боевого управления ядерным оружием¹⁹⁷.

С. ПОТЕНЦИАЛ ИСППР: СОДЕЙСТВИЕ СОБЛЮДЕНИЮ МГП И УМЕНЬШЕНИЕ УЩЕРБА ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕКТОВ

В то же время тщательно взвешенное применение ИСППР может способствовать более быстрому и всестороннему анализу информации. Это позволит принимать решения таким образом, чтобы повысить уровень соблюдения МГП и свести к минимуму риски для гражданского населения. В частности, в контексте боевых действий в городских условиях МККК рекомендует задействовать онлайн-хранилища, использующие открытые источники информации, для сбора сведений о присутствии гражданских лиц и наличии гражданских объектов¹⁹⁸. Инструменты ИИ, вероятно, могут помочь в подборе и систематизации таких источников. Использование ИСППР для поддержки расчета боевых средств может также повлиять на выбор средств и методов нападения, которые позволят в максимально возможной степени избежать случайного ущерба гражданскому населению и гражданским объектам или, во всяком случае, свести его к минимуму¹⁹⁹.

Важно отметить, что МГП предусматривает обязательство постоянно заботиться о том, чтобы щадить гражданское население и принимать все возможные меры предосторожности при нападении. Таким образом, при разработке и применении ИСППР вооруженные силы должны учитывать не только то, как такие инструменты могут помочь в достижении военных целей с меньшим ущербом для гражданского населения, но и то, как их можно спроектировать и использовать специально для защиты гражданского населения. Это могут быть инструменты для распознавания и отслеживания гражданских лиц и оповещения соответствующих формирований об их присутствии, а также для распознавания отличительных эмблем или сигналов, указывающих на статус, дающий право на защиту.

Как было сказано выше, эффективность любых таких инструментов будет зависеть от доступа к данным хорошего качества. Судя по всему, военные все чаще создают и используют массивы данных для определения целей, но неясно, собирают ли они помимо этого данные для распознавания людей и объектов, которые не являются законными целями. Государства и другие стороны, разрабатывающие

195 Руководство по толкованию, 2009, с. 70.

196 Commentary on the Additional Protocols, ICRC, 1987, para. 2022.

197 ICRC, Statement to the 78th session of the UN General Assembly, First Committee General Debate, 11 October 2023.

198 Reducing Civilian Harm in Urban Warfare: A Handbook for Armed Groups, ICRC, 2023, p. 15.

199 В соответствии с обязательством, предусмотренным ст. 57(2)(a)(ii) ДП I.

и внедряющие ИСППР, должны восполнить этот пробел. МККК рекомендует в первоочередном порядке направлять ресурсы на исследование и внедрение инструментов и данных, которые могут способствовать более эффективному соблюдению МГП и повышению уровня защиты гражданского населения.

При использовании выходных данных ИСППР для принятия решений о выборе целей комбатанты и командиры должны оценивать информацию из всех разумно доступных источников. Командир не должен полагаться исключительно на результаты работы ИСППР, особенно в рамках заранее планируемого процесса определения целей, позволяющего уделить больше времени оценке различных источников информации. Поэтому командиры и пользователи ИСППР должны сверять выходные данные этих инструментов со всеми другими доступными сведениями.

D. У ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНО БЫТЬ ВРЕМЯ И ВОЗМОЖНОСТЬ, ЧТОБЫ ОБДУМАТЬ РЕШЕНИЕ

Одним из главных военных преимуществ ИСППР, которое обычно подчеркивается и служит основанием для их разработки и использования, является их способность ускорять процессы планирования и принятия решений, что дает превосходство над противником. Однако ускорение темпа военных действий может создать дополнительные риски как для гражданского населения, так и для комбатантов, в том числе за счет увеличения риска просчетов и эскалации.

Чтобы снизить эти риски, ответственные за планирование лица и командиры уже давно используют различные методы, например «тактическое терпение»: они преднамеренно делают паузу, позволяющую событиям развиваться, чтобы изучить ситуацию и разработать больше вариантов. Сторонам в вооруженном конфликте следует подумать о том, как сохранить такую практику даже при использовании ИСППР. Это, вероятно, потребует целенаправленного замедления процессов планирования и принятия решений, чтобы оставить время для обдумывания решений о ведении боевых действий²⁰⁰.

Инструменты ИИ оказывают значительное влияние на военное планирование и принятие решений. Эти инструменты могут способствовать принятию решений, которые сводят к минимуму риски для людей, затронутых вооруженным конфликтом. Государствам и негосударственным субъектам следует рассмотреть вопрос о том, как разрабатывать и использовать такие системы в целях содействия соблюдению МГП. Тем не менее технические ограничения, отсутствие качественных данных и тенденции в поведении человека при взаимодействии с машинами говорят о том, что ИСППР не будут подходить для всех задач и условий. Их применение также может создавать дополнительные риски для гражданского населения и других лиц, пользующихся защитой, особенно в связи с принятием решений, касающихся определения целей. Эти риски должны быть тщательно учтены и устранены при разработке, проверке законности и использовании этих инструментов.

4. СМЯГЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИ ВЕДЕНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сегодня военные действия сложно представить без применения в военных целях технологий, работающих на базе космических систем. Космос все чаще становится предметом спора, поскольку ряд государств рассматривает его как область возможной деятельности. Они внедряют специальные стратегии по защите космоса и открывают соответствующие ведомства, разрабатывают, испытывают и размещают кинетические и некинетические противокосмические системы.

В то же время важнейшие службы жизнеобеспечения гражданского населения все больше зависят от космических систем. Сегодня космические системы, в частности системы навигации, связи и

²⁰⁰ Доклад МККК, 2019, с. 36.

спутники дистанционного зондирования, играют важнейшую роль в работе критически важных объектов инфраструктуры, особенно в энергетическом и коммуникационном секторах. Эти секторы обеспечивают функционирование важнейших служб, от которых зависят мирные жители: производства и поставки продуктов питания, водо- и электроснабжения, здравоохранения, канализации и обращения с отходами, а также для работы гуманитарных организаций²⁰¹.

Поскольку космические системы в ходе вооруженных конфликтов играют все более важную роль, они со все большей вероятностью могут подвергнуться нападению, что ставит под угрозу работу важных служб на местах, функционирование которых зависит от этих систем.

А. НАЛАГАЕМЫЕ МГП ОГРАНИЧЕНИЯ НА ВЕДЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИЛИ В СВЯЗИ С НИМ

Военные действия в космическом пространстве или связанные с космическим пространством²⁰², осуществляемые кинетическими или некинетическими средствами, ведутся не в правовом вакууме. Они ограничены существующими нормами международного права. К такому праву относится, в частности, Устав ООН, договоры в сфере космического права, права нейтралитета и МГП²⁰³.

В первую очередь нормы договорного и обычного права запрещают или ограничивают применение оружия, средств и методов ведения военных действий, которые могут размещаться и (или) применяться в космическом пространстве или в связи с ним. Вывод на орбиту объектов с ядерным оружием или другим оружием массового уничтожения, установка такого оружия на небесных телах или размещение в открытом космосе каким-либо иным образом запрещено. Испытание любых типов оружия и проведение военных маневров на небесных телах запрещено. Кроме того, в открытом космосе запрещено оружие неизбирательного действия, оружие, способное нанести чрезмерные повреждения и причинить излишние страдания²⁰⁴, а также некоторые другие виды оружия²⁰⁵. Запрет на военное или иное враждебное использование методов воздействия на окружающую среду, противоречащих Конвенции об изменении окружающей среды, в равной степени действует как на Земле, так и в космическом пространстве²⁰⁶. Эти правила становятся особенно актуальными, когда государства решают изучить, разработать, приобрести или принять на вооружение любое новое оружие, средства или методы ведения войны, которые могут быть использованы в космическом пространстве или в связи с ним²⁰⁷.

Помимо запрета или ограничения конкретных видов оружия МГП налагает более общие ограничения на военные операции в рамках вооруженных конфликтов, включая те, которые осуществляются в космическом пространстве или последствия которых распространяются на космическое про-

201 Подробнее см.: Protecting Essential Civilian Services on Earth from Disruption by Military Space Operations / Gilles Doucet and Stuart Eves. – ICRC, Geneva, 2024, pp. 39–56. – URL: <https://shop.icrc.org/protecting-essential-civilian-services-on-earth-from-disruption-by-military-space-operations-pdf-en.html>.

202 Для целей настоящего документа под военными действиями в космическом пространстве или связанными с космическим пространством подразумеваются военные действия в космическом пространстве, направленные на него, осуществляемые из него или через него, а также направленные против космических систем и осуществляемые космическими или наземными средствами или за счет какого-либо взаимодействия между ними.

203 Подробнее об ограничениях в соответствии с международным правом, включая МГП, налагаемых на военные операции в космическом пространстве или в связи с ним в ходе вооруженных конфликтов, см.: Ограничения, налагаемые международным правом на военные действия в космическом пространстве в ходе вооруженных конфликтов, МККК, 2022: <https://www.icrc.org/ru/document/ogranicheniya-nalagaemye-mezhdunarodnym-pravom-na-voennye-deystviya-v-kosmicheskom>.

204 Обычное МГП, нормы 70 и 71.

205 Обычное МГП, нормы 72–84; см. также все договоры, регулирующие применение средств и методов ведения войны, в базе данных по международному гуманитарному праву: https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/treaties-and-states-parties#view:_id1:_id2:_id260:repeat1:1:labelAnchor.

206 Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, 1976 г., ст. I и II.

207 В частности, государства – участники ДП I должны определить, законны ли новые виды оружия, средства и методы ведения военных действий, чтобы обеспечить при их применении соблюдение МГП и других соответствующих норм международного права; см.: ДП I, ст. 36.

странство. Соответствующие нормы включают в себя, в частности, принцип проведения различия, запрет на неизбирательные и несоразмерные нападения и обязательство принимать все возможные меры предосторожности при нападении²⁰⁸.

Кроме того, в ходе вооруженных конфликтов международное право, в частности МГП, предоставляет особую защиту определенным лицам и объектам, включая объекты, необходимые для выживания гражданского населения²⁰⁹, медицинский персонал, формирования и транспортные средства²¹⁰, гуманитарных работников и гуманитарную помощь²¹¹, космонавтов²¹², культурные ценности²¹³, природную среду²¹⁴, сооружения и установки, содержащие опасные силы, например плотины, дамбы и атомные электростанции²¹⁵. Эта особая защита положена перечисленным категориям лиц и объектов во всякое время, в том числе при проведении военных операций, которые, как ожидается, могут повлиять на работу космических систем, крайне важных для обеспечения защиты, безопасности или работы указанных лиц и объектов.

Наконец, воюющие стороны должны принимать все возможные меры предосторожности для защиты гражданских лиц и гражданских объектов от последствий военных действий в космическом пространстве или в связи с космическим пространством. Это обязательство государства должны выполнить еще в мирное время²¹⁶. Такие меры могут включать физическое или техническое разделение космических систем (или их частей), используемых в военных целях, и тех, которые используются в гражданских целях, и выявление космических систем, обслуживающих объекты, пользующиеся особой защитой, такие как больницы и объекты, необходимые для выживания гражданского населения. Если космический объект используется исключительно в гражданских целях, то государство регистрации должно зарегистрировать его в качестве такового, четко указав его статус, обеспечивающий защиту в соответствии с МГП²¹⁷.

В. СОТРУДНИЧЕСТВО ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И УСТРАНЕНИЯ РИСКА ПРИЧИНЕНИЯ УЩЕРБА ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЪЕКТАМ В ХОДЕ ВОЕННО-КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Учитывая цели и задачи МККК, он в первую очередь обеспокоен потенциальным воздействием применения оружия и проведения других военных операций в космическом пространстве или в связи с ним на гражданское население на Земле. Поскольку космические системы необходимы для предоставления основных услуг гражданскому населению, гуманитарные соображения должны быть основой любого многостороннего обсуждения или разработки правовых норм в области космической безопасности.

С этой целью МККК вынес предварительные рекомендации международному сообществу о возможной дальнейшей разработке юридически обязательных и (или) необязательных документов, в которых были бы описаны меры по минимизации риска причинения ущерба гражданскому населению в случае возникновения угроз для космических систем. Эти рекомендации направлены, во-первых, на обеспечение защиты космических систем, необходимых для работы основных гражданских служб, а также защиты лиц и объектов, пользующихся особой защитой в соответствии с международным правом. Во-вторых, рекомендации позволят уменьшить риск образования космического мусора путем отказа от разработки, испытания и применения кинетических противокосмических средств и других причиняющих ущерб операций с аналогичными последствиями. В-третьих, эти рекомендации направлены на укрепление международного сотрудничества, чтобы обеспечить более

208 Обычное МГП, нормы 1, 7, 11–14 и 15–21; ДП I, ст. 48, 51 и 57.

209 Обычное МГП, норма 54; ДП I, ст. 54; ДП II, ст. 14.

210 См., например: ЖК I, ст. 19; ЖК II, ст. 12; ЖК IV, ст. 18; ДП I, ст. 12; ДП II, ст. 11; Обычное МГП, нормы 25, 28 и 29.

211 ДП I, ст. 70(4) и 71(2); ДП II, ст. 18(2); Обычное МГП, нормы 31 и 32.

212 ДП I, ст. 56; ДП II, ст. 15; Обычное МГП, норма 42.

213 См., например: ДП I, ст. 53; ДП II, ст. 16; Обычное МГП, нормы 38 и 39.

214 ДП I, ст. 35(3); Обычное МГП, нормы 43–45.

215 Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1996 г., ст. V.

216 ДП I, ст. 58; Обычное МГП, нормы 22–24.

217 Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1974 г., ст. IV(1)(e).

стабильное функционирование работающих при поддержке космических систем служб, от которых зависит оказание гуманитарной помощи и работа в чрезвычайных ситуациях, а также на обеспечение постоянного доступа к услугам таких служб²¹⁸.

В более широком смысле МККК призывает государства тщательно оценивать ущерб, который будет причинен отдельным людям и обществу в целом, если государства решат размещать военные мощности в космосе или применять их в ходе вооруженных конфликтов. Учитывая риск причинения серьезного ущерба гражданским лицам, государства по ряду причин могли бы наложить общие запреты или конкретные ограничения в отношении вооружения, военных действий или иных военных операций, проводимых в космическом пространстве или в связи с ним. Одна из причин — возможные гуманитарные последствия таких операций. Разрабатываемые нормы, которые будут иметь обязательную правовую силу или добровольный характер, не должны противоречить существующим правовым нормам, включая нормы МГП, а должны опираться на них и укреплять их.

---

²¹⁸ Подробнее об этих мерах см.: Предварительные рекомендации относительно возможных норм, правил и принципов ответственного поведения в связи с угрозами для космических систем со стороны государств, МККК, 27 января 2023 г.: <https://www.icrc.org/ru/report/preliminary-recommendations-possible-norms-rules-and-principles-responsible-behaviours>, а также заявление, сделанное МККК на организованном между сессиями неформальном консультативном совещании по дальнейшим практическим мерам предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве 29 февраля 2024 г.: <https://www.icrc.org/en/un-outer-space-ihl-statement>.

VI. ЗАЩИТА БЕСПРИСТРАСТНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩИХСЯ КОНФЛИКТОВ И СОДЕЙСТВИЕ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ

По оценкам ООН, в 2024 г. число нуждающихся в гуманитарной помощи и защите составило 300 млн человек, что более чем в два раза превышает аналогичные показатели 2019 г. (130 млн человек)²¹⁹. Однако эти впечатляющие цифры лишь частично характеризуют ситуацию. В данную статистику не включена гуманитарная деятельность, направленная на удовлетворение других потребностей. Например, лишенные свободы лица получили возможность связаться с родственниками только благодаря работе беспристрастной гуманитарной организации, которая может пересекать линию фронта, а другие люди смогли найти пропавших без вести родственников благодаря работе добровольцев. Кроме того, гуманитарные организации, такие как МККК, играют важную роль в распространении знаний об МГП среди представителей воюющих сторон и напоминают им об их обязательствах.

Однако гуманитарные работники сталкиваются со множеством проблем. Слишком часто гуманитарным работникам блокируют доступ к населению, чинят препятствия, отказывают в гарантиях безопасности, а жизнь и безопасность гуманитарного персонала оказываются под угрозой. Если говорить о менее очевидных проблемах, то хитросплетение санкций и контртеррористических мер затрудняет работу беспристрастных гуманитарных организаций и подрывает нормы МГП, регулирующие их деятельность и доступ к нуждающимся в помощи людям.

Кроме того, все гуманитарные организации сегодня используют цифровые технологии, чтобы сделать свою работу в интересах лиц, пострадавших от вооруженных конфликтов, более эффективной, и при этом сталкиваются с цифровыми угрозами. Когда компьютерные системы гуманитарных организаций блокируются, гуманитарные данные похищаются или в интернете проводятся кампании, призванные поставить под сомнение беспристрастный гуманитарный характер деятельности таких организаций, им становится трудно предоставлять помощь и защиту нуждающимся в помощи и обеспечивать безопасность своего персонала.

В этой главе МККК рассматривает с точки зрения права сохранение возможностей для гуманитарной деятельности в условиях санкций и контртеррористических мер, а также нормы МГП, защищающие гуманитарные организации от цифровых угроз.

1. СОХРАНЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ САНКЦИЙ И МЕР ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

В последние два десятилетия государства и международные организации все чаще прибегают к санкциям и контртеррористическим мерам, пытаясь изменить поведение определенных лиц и структур. Многие из таких мер направлены на то, чтобы эти лица и структуры не имели возможности поддерживать или осуществлять какие-либо действия, которые считаются терроризмом или угрозой международному миру и безопасности. Во многих случаях эти меры применяются там, где работают беспристрастные гуманитарные организации, такие как МККК.

МККК не выносит свое суждение по поводу законности или необходимости санкций и мер по борьбе с терроризмом. Однако эти санкции и меры — принятые как в ООН, так и на региональном или национальном уровне — вызывают обеспокоенность у гуманитарного сообщества. Она вызвана главным образом сложными юридическими, логистическими и финансовыми проблемами, к которым приводят санкции и контртеррористические меры. Их совокупный эффект негативно сказывается на масштабах и качестве гуманитарной деятельности, которая осуществляется в интересах людей, пострадавших от вооруженных конфликтов.

---

219 См.: Global Humanitarian Overview 2019 and 2024, United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs: www.unocha.org.

А. ПРИМЕНЕНИЕ САНКЦИЙ И МЕР ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ С УЧЕТОМ ТРЕБОВАНИЙ МГП

В условиях применения санкций и мер по борьбе с терроризмом крайне важно стремиться к тому, чтобы они предусматривали надежные гарантии, обеспечивающие их соответствие МГП и не препятствующие гуманитарной деятельности, основанной на принципах. Такие гарантии могут выражаться в виде четко сформулированных и постоянно действующих гуманитарных исключений, которые выводят из сферы действия санкций и контртеррористических мер собственно гуманитарную деятельность, осуществляемую беспристрастными гуманитарными организациями в соответствии с МГП. По мнению МККК, это единственный способ обеспечить, чтобы гуманитарная деятельность, предусмотренная, разрешенная и защищенная МГП, не была криминализована в ходе применения санкций и мер по борьбе с терроризмом. Кроме того, это поможет обеспечить соответствие самих мер нормам МГП, регулирующим гуманитарный доступ и гуманитарную деятельность, как того требуют различные резолюции СБ ООН, принятые с 2004 г.

В последние годы в этой области мы наблюдали ряд существенных правовых изменений.

В период с 2022 по 2023 г. произошли значительные изменения в том, как государства и международные организации предоставляли возможности для гуманитарной деятельности при разработке международных и односторонних санкций. Появление все более веских оснований для включения надежных гуманитарных гарантий в санкционные пакеты, а также информационно-разъяснительная работа в этой сфере привели к принятию в 2022 г. резолюции 2664 СБ ООН²²⁰. Резолюция предусматривает, что из сферы действия всех нынешних и будущих финансовых санкций, введенных СБ ООН, прямо исключается «предоставление, обработка и выплата денежных средств, других финансовых активов или экономических ресурсов и предоставление товаров и услуг, необходимых для обеспечения своевременной доставки гуманитарной помощи или для содействия осуществлению других видов деятельности, способствующих удовлетворению основных человеческих потребностей»²²¹. Эта резолюция явным образом демонстрирует переход к четко сформулированным и постоянным гуманитарным исключениям, рассматриваемым в качестве нового стандарта при разработке таких санкций.

Резолюция 2664 СБ ООН распространяется только на финансовые санкции ООН, однако ее принятие привело к существенным изменениям в подходах некоторых государств и международных организаций. Эти изменения часто находят свое выражение в санкциях (отличных от санкций ООН), которые устанавливаются этими государствами и международными организациями самостоятельно. Этот сдвиг свидетельствует о растущем признании гуманитарных исключений. Он также указывает на необходимость обеспечить единообразие различных санкционных рамок во избежание противоречий между санкциями ООН и другими санкциями. Отсутствие единообразия привело бы к противоречивым результатам: в одной и той же кризисной ситуации некоторые виды гуманитарной деятельности с участием перечисленных организаций или лиц были бы разрешены в соответствии с финансовыми санкциями ООН, но запрещены в соответствии с определенными односторонними санкциями. В связи с этим государствам следует продолжать работу по созданию четкой и предсказуемой правовой базы, которая позволит гуманитарным организациям и их партнерам из частного сектора работать, не лавируя между противоречащими друг другу санкциями, применяемыми в одних и тех же условиях.

Такое изменение санкционных режимов имеет ряд практических преимуществ для беспристрастных гуманитарных организаций. В частности, оно позволяет вовлечь частный сектор (банки, поставщиков, перевозчиков) в гуманитарную деятельность и облегчает этот процесс, не подвергая действующие стороны риску нарушения санкций, и тем самым помогает избежать чрезмерно педантичного соблюдения режима и слишком строгих мер по снижению рисков. Кроме того, это изменение должно облегчить финансирование гуманитарной деятельности в условиях санкций, поскольку доноры получают подтверждение того, что выделение средств гуманитарным организациям

220 Резолюция 2664 СБ ООН, принятая в декабре 2022 г., во многом была основана на резолюции 2615 СБ ООН.

221 Резолюция 2664 СБ ООН (2022), п. 1. Это следует понимать в свете пунктов 3 и 6 преамбулы резолюции, в которых подтверждается, что санкции должны соответствовать МГП. В связи с этим МККК придерживается мнения, что понятие деятельности, не подпадающей под действие резолюции 2664 СБ ООН, охватывает всю гуманитарную деятельность в понимании МГП и, следовательно, включает в себя деятельность по предоставлению помощи и защиты, осуществляемую беспристрастными гуманитарными организациями.

не нарушает санкционные режимы. Наконец, в соответствии с требованиями МГП это изменение обеспечивает важнейшую правовую защиту гуманитарных работников в условиях, когда для осуществления своей деятельности им приходится взаимодействовать с различными физическими и юридическими лицами, включенными в санкционные списки.

V. ПРОБЛЕМЫ, ОСТАЮЩИЕСЯ АКТУАЛЬНЫМИ В РАМКАХ ПРИМЕНЕНИЯ САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ

Несмотря на эти успехи, все еще нужно решить некоторые проблемы, связанные с санкциями.

Во-первых, по-прежнему существуют односторонние санкционные режимы, применяемые там, где работают беспристрастные гуманитарные организации. Они не предусматривают каких-либо гуманитарных исключений или содержат лишь временные исключения, которые не являются адекватными во время затяжных конфликтов. Добавление постоянных и хорошо сформулированных гуманитарных исключений в эти санкционные режимы по-прежнему остается необходимостью.

Во-вторых, единообразие толкования и применения гуманитарных исключений будет иметь ключевое значение для того, насколько они будут полезными и эффективными. Гуманитарные исключения без руководящих указаний и надлежащего распространения информации окажут незначительное влияние на политику чрезмерно педантичного соблюдения режима и слишком строгих мер по снижению рисков. Частный сектор, доноры и другие заинтересованные стороны должны быть уверены в способности государств, применяющих санкции, понимать и применять гуманитарные исключения. Это требует от государств разработки четких руководящих принципов в отношении гуманитарных исключений, а также содействия реализации таких исключений.

В-третьих, финансовые санкции — не единственные меры, которые могут препятствовать гуманитарной деятельности, основанной на принципах. Другие санкции, такие как экспортные ограничения, могут создавать логистические, финансовые и юридические трудности для деятельности гуманитарных организаций. Кроме того, могут потребоваться усилия по добавлению гуманитарных исключений в эти виды секторальных санкций, чтобы гарантировать, что успех, достигнутый в области финансовых санкций, не будет омрачен отсутствием исключений в других ограничениях.

C. СОБЛЮДЕНИЕ МГП В РАМКАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Начиная с 2004 г. в резолюциях ООН, касающихся контртеррористических мер, иногда упоминается (в основном в преамбуле или не имеющих обязательной силы постановляющих пунктах) о необходимости соблюдения государствами норм международного права, включая МГП, при введении или осуществлении мер по борьбе с терроризмом. В 2019 г. резолюция 2462 СБ ООН, в которой были использованы формулировки, свойственные резолюциям, принятым в соответствии с главой VII Устава ООН, впервые установила для государств — членов ООН требование, согласно которому все меры по борьбе с терроризмом, в том числе направленные на противодействие финансированию терроризма, должны соответствовать МГП. Следовательно, было признано верховенство МГП в случае разногласий между МГП и положениями, регулирующими контртеррористические меры. Таким образом, совокупное действие пунктов 5, 6 и 24 постановляющей части резолюции 2462 СБ ООН позволяет толковать обширные обязательства в области противодействия терроризму, изложенные в данной резолюции, как выводящие из своей сферы применения исключительно гуманитарную деятельность, осуществляемую беспристрастными гуманитарными организациями в соответствии с МГП.

Эта резолюция прямо не требует от государств добавлять положения о гуманитарных исключениях в свои национальные законы о противодействии терроризму, но при этом дает им возможность сделать такие шаги, не нарушая обязательств в соответствии с правовой базой ООН в области борьбы с терроризмом. В национальном законодательстве некоторых государств гуманитарные исключения уже предусмотрены, но, к сожалению, большинство стран еще не последовали этому примеру. Необходимо прилагать усилия для повышения эффективности выполнения резолюции 2462 СБ ООН с целью обеспечения того, чтобы государства «принимали во внимание потенциальное воздействие [мер по противодействию финансированию терроризма] на сугубо гуманитарную деятельность». В идеале это достигается интеграцией хорошо сформулированных и постоянных гуманитарных исключений в национальное законодательство по борьбе с терроризмом.

Государства должны избегать несоответствия между контртеррористическими мерами и санкциями. Чтобы не лишать силы гуманитарные исключения, недавно интегрированные в рамки санкционных режимов, крайне важно, чтобы государства согласовали свои подходы в отношении санкций и мер, направленных на противодействие терроризму. В противном случае существует реальный риск того, что деятельность, исключенная из сферы действия санкционных режимов, по-прежнему будет запрещена и будет преследоваться в соответствии с уголовным законодательством, направленным на борьбу с терроризмом.

2. ЗАЩИТА ГУМАНИТАРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОТ ЦИФРОВЫХ УГРОЗ

Гуманитарные организации все больше полагаются на цифровые технологии при выполнении своих задач, работают в условиях цифровизации вооруженных конфликтов и противостоят быстро меняющимся цифровым угрозам. Угрозы включают в себя кибероперации, которые проводятся с целью нарушить функционирование цифровой инфраструктуры и систем связи организаций, получить доступ к данным или извлечь их, а также информационные операции, направленные на подрыв репутации гуманитарных организаций. В последние годы мишенью таких операций стали МККК и ряд других гуманитарных организаций. Когда работа систем этих организаций нарушена, замедляется или прекращается реализация столь необходимых программ, что приводит к неблагоприятным последствиям для уязвимых людей. Если данные гуманитарного характера попадут не в те руки, они могут быть использованы для причинения вреда людям, которые уже подвергаются риску или находятся в тяжелой ситуации, или для их преследования. А если доверие к гуманитарным организациям подрывается, их сотрудники подвергаются дополнительным рискам, и доступ к нуждающимся в помощи становится еще более затруднительным. В глобальном масштабе, учитывая огромные потребности нуждающихся в помощи и ограниченные возможности гуманитарных организаций, цифровые угрозы могут усугубить страдания людей, пострадавших от вооруженных конфликтов.

На протяжении десятилетий во всем мире существовал консенсус в отношении того, что во время вооруженного конфликта и вовлеченные в него стороны, и третьи государства должны разрешать и облегчать осуществление гуманитарной деятельности при условии соблюдения их права контроля, а операции по оказанию гуманитарной помощи и сотрудники гуманитарных организаций должны пользоваться уважением и защитой. Нанесение ударов по ним является военным преступлением²²². По мнению МККК, эти правила также защищают гуманитарные организации от вредоносных кибератак и информационных операций.

А. КИБЕРОПЕРАЦИИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ВЗЛОМ И НАРУШЕНИЕ РАБОТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ГУМАНИТАРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Кибероперации, в результате которых, как можно обоснованно ожидать, будет повреждено или уничтожено имущество гуманитарных организаций, либо будут ранены или погибнуть их сотрудники или люди, которым они помогают, находятся под запретом, так же как и любые другие нападения на гражданских лиц. Кроме того, запрещены кибероперации, которые необоснованно создают помехи для деятельности гуманитарных организаций. Это связано либо с тем, что такие операции будут рассматриваться как «нападение» на гражданский объект, либо с тем, что они будут представлять собой нарушение обязательства, предписывающего разрешать и облегчать гуманитарную деятельность, а также принимать меры для того, чтобы гуманитарные операции пользовались уважением и защитой. МГП также требует, чтобы стороны в вооруженном конфликте защищали гуманитарные организации и их сотрудников от вреда, причиняемого частными акторами²²³.

Кибероперации, которые приводят к утечке гуманитарных данных даже без манипуляций с ними, их шифрования или удаления, вызывают определенные юридические проблемы. Хотя МГП, как правило, не запрещает воюющим сторонам собирать связанную с вооруженным конфликтом информацию (в том числе тайно, т. е. посредством шпионажа), стороны, которые рассматривают возможность несанкционированного доступа к гуманитарным данным, должны принимать во

²²² См.: Римский статут МУС 1998 г., ст. 8(2)(b)(iii), 8(2)(b)(xxiv) и 8(2)(e)(iii).

²²³ ДП I, ст. 71; Обычное МГП, нормы 31 и 32.

внимание особую защиту, которая распространяется на гуманитарные операции. Слежка за гуманитарными организациями ставит под угрозу конфиденциальность информации, находящейся в их распоряжении. В случае с МККК конфиденциальность является одним из ключевых принципов его работы, что прямо признается в международном праве, например в отношении посещения лиц, содержащихся под стражей²²⁴. Более того, если государства поручают подобным МККК беспристрастным гуманитарным организациям проводить такую работу, как розыск пропавших без вести, то этой деятельности необходимо способствовать, а не препятствовать²²⁵. Стороны, получающие доступ к гуманитарным данным, должны также помнить, что их действия могут подорвать доверие к гуманитарным организациям, особенно если гуманитарные данные извлекаются с целью нанесения ударов по противнику или гражданским лицам.

Существует ряд возможностей для практической реализации защиты, предоставляемой МПП определенным медицинским и гуманитарным организациям, в том числе от киберопераций. МККК выдвинул идею применения нового цифрового маркера, еще одного средства идентификации цифровых ресурсов особо охраняемых организаций – «цифровой эмблемы». Устраняя необходимость в разработке новых положений МПП в сфере защиты, цифровая эмблема будет выступать в качестве цифрового аналога физической эмблемы, обозначая ресурсы, которые пользуются особой защитой в соответствии с МПП. Цифровая эмблема будет служить той же цели, что и физическая эмблема в реальном мире во время вооруженного конфликта: она будет использоваться медицинскими учреждениями, в том числе относящимися к вооруженным силам, в качестве условного знака их особой защиты в соответствии с МПП, а также для обозначения гуманитарных операций Движения и указания на то, что они пользуются защитой. Международная группа экспертов, с которой консультировался МККК, пришла к выводу, что преимущества четкого обозначения правовой защиты перевешивают риски, связанные с использованием цифровой эмблемы²²⁶.

В. ДЕЗИНФОРМАЦИЯ, ПОДРЫВАЮЩАЯ РЕПУТАЦИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУМАНИТАРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Растущее число информационных операций, проводимых как в цифровом пространстве, так и за его пределами, также вызывает особую озабоченность, в том числе с правовой точки зрения. Гуманитарные организации не защищены, и не должны быть защищены, от критики или выражения недовольства в их адрес. Тем не менее информационные операции, которые мешают работе гуманитарных организаций или подвергают риску их деятельность и сотрудников, запрещены. Прежде всего незаконно подстрекать людей к нарушениям МПП, таким как насилие в отношении гражданских лиц или гуманитарного персонала, в том числе через онлайн-мессенджеры или платформы²²⁷. В частности, распространение дезинформации, направленной на воспрепятствование гуманитарной деятельности или ее срыв, создает помехи и уж точно не содействует ее осуществлению. Кроме того, оно может приводить к нарушению обязательства не причинять гуманитарным организациям ущерба (т. е. обязательства уважать их) или, способствуя формированию ложных представлений и разжиганию насилия в их отношении, создавать условия для невыполнения обязательства защищать такие организации от причинения вреда.

Продолжающаяся цифровизация общества и военных действий, вероятно, приведет к нарастанию количества и масштабов цифровых угроз, а также к усугублению их последствий. Речь идет об угрозах, связанных с вооруженными конфликтами и направленными как против гражданского населения, так и против гуманитарных организаций. Гуманитарные организации, государства и другие стороны должны прилагать совместные усилия, чтобы в цифровую эпоху преобладал исторически сложившийся консенсус в отношении защиты беспристрастной гуманитарной деятельности, как в правовом плане, так и на практике. До тех пор пока люди, пострадавшие от вооруженных конфликтов, будут нуждаться в беспристрастной и независимой гуманитарной помощи, те, кто ее оказывает, должны быть защищены, в том числе от цифровых угроз.

224 ЖК III, ст. 126; ЖК IV, ст. 143. Конфиденциальный характер информации и документов, находящихся в распоряжении МККК, также признается в правиле 73(4) Правил процедуры и доказывания МУС.

225 ДП I, ст. 81.

226 Цифровизация эмблем красного креста, красного полумесяца и красного кристалла: преимущества, риски и возможные решения. МККК, 2023: <https://www.icrc.org/ru/document/digital-emblem-russia>.

227 *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 1986, ICJ, p. 14, para. 220; Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, para. 191.

VII. СОЗДАНИЕ КУЛЬТУРЫ СОБЛЮДЕНИЯ МГП

После своего первого доклада об МГП и вызовах современных вооруженных конфликтов МККК систематически подчеркивал, что главная проблема для МГП — его несоблюдение. Каждый день сотрудники МККК становятся свидетелями неопишуемых страданий, разрушений и жестокости и видят, как много людей нуждаются в помощи, но не получают ее. В каждой войне люди гибнут, разлучаются с родными и теряют источники средств к существованию. Но некоторых самых экстремальных последствий можно избежать, если соблюдается МГП. И это зависит прежде всего от сторон в вооруженных конфликтах.

Государства играют ключевую роль. Они обсуждают договоры, которые налагают ограничения на ведение военных действий, и берут на себя правовые обязательства по выполнению положений этих договоров, ратифицируя их или присоединяясь к ним. Они включают нормы МГП и другие нормы в национальное законодательство, политику и практику. Они обеспечивают знание правовых норм своими вооруженными силами, их подготовку в этой области и соблюдение строгой дисциплины. Они создают уголовное законодательство и судебную систему, в рамках которой преследуются те, кто совершает серьезные нарушения права. Благодаря двустороннему, региональному и многостороннему сотрудничеству государства также могут обеспечить соблюдение обязательств по МГП и другими сторонами, включая их союзников и партнеров. Особые правовые обязательства касаются передачи оружия.

Государства используют различные внутренние процедуры для выполнения своих обязательств по МГП. Проверка соответствия нормам права новых видов вооружений, средств и методов ведения военных действий — одна из таких процедур, предусмотренных МГП. Такая проверка любого нового вида оружия, средства или метода ведения войны, которые государства разрабатывают или получают, необходима для обеспечения способности их вооруженных сил выполнять обязательства по МГП. Чтобы помочь государствам в разработке или усовершенствовании процедур проверки, МККК опубликовал в 2006 г. «Руководство по проверке соответствия нормам права новых видов оружия, средств и методов ведения войны. Меры по имплементации статьи 36 Дополнительного протокола I 1977 г.». Руководство сейчас обновляют, в том числе чтобы отразить в нем проблемы, связанные с проверкой соответствия нормам права новых видов оружия, средств и методов ведения войны, в которых используются новые и разрабатываемые технологии.

Негосударственные вооруженные группы также должны понимать МГП, включать его в свои внутренние правила и дисциплинарную систему и соблюдать его. МГП — свод правовых норм, которые необходимо соблюдать всем сторонам в вооруженном конфликте. Таким образом, чтобы поддерживать продуктивный диалог с вооруженными силами и негосударственными вооруженными группами и обеспечить необходимую защиту людям, затронутым вооруженным конфликтом, гуманитарные организации могут во время такого диалога опираться на нормы, этику, культурные традиции и практику, а также на другие правовые системы, такие как исламское право, когда в них есть точки соприкосновения с МГП.

Тем не менее знание МГП и его включение во внутригосударственные системы не может само по себе обеспечить соблюдение права в полной мере — для этого также необходима политическая воля и твердое намерение соблюдать нормы права. Создание этой политической воли государства должны сделать приоритетной задачей, чтобы защитить жизнь и достоинство миллионов людей, затронутых вооруженным конфликтом. И наконец, соблюдение МГП может внести вклад в достижение устойчивого мира, устраняя по крайней мере некоторые препятствия на пути к нему.

1. ПРЕТВОРЕНИЕ МГП В ЖИЗНЬ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВ В ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МГП И ПРЕСЕЧЕНИИ ЕГО НАРУШЕНИЙ

Именно государства в первую очередь несут ответственность за обеспечение соблюдения МГП в полном объеме, поэтому они принимают строгие меры на национальном уровне²²⁸. В разных странах существует передовая практика в этой области²²⁹. Многие примеры такой практики были использованы для подготовки рекомендаций в работе МККК «Претворение в жизнь норм МГП»²³⁰. Однако реальность такова, что МГП соблюдают и имплементируют в недостаточной степени; даже когда МГП имплементировано, его защитная цель слишком часто игнорируется.

МККК признает усилия, уже предпринятые в этом отношении, но он также призывает все государства удвоить усилия и принять долгосрочные обязательства по эффективному соблюдению МГП на национальном уровне.

А. РАТИФИКАЦИЯ ОСНОВНЫХ ДОГОВОРОВ ПО МГП

Продemonстрировать приверженность МГП можно, в первую очередь присоединившись к основным договорам по МГП. Эти договоры существуют для того, чтобы предотвращать или облегчать страдания, которые приносят вооруженные конфликты. В них содержатся нормы, которые позволяют на практике обеспечить защиту в самые тяжелые времена. Ратификация договора по МГП или присоединение к нему в мирное время не является самоцелью. Это выражение твердого намерения обеспечить соблюдение защитных норм в случае вооруженного конфликта. Четыре Женевские конвенции 1949 г. ратифицированы всеми странами, но это пока не относится к Дополнительным протоколам или любому другому договору по МГП. Поэтому МККК продолжает призывать «все государства... рассмотреть возможность ратификации договоров по МГП... участниками которых они пока не являются, или присоединения к ним»²³¹. Речь идет, в частности, о Дополнительных протоколах I и II; о договорах, которые предусматривают защиту определенных групп людей во время вооруженных конфликтов (например детей, перемещенных лиц или инвалидов); о договорах, которые содержат конкретные ограничения или запреты на применение оружия²³². Значение присоединения государств к существующим договорам нельзя переоценить: хотя обычное МГП заполняет пробелы в регулировании конфликтов, в которых участвуют государства, не являющиеся сторонами широко ратифицированных договоров по МГП, каждая ратификация усиливает защиту, предоставляемую во время конфликтов, и способствует достижению всеобщей ратификации норм МГП.

В. ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Во время вооруженных конфликтов соблюдение МГП может спасти жизни и предотвратить физические и психологические травмы. Чтобы остановить разрушения и страдания, необходимо действовать на опережение в духе гуманности и убедить все стороны, что МГП может и должно соблюдаться. Для каждого нового ратифицированного договора, как и договора, к которому государство присоединилось ранее и в отношении которого не была завершена необходимая работа по импле-

228 Об этом напоминалось в резолюции 1 «Претворение в жизнь норм МГП: “дорожная карта” по обеспечению более эффективной имплементации международного гуманитарного права на национальном уровне» 33-й Международной конференции, Женева, 9–12 декабря 2019 г. (далее – резолюция 1).

229 Некоторые примеры можно найти в докладе Пятого всемирного совещания национальных комитетов и других национальных органов по международному гуманитарному праву. См.: Претворение в жизнь МГП через внутригосударственное право и национальную политику. МККК, 2022: <https://shop.icrc.org/bringing-ihl-home-through-domestic-law-and-policy-pdf-en-2.html>.

230 Претворение в жизнь норм МГП: «дорожная карта» по обеспечению более эффективной имплементации международного гуманитарного права на национальном уровне. МККК, 2021: <https://www.icrc.org/ru/document/pretvorenie-v-zhizn-norm-mgp-rukovodstvo-po-implementacii-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo> (далее – Претворение в жизнь норм МГП, МККК, 2021).

231 К этому призыву присоединились все государства и Движение в резолюции 1, п. 4 постановляющей части.

232 Перечень договоров по МГП можно найти в базе данных МККК «Договоры, государства-участники и Комментарии»: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties>.

ментации, государственные власти должны принять имплементирующее законодательство. Это необходимо в дуалистических конституционных системах. Но и в монистических системах государственные власти должны принять законодательство, способствующее непосредственному применению МГП на внутригосударственном уровне, например для уточнения ролей, прав и обязанностей акторов на национальном уровне в отношении конкретных положений. Все государства могут также рассмотреть принятие внутригосударственных законов, которые выходят за рамки их договорных обязательств и создают дополнительную защиту в соответствии с объектом и целью договоров. При этом государства должны обеспечить добросовестное толкование каждой нормы МГП, сохраняя присущую ей защитную цель. Внутригосударственное законодательство, политика и практика, которые следуют излишне вольной интерпретации МГП, являются столь же опасными на практике, сколь и отсутствие имплементации на национальном уровне.

Для того чтобы законодательные меры приводились в исполнение, за ними должны следовать административные и практические меры²³³. К ним относится обеспечение общедоступности правовых инструментов; обозначение объектов, находящихся под защитой МГП, соответствующими эмблемами; учреждение специализированных организаций, таких как национальные комитеты по МГП или аналогичные структуры; предоставление необходимых финансовых и кадровых ресурсов учреждениям, отвечающим за имплементацию, толкование, применение и мониторинг соблюдения МГП. Для этого все государства должны сделать имплементацию МГП политическим приоритетом на национальном уровне.

С. РАССЛЕДОВАНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ НАРУШЕНИЙ МГП

Уголовное преследование за нарушения МГП уже давно считается крайне важным для обеспечения соблюдения права²³⁴. Расследование правонарушений и судебное преследование тех, кто их совершает, может прежде всего предотвратить совершение нарушений и обеспечить правосудие для жертв, когда нарушение все же произошло. Это основные причины, по которым государства четко определили правовые обязательства, чтобы положить конец нарушениям МГП и не допустить их повторения. Очень важно, чтобы существовало адекватное уголовное законодательство, что значит, что все военные преступления по договорному и обычному международному праву должны быть включены в национальное законодательство, а виновных должны преследовать в судебном порядке и наказывать. Кроме того, правовые системы и судебные органы должны быть в состоянии эффективно реагировать на нарушения права, чего можно достичь, например, путем надлежащей подготовки в области МГП.

Во многих случаях отправлять правосудие лучше всего близко к месту предполагаемого нарушения, однако иногда это нецелесообразно или практически невозможно. Чтобы нарушения не оставались безнаказанными, государства должны подтвердить свою приверженность принципу международного правосудия, воспользовавшись, например, своим правом осуществлять универсальную юрисдикцию в отношении военных преступлений и присоединившись к Римскому статуту МУС. То, как государство действует в таких ситуациях, однозначно показывает его решимость положить конец безнаказанности за нарушения МГП.

Д. ОБУЧЕНИЕ И ПОДГОТОВКА В ОБЛАСТИ МГП

Твердая решимость осуществлять обучение и подготовку в области МГП — еще один важнейший фактор, способствующий созданию культуры соблюдения права. Хотя в последние десятилетия благодаря программам военной и гражданской подготовки²³⁵ были достигнуты успехи в распространении знаний об МГП, просвещение в области МГП никогда нельзя по умолчанию считать эффективным. Особая трудность для обучения в области МГП заключается в том, что некоторые относятся к нему скептически, и даже критикуют. Такое отношение встречается в самых разных частях мира. Этому способствует телевидение, которое демонстрирует смерть и разрушения во время воору-

233 См.: Претворение в жизнь норм МГП, МККК, 2021, Перечень контрольных вопросов 3: административные и практические меры, с. 19–29.

234 Комментарий к ЖК I, п. 2823. Истоки сдержанности на войне, МККК, 2019, с. 33–34: <https://shop.icrc.org/the-roots-of-restraint-in-war-pdf-ru.html> (далее – Истоки сдержанности на войне, 2019).

235 См.: Воспитание уважения к нормам права // Международный журнал Красного Креста. – № 895/6, том 96. URL: <https://international-review.icrc.org/ru/reviews/iirc-no-895896-generating-respect-law>.

женных конфликтов. Разочарование в МГП наблюдается не только среди широкой общественности, но и среди тех, кто занимается распространением знаний о нем, например преподавателей. Огромная разница между тем, что они видят (ужасные картины страданий множества людей), и тем, в чем они обязаны убеждать (что МГП может спасти жизнь), приводит к понятному дискомфорту и чувству бессилия у многих из тех, кто распространяет знания об МГП. Но их вклад в право, их стремление к построению общества, в котором международное право соблюдается, сейчас важны как никогда.

Отправная точка создания культуры соблюдения МГП — распространение знаний о нем в обществе формальными и неформальными способами. Формальный способ — это обучение МГП в школах и высших учебных заведениях. Педагогические пособия существуют и для первых, и для вторых, они переведены на многие языки²³⁶. Неформальный способ — освещение соответствующих вопросов в СМИ: при этом журналистам и другим работникам средств массовой информации необходима помощь, чтобы в своих материалах они могли приводить наиболее точную информацию по вопросам, связанным с МГП²³⁷. Регулярное взаимодействие представителей средств массовой информации и университетских преподавателей по МГП может внести вклад в более полное понимание МГП общественностью. Такому взаимодействию может способствовать Движение.

Е. ОБМЕН ОПЫТОМ ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

После 33-й Международной конференции ряд государств подготовили добровольные доклады о своих мерах по имплементации МГП на национальном уровне. Несколько государств опубликовали добровольные доклады на эту тему²³⁸; некоторые государства (пока их немного, но их число растет) направляют сведения для доклада генерального секретаря ООН о статусе Дополнительных протоколов²³⁹; многие государства рассказывают о своих достижениях на региональных встречах по МГП, организованных при поддержке МККК²⁴⁰.

МККК надеется, что государства будут делиться передовым опытом выполнения обязательств по МГП, будут учиться друг у друга и стремиться наращивать собственные усилия в области соблюдения норм права.

Однако важно помнить, что работа по имплементации МГП — лишь начало процесса создания культуры соблюдения норм права. Принять меры по имплементации МГП и отчитаться о сделанном — само по себе недостаточно для того, чтобы обеспечить защиту на практике. Защита может быть обеспечена, только если предусмотренные шаги будут сделаны в реальности; если все нарушения будут пресекаться и всех, кто совершает серьезные нарушения, будут преследовать в судебном порядке; если все стороны в вооруженном конфликте на всех уровнях сделают осознанный выбор соблюдать МГП и придерживаться его целей при всех обстоятельствах.

В отсутствие международных механизмов правоприменения соблюдение МГП зависит от политической воли сторон в вооруженном конфликте.

---

236 Для преподавателей вузов см., например: *Sassòli M., Bouvier A., Quintin A., Grignon J. How does law protect in war?* – ICRC, Geneva, 2014. URL: <https://casebook.icrc.org/> (см. также: *Сассоли, М., Бувье, А. Правовая защита во время войны*. МККК, 2008). Для учителей средней школы см.: *Исследуя гуманитарное право. Обучающие модули для молодежи*. МККК, 2004: eh1-russian-modules.pdf.

237 См.: *IHL resources for media professionals* / ICRC. – ICRC, Geneva, 2017. URL: <https://www.icrc.org/en/document/ihl-resources-media-professionals>.

238 См.: *Voluntary reports on the domestic implementation of international humanitarian law (IHL)* / ICRC. – ICRC, Geneva, 2022. URL: <https://www.icrc.org/en/document/voluntary-reports-domestic-implementation-ihl>.

239 См.: ГА ООН, Шестой комитет – 77-я сессия: О состоянии Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г., касающихся защиты жертв вооруженных конфликтов (пункт 81 повестки дня), 2022: <https://www.un.org/en/ga/sixth/77/protocols.shtml>.

240 См., например: ежегодные встречи ЭКОВАС/МККК по рассмотрению имплементации МГП в Западной Африке, ежегодные региональные семинары по МГП для Южной Африки; региональные встречи национальных комитетов и аналогичных органов по МГП, организуемые в Северной и Южной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в арабских государствах.

2. ПОИСК ТОЧЕК СОПРИКОСНОВЕНИЯ МЕЖДУ МГП И РАЗЛИЧНЫМИ КУЛЬТУРНЫМИ И ПРАВОВЫМИ СИСТЕМАМИ

Чтобы предотвращать нарушения МГП и защищать человеческое достоинство, МККК ведет диалог со всеми сторонами в вооруженном конфликте и со всеми, кто обладает необходимым влиянием, чтобы помочь облегчить страдания людей. Эффективность такого подхода подтверждается результатами исследований, которые показывают: сосредоточенность только на праве не так действенно влияет на поведение, как обращение одновременно к праву и лежащим в его основе ценностям. Другими словами, нахождение общих элементов в праве, с одной стороны, и местных нормах и ценностях — с другой, усиливает воздействие права и способствует сдержанности²⁴¹. В течение долгого времени МККК изучает взаимосвязь между МГП и различными культурами, религиями и правовыми системами, включая традиционное поведение сомалийцев во время войны, «войны чести» в странах Тихоокеанского региона, нормы, которых придерживалось коренное население Колумбии, и африканские традиции. В Азии особое внимание уделяется изучению того, как нормы буддистской и индуистской этики войны помогают уменьшить страдания во время вооруженного конфликта²⁴². А взаимодействие МГП с исламским правом на всех континентах было в центре особого внимания МККК в течение многих лет.

Исламское право — одна из трех основных правовых систем в мире. В 29 государствах, большую часть населения которых составляют мусульмане, нормы исламского права — семейного, гражданского, коммерческого и уголовного — включены в правовые системы. С учетом этого понимание исламского права войны особенно важно для налаживания и поддержания диалога МККК с силовыми структурами и вооруженными группами, представляющими различные культурные и правовые системы по всему миру. Несколько крупномасштабных операций МККК ведет в странах с мусульманским большинством (например, в Афганистане, Ираке, Йемене, Нигерии, Сирии и Сомали), в которых исламское право имеет особую значимость. Более того, в этих и других странах сторонами в вооруженных конфликтах являются исламские группы, и некоторые из них руководствуются в своих действиях только исламом и исламским правом.

Чтобы добиться сдержанности во время вооруженных конфликтов в соответствии с МГП, МККК работает с исламскими учреждениями, учеными и специалистами в области исламского права и юриспруденции, а также с силовыми структурами и вооруженными группами, которые руководствуются исламом или исламским правом в своей деятельности. Диалог с ними особенно важен для получения доступа к нуждающимся в помощи людям и разрешения на нейтральную, независимую и беспристрастную работу МККК; предотвращения или снижения рисков для безопасности; принятия мер при возникновении трудностей правового или оперативного характера; поощрения исследований в области МГП и исламского права.

Усилия МККК по нахождению точек соприкосновения между МГП и исламским правом предпринимаются на всемирном, региональном и местном уровнях, и в них участвуют известные ученые, а также региональные и местные религиозные власти²⁴³. В центре этого диалога в соответствии с приоритетами гуманитарной работы находится понятие исламского права *amān* (защита, безопасное поведение, пощада) и его применение для защиты гуманитарных организаций и их сотрудников; исламские правила обращения с телами умерших; защита лиц, содержащихся под стражей в соответствии с исламским правом; защита гражданского населения во время вооруженного конфликта,

²⁴¹ Истоки сдержанности на войне, 2019.

²⁴² Избранные доклады, касающиеся этой работы, см.: <https://blogs.icrc.org/religion-humanitarianprinciples/>.

²⁴³ IHL and Islamic Law in Contemporary Armed Conflicts / ICRC. – ICRC, Geneva, 2019. URL: shop.icrc.org/ihl-and-islamic-law-in-contemporary-armed-conflicts-experts-workshop-geneva-29-30-october-2018-pdf-en.html.

Научные работы, представленные во время конференции и курса по МГП и исламу для имамов и военных имамов, который состоялся в Сараево в сентябре 2018 г., можно найти по адресу: <https://www.icrc.org/en/document/islamic-law-international-humanitarian-law> (на английском языке).

при этом особое внимание уделяется вопросам, касающимся осад, репрессалий в отношении населения, перемещения гражданских лиц, защиты окружающей среды, запрета сексуального насилия и применения мин и самодельных взрывных устройств.

Для МККК как гуманитарной организации, которая работает по всему миру, в странах с разными культурами и религиями, этот диалог крайне необходим, чтобы не допускать неправильного понимания нашей деятельности или давать необходимые разъяснения; вписать свою работу по обеспечению более эффективного соблюдения МГП в различные культурные и социальные контексты, а также предотвращать или облегчать страдания людей. МККК хорошо понимает, что полное совпадение МГП и различных религиозных систем или местных обычаев вряд ли возможно, и отстаивает необходимость одинаковых правовых обязательств и стандартов защиты по всему миру; он также осознает, что ценности, лежащие в основе МГП, унаследованы от многих культур и религий, и на эти ценности можно опираться для облегчения страданий во время вооруженных конфликтов. К примеру, 1400 лет назад пророк Мухаммед велел своим войскам «хорошо обращаться с... пленными»; сегодня это базовый постулат защиты, предоставляемой МГП содержащимся под стражей лицам.

3. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБЛЮДЕНИЯ МГП ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ОРУЖИЯ

Огромные объемы обычных вооружений и боеприпасов, от пистолетов, автоматов, бомб, артиллерийских снарядов и другого оружия взрывного действия до реактивных истребителей и танков, продолжают поставляться, открыто или тайно, туда, где идут наиболее жестокие вооруженные конфликты современности. Во многих местах, например в Израиле и на оккупированных территориях, в Йемене, Мали, Сирии, Судане и на территории Украины (и это лишь некоторые из примеров), из-за притока оружия разгорается пожар войны, усугубляется насилие, в том числе сексуальное и гендерное, и обостряются гуманитарные кризисы. Все это приводит к катастрофическим потерям: люди умирают или их жизнь навсегда меняется после травмы или ранения, а источники средств к существованию уничтожаются. Широкая доступность оружия мешает восстановлению и примирению после конфликта, а также человеческому и социально-экономическому развитию в долгосрочной перспективе. Поскольку по всему миру растут объемы продажи оружия, подстегиваемые усилением международной напряженности, возобновлением гонки вооружений и коммерческими стимулами, поощрение ответственного отношения и сдержанности в международной торговле оружием остается первоочередной гуманитарной задачей.

А. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО СОБЛЮДАТЬ МГП ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ О ПЕРЕДАЧЕ ОРУЖИЯ

На 31-й Международной конференции в 2011 г. государства приняли на себя обязательство сделать соблюдение МГП одним из важнейших критериев при принятии решений о передаче оружия, чтобы оружие и боеприпасы не оказывались в руках тех, кто может применить его в нарушение МГП²⁴⁴.

Как неоднократно напоминал МККК, выполнение обязательства соблюдать МГП и обеспечивать его соблюдение при передаче оружия означает, что передающие оружие государства должны оценить вероятность использования передаваемого оружия с нарушениями МГП²⁴⁵. Чтобы не способствовать таким нарушениям, государства должны, по мнению МККК, воздерживаться от передачи оружия, если существует значительная или явная опасность того, что оно будет использовано в нарушение МГП²⁴⁶. Кроме того, государства должны обуславливать или ограничивать передачу и применение

²⁴⁴ Резолюция 2: Четырехлетний план действий по имплементации международного гуманитарного права, Приложение 1: План действий, цель 5: передача оружия, 31-я Международная конференция, Женева, 28 ноября – 1 декабря 2011 г.

²⁴⁵ Доклад МККК, 2015, с. 95–99.

²⁴⁶ Договор о торговле оружием с гуманитарной точки зрения / МККК. – МККК, 2017, с. 12. См. также: Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, paras 187, 195; Доклад МККК 2015 г., с. 95; Доклад МККК, 2019, с. 88.

оружия или принимать другие своевременные, решительные практические меры, которые действительно помогут предотвратить нарушения как до, так и после поставки. МККК вновь решительно заявляет, что государства, которые снабжают оружием сторону в вооруженном конфликте, имеют особую обязанность использовать свое влияние для недопущения нарушений МГП и ограничения ущерба гражданским и другим лицам, затронутым конфликтом²⁴⁷.

Соблюдение МГП — один из ключевых критериев, по которому должна оцениваться любая предлагаемая передача оружия согласно международному Договору о торговле оружием (ДТО) 2013 г.²⁴⁸ ДТО и региональные документы, регулирующие передачу оружия, направлены на спасение жизни людей и более эффективное соблюдение МГП и прав человека. Но чтобы эти с трудом согласованные стандарты действительно изменили жизнь людей, пострадавших от войны и насилия, правительства должны, принимая решения о передаче оружия, гораздо больше внимания уделять предотвращению ущерба и эффективному снижению связанных с этим рисков.

В. ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗРЫВА МЕЖДУ ОБЯЗАТЕЛЬСТВОМ И ПРАКТИКОЙ: КАК ОБЕСПЕЧИТЬ СОБЛЮДЕНИЕ МГП ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ О ПЕРЕДАЧЕ ОРУЖИЯ

МККК глубоко обеспокоен несоответствием, которое, как представляется, существует между заявляемыми государствами обязательствами соблюдать и обеспечивать соблюдение МГП и добросовестной имплементацией положений таких документов, как ДТО, и практикой в области торговли оружием, которой придерживаются слишком многие из этих государств. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что при проведении некоторых сделок по передаче оружия разрешается не оценивать риски в области МГП; экспортные лицензии, действительные в течение многих лет и не требующие периодических пересмотров; определенные меры, упрощающие экспорт оружия, произведенного совместно несколькими странами, и ограничивающие возможность участвующих государств возражать против экспорта конечного продукта на гуманитарных основаниях²⁴⁹.

В том, что касается торговли оружием, формирование культуры соблюдения МГП предполагает, что при полной инкорпорации стандартов МГП в национальные законы и иные нормативные акты, касающиеся торговли оружием, государства должны отделять их от стандартов права прав человека. Эти требования МГП должны применяться ко всем получателям, включая военных союзников и привилегированных торговых партнеров, систематически и с учетом обстоятельств в каждом конкретном случае. Также эти требования должны применяться ко всем международным сделкам, в том числе заключенным между правительствами, и во всех случаях предоставления военной помощи, а также ко всем соответствующим статьям импорта и экспорта, включая боеприпасы, части и компоненты вооружений.

Необходима хорошая осведомленность коммерческих структур (бизнеса) о требованиях МГП и Договора о торговле оружием и большее признание роли бизнеса в соблюдении норм МГП и его ответственности в этой области. В связи с этим МККК напоминает, что ведение коммерческой деятельности в соответствии только с внутригосударственными законами, например согласно законной экспортной лицензии, не защищает сотрудников компании от судебного преследования за пособничество и соучастие в совершении военного преступления или другого преступления в соответствии с международным правом.

Чтобы эффективно предотвращать серьезные нарушения МГП и не стать соучастником в их совершении, правительства должны пересматривать выданные лицензии, в частности в свете новой информации о том, как используется поставляемое оружие. Меры, принимаемые после отгрузки, помогут не только предотвратить передачу оружия неуполномоченным конечным пользователям и несанкционированное использование, но и принять меры в случае последнего. Поэтому даже по-

²⁴⁷ Commentary on the Third Geneva Convention, ICRC, 2020, para. 200; Доклад МККК, 2015, с. 95; Доклад МККК, 2019, с. 88.

²⁴⁸ Договор о торговле оружием. Преамбула (Принципы), ст. 6.3 и 7.1.b.i.

²⁴⁹ Передача вооружений сторонам в вооруженном конфликте: что говорит право, МККК, 2024: <https://www.icrc.org/ru/document/arms-transfers-parties-armed-conflict-what-law-says>.

сле предоставления разрешения государство должно отказать в поставке, если новая информация свидетельствует о явной или значительной опасности нарушения МГП.

Принимая во внимание ухудшающуюся обстановку в области международной безопасности, следует также напомнить, что соображения безопасности, внешней политики, экономики и другие никогда не должны превалировать над правовым обязательством обеспечивать соблюдение МГП, в том числе на самом высоком политическом уровне. Трудно представить, как экспортируемое оружие может способствовать миру и безопасности, если существует явная опасность того, что оно может применяться для совершения серьезных нарушений МГП или способствовать им.

4. СОБЛЮДЕНИЕ МГП И ОБЛЕГЧЕНИЕ ПУТИ К МИРУ

Более 160 лет МККК по всему миру оказывает гуманитарную помощь людям, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов. Многие из этих конфликтов продолжаются годами или даже десятилетиями. Каждый день сотрудники МККК становятся свидетелями ужасных страданий среди комбатантов и гражданских лиц. Срочно нужны дополнительные усилия для того, чтобы не допустить новых конфликтов, положить конец существующим и достичь мира.

Соблюдение МГП может стать первым шагом к построению доверительных отношений и облегчить достижение мира, когда стороны примут решение добиваться этого.

Соблюдение МГП может облегчать путь к мирным переговорам, предотвращая бессмысленную жестокость и зверства. Обеспечивая гуманное обращение с лицами, содержащимися под стражей, надлежащее обращение с умершими и предоставление медицинской помощи в равной степени гражданскими лицами и комбатантам, МГП закладывает основу уважительного отношения ко всем людям без какой-либо дискриминации, что может снизить напряженность и создать условия для мирных переговоров. Более того, соблюдение МГП означает предотвращение военных преступлений, что упрощает процессы постконфликтного правосудия и примирение. Соблюдать МГП крайне важно, чтобы предотвратить возникновение порочного круга насилия и мести за это насилие, что порождает множество взаимных претензий, которые могут помешать мирным переговорам или выполнению мирных соглашений.

МГП предусматривает и механизмы, которые могут содействовать мирным переговорам, например заключение «специальных соглашений», в частности о прекращении огня, освобождении содержащихся под стражей лиц и амнистии. Такие гуманитарные механизмы дают возможность сторонам в конфликте начать диалог и предпринять конкретные шаги к достижению мира, не затрагивая правового статуса сторон и их притязания.

Кроме того, соблюдение МГП уменьшает разрушения и другие ужасные последствия войны, что содействует восстановлению после конфликта. Например, соблюдение МГП может способствовать сохранению важнейшей инфраструктуры и минимизировать страдания гражданских лиц. Устанавливая нормы по защите от нападений больниц, школ и объектов водоснабжения, МГП помогает защитить объекты инфраструктуры, которой пользуется гражданское население, уменьшить долговременное воздействие вооруженных конфликтов и способствует более быстрому и менее дорогому восстановлению после конфликта. Сохранение ключевых объектов гражданской инфраструктуры крайне важно для восстановления нормального течения жизни гражданского населения после конфликтов. Это также поддерживает экономическую стабильность, что необходимо для достижения мира. Более того, соблюдение МГП во время конфликта может содействовать переходу к мирной жизни, устраняя по крайней мере некоторые помехи на пути к достижению мира: чем меньше перемещенных и пропавших без вести лиц, беженцев и разрушенных домов, тем проще людям вернуться домой и заново обустроиться.

МГП формирует правовую систему, которая дает возможность вести гуманитарную деятельность, облегчает и защищает ее, что может способствовать достижению мира. В этом отношении МГП — основной инструмент, позволяющий МККК выступать в роли нейтрального посредника между сторонами в конфликте. При условии согласия всех сторон МККК может обеспечить безопасный проход для участия в мирных переговорах; обеспечить возвращение лиц, содержащихся под стражей, домой; сопровождать разлученных членов семей через линию фронта и помогать им воссоединиться; сопровождать специалистов по разминированию в зонах боев и обеспечивать им возможность выполнять работу; передавать сообщения для организации прекращения огня, одновременного освобождения содержащихся под стражей и эвакуации из осажденных районов или районов, за которые ведутся бои; передавать информацию о пропавших без вести.

Диалог и сотрудничество по гуманитарным вопросам могут послужить первым шагом на пути к более масштабной работе по установлению мира, помогая достичь доверия и взаимопонимания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Четыре Женевские конвенции 1949 г., основополагающие договоры по МГП, были приняты 75 лет назад. Они доказали свою эффективность. Как и все МГП в целом, в течение длительного времени они остаются актуальными и пользуются неизменной поддержкой всех государств. В то время как по всему миру идет более 120 вооруженных конфликтов, конвенции спасают жизнь и защищают достоинство людей каждый день.

Но многочисленные проблемы остаются. На протяжении десятилетий МККК подчеркивает, что самая главная проблема для МГП — его несоблюдение. Преднамеренные нарушения МГП по-прежнему вызывают серьезную обеспокоенность. Недостаточная имплементация МГП приводит к недостаточному соблюдению на практике. Кроме того, множество различных выгодных той или иной стороне толкований МГП — которые часто выдвигают в разгар вооруженного конфликта, чтобы отстоять свободу действий государств и их право на убийства и содержание под стражей, — вместе подрывают его защитную силу.

Такие деструктивные тенденции нужно пресекать. Государства должны действовать сообща и сделать соблюдение МГП приоритетной задачей. Миру нужно сильное право вооруженных конфликтов, право защиты, на которое можно опереться для спасения жизней. МККК надеется, что этот доклад прояснит некоторые актуальные проблемы в области соблюдения МГП, поспособствует мобилизации политической воли для их решения и, в конечном итоге, — созданию культуры соблюдения МГП, чтобы защитить гуманность во время нынешних и будущих конфликтов.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Международный Комитет Красного Креста (МККК) является беспристрастной, нейтральной и независимой организацией, чьи цели и задачи носят исключительно гуманитарный характер и заключаются в том, чтобы защищать жизнь и достоинство людей, пострадавших от вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия, и предоставлять им помощь. Пропагандируя и укрепляя гуманитарное право и универсальные принципы гуманности, МККК прилагает все усилия к тому, чтобы предотвратить страдания людей. МККК, основанный в 1863 году, стоит у истоков создания Женевских конвенций и Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Он направляет и координирует международную деятельность Движения по оказанию гуманитарной помощи в ситуациях конфликтов.

 www.icrc.org/ru

 t.me/mkkk_ru

 vk.com/icrc_rus

МККК

Международный Комитет Красного Креста
19 avenue de la Paix
1202, Женева, Швейцария
Т +41 22 734 60 01
shop.icrc.org
© МККК, февраль 2025 г.